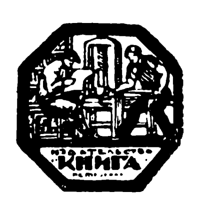

Л·МАРТОВ
ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИАЛ-
ДЕМОКРАТИИ
Период
1898—1907 г.
„КНИГА"
Москва—Петроград
1923.
СЕРГЕЙ ГРУЗЕНБЕРГ 22

Л. МАРТОВ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Издание третье

„КНИГА“
ПЕТРОГРАД, Пр. 25 Октября, 74. Тел. 1-34-34.
МОСКВА, Тверская, 38. Тел. 2-64-61.
1923

Главлит № 1805. Тираж 5.000 экз.

Военная Типография Штаба Рабоче-Крестьян. Красной Армии.
(Площадь Урицкого, 10).

ИСТОРИЯ РОСС. СОЦ.-ДЕМОКРАТИИ

Л. МАРТОВ — Часть. I.

ГЛАВА I.

Первые вспышки рабочего движения.

Современное рабочее движение есть продукт капиталистической промышленности, и первые зачатки его мы повсюду встречаем с того момента, как в сословно-крепостном обществе, основанном на принудительном труде, возникают капиталистические мануфактуры и заводы, вызванные к жизни, главным образом, военными потребностями государства.

В XVII веке возникают в России первые крупные заводы и мануфактуры и, вместе с тем, из класса крепостных земледельцев, кустарей и ремесленников-дворовых выделяются первые крепостные, полу-крепостные, а частью и „вольные" рабочие. Суконное, механическое, горное и другие производства занимают к концу XVIII века сотни тысяч рук, а в начале XIX века в Московско-Владимирском районе русскими и иностранными купцами и разбогатевшими кустарями создается производство хлопчатобумажное.

На дворянских фабриках, где работали либо кабальные (поссессионные) рабочие, либо отпущенные на оброк крепостные, нередко происходили стачки и беспорядки, вызванные тяжелыми условиями труда. В 1796 г. происходили волнения фабричных рабочих в Казани, в 1797 г. в Московской губ., в 1798 и в 1800 гг. опять в Казани, в 1806 г. в Московской губ. и в Ярославле, в 1811 г. в Тамбовской губ., в 1814 г. в Калужской, в 1815 г. в Ярославле, в 1816 г. в Петербургской губ., в 1817 г. опять в Ярославле и Казани, в 1818 г. в Ярославле; в 1819 г. в Казани, в 1821 г. в Воронежской и Калужской губ., в 1823 г. во Владимирской и Московской губ. и в Ярославле, в 1829 г. в Казани, в 1834 г. в Казани и Московской губ., в 1836 г. в Казани, в 1837 г.

в Тульской губ., в 1844 г. в Московской губ. и в 1851 г. в Воронежской губ. [1]). Борьба велась за сокращение рабочего дня, за увеличение заработной платы, против расплаты товарами и других мошеннических приемов, до которых благородные дворяне были падки не менее неблагородных купцов. Нередко крепостные рабочие требовали от правительства освобождения от крепостного ига. Эта борьба велась при страшно тяжелых условиях: с рабочими расправлялись варварски, ссылая на поселение или каторгу наиболее „упорствующих", а иногда засекали их насмерть. Нужно было много героизма, чтобы при таких условиях бороться с могущественными фабрикантами-дворянами, и русские рабочие, действительно, проявили в этой борьбе великое мужество. Несмотря на варварские наказания, рабочие иногда по целым десятилетиям отправляли в Петербург выборных к царю с жалобой на своих мучителей. Этих выборных арестовывали, наказывали плетьми, ссылали; а, глядишь, через год—два, рабочие той же фабрики опять посылают выборных... Иногда (очень редко) им удавалось упорной настойчивостью добиться от правительства обуздания эксплоататора.

Немудрено, что слагающийся класс фабрично-заводских рабочих, который, несмотря на всю свою темноту, выделялся своей подвижностью и решительностью из общей массы тогдашних крестьян, уже рано стал в глазах самодержавия опасным классом. Есть сведения, что во время восстания декабристов в 1825 г. фабричные, стоявшие в толпах на Сенатской площади, где строились вышедшие против Николая I войска, выражали весьма активное сочувствие восставшим. Залпы картечи, которыми Николай разгромил попытку восстания, скосили не только солдат, но и эту толпу „вольных".

В 1845 году правительство Николая I издало первый закон, устанавливающий уголовные наказания за стачку. Когда в 1848 году прокатилась по Европе буря революции, правительство Николая встревожилось и с беспокойством стало смотреть на скопление массы рабочих в больших городах. Московский генерал-губернатор Закревский писал в докладной записке царю, что в Москве одних фабричных имеется 36 ты-

---

[1]) Не говорим о многочисленных волнениях уральских и сибирских горнорабочих, влачивших поистине каторжное существование.

сяч и что „для охранения тишины и благоденствия, которыми в настоящее время наслаждается одна Россия, правительство не должно допускать скопления бездомных и безнравственных людей, которые легко пристают к каждому движению, разрушающему общественное или частное спокойствие“. По почину Закревского, решено было воспретить постройку новых фабрик в столицах, но эта мера, как многие другие, идущие в разрез с интересами экономического развития, осталась на бумаге: ропот фабрикантов заставил правительство от нее отказаться.

Совершенное под влиянием неудач России в Крымской войне, показавших гнилость крепостного порядка, обманное „освобождение крестьян“ 1861 года вызвало во всей народной массе долго не прекращающееся брожение. Среди городских фабричных рабочих оно сказалось снова стачками и волнениями разного рода. Это обстоятельство привлекло внимание к городским рабочим тех кружков демократической интеллигенции, которые в течение 60-х годов начали революционную борьбу под флагом экономического и политического освобождения народа. Хотя в то время и позже эта революционная интеллигенция под „трудящимися“ понимала крестьян-земледельцев и их освобождение представляла себе в виде приобретения ими „земли и воли“, фабрично-заводских же рабочих считала лишь оторванной капитализмом от земли массой, которая после переворота должна будет вернуться на землю,— тем не менее, с живущими в городах рабочими сближение революционеров-интеллигентов пошло гораздо легче и скорее, чем с очень еще темным деревенским населением, и своих сторонников революционно-социалистические кружки стали приобретать, кроме студенчества, преимущественно в рабочей среде. Уже в середине 60-х годов были случаи присоединения к этим кружкам отдельных „спропагандированных“ рабочих. Образовавшийся в 1869 году „кружок Чайковского“, поведший энергичную деятельность по распространению в народе социалистической литературы (С. Перовская, М. Натансон, Ф. Волховской, Л. Шишко, П. Кропоткин, С. Кравчинский и мн. др.), вел в разных городах систематические кружковые занятия среди заводских и ремесленных рабочих. Другие революционные группы того же „народнического“ направления, с социалистическим или анархистским оттенком, работали в том же духе. К половине 70-х годов ими уже были вовлечены в дви-

жение сотни рабочих, из которых многие выдвинулись в революционных организациях или выделились своим смелым поведением на суде, каравшем их каторжными приговорами (слесарь Малиновский, Крылов, ткач Петр Алексеев, Агапов, Александров, Герасимов и мн. др.). В 1875 году социалисту Заславскому удалось в Одессе и других южных городах образовать „Южно-русский рабочий союз", охватывавший сотни пролетариев и ставивший своей целью подготовку социального переворота. В конце 1877 года, при участии Г. Плеханова и других членов революционной партии „Земли и Воли", в Петербурге возник „Северно-русский рабочий союз", который, рядом с программой социального переворота, выставлял уже требования свободы стачек, слова, печати и проч.

Руководимый столяром Степаном Халтуриным, слесарем Виктором Обнорским и другими сознательными рабочими, этот Союз, столкнувшись с начавшимся в 1878 г. в Петербурге большим стачечным движением, стал во главе его и содействовал распространению стачечной волны, которая, в связи с промышленным кризисом конца 70-х и начала 80-х годов, прокатилась почти по всей России, дойдя до высшего пункта к 1884—1886 гг. в центральном промышленном районе (Орехово-Зуево и др. места) и оставив в наследство пролетариату, вместе с памятью о жестоких правительственных расправах, первые зачатки фабричного законодательства и создание фабричной инспекции. С начала 80-х годов „рабочий вопрос", как отдельный от крестьянского вопроса, признается уже русской буржуазной и демократической печатью и частью правительственной бюрократии.

С 1879 г. на юге (Киев, Одесса и др.) вновь образуется „Южно-русский рабочий союз" при участии П. Б. Аксельрода и других известных революционеров. Когда с лета 1879 г. из многих революционных организаций выделяется „Народная Воля", пытавшаяся путем террора и цареубийства вырвать политическую свободу, множество рабочих-социалистов примыкает к ней и принимает участие в ее боевых предприятиях. Целый ряд народовольческих групп, в свою очередь, энергично принимается за пропаганду в рабочей среде во всех городах с пролетарским населением. И когда партия „Народной Воли" после своего временного успеха оказалась побежденной, в виду неспособности буржуазных классов воспользоваться нанесенными ею царизму ударами для ограничения его власти, движение

в течение долгого времени еще продолжает теплиться в созданных народовольцами рабочих кружках, члены которых, после каждого разгрома и высылки, на новых местах образовывали новые центры пропаганды.

ГЛАВА II.

Возникновение социал-демократии и массовое рабочее движение.

С средины 80-х годов в разных местах России возникают первые группы *социал-демократов*.

Русский пролетариат, как мы видели, сам давал о себе знать революционеру семидесятых и восьмидесятых годов, сам обращал на себя внимание и сам выдвигал борцов за революционное дело. Народники и народовольцы не оценили в достаточной мере революционную силу русского пролетариата. Когда, вместе с партией „Народной Воли", революционная интеллигенция была окончательно разбита самодержавием, то большинство уцелевших и бежавших за границу революционеров, равно как и оставшиеся в России их сторонники продолжали попрежнему мечтать о крестьянском восстании, о терроре, о военном заговоре; другие, бросив думать о народной революции, пытались привлечь на свою сторону либерально-буржуазное общество. Но среди эмигрантов нашлись и иные люди, для которых тяжелый опыт не прошел бесследно. Эти люди выяснили причины неуспеха русского революционного дела, они ближе познакомились с состоянием рабочего движения в Западной Европе и, порвав с точкой зрения крестьянской революции, стали на точку зрения пролетариата. Заслуга выведения русского революционного движения на новый путь принадлежит группе „Освобождение Труда", основанной в 1883 году Г. Плехановым, выступившим сразу ее теоретическим и публицистическим знаменоносцем, В. Засулич, П. Аксельродом и Л. Дейчем. Эта группа взяла на себя нелегкое дело пропаганды социал-демократических идей среди русских революционеров.

Плеханов и Аксельрод принимали участие в революционном движении 70-х годов [1]); оба хорошо были знакомы специально

---

[1]) В. Засулич начала свою революционную деятельность уже в 60-х годах.

с рабочим движением и научились ценить революционные задатки русского пролетариата. Группа „Освобождение Труда“ приступила к изданию на русском языке трудов великих социалистов Маркса и Энгельса и к критике народнических предрассудков.

Рассмотрим, каковы были главные идеи, пропагандировавшиеся основателями русской социал-демократии, и каково их отношение к революционным программам—народнической и народовольческой.

Русская социал-демократия настаивала на том, чтобы борцом за социализм призван быть пролетариат; идея социализма есть теоретическое выражение классовых интересов пролетариата; поэтому борьба за социализм только тогда является плодотворной, когда революционная партия опирается на сознательный, организованный рабочий класс, интересы которого толкают его к сочувствию социализму. Задача социал-демократической партии: содействовать развитию самосознания этого класса, объединять его, по мере того, как капиталистическое развитие умножает его численность, и, стоя в первых рядах рабочего класса, вместе с ним вести борьбу против существующего строя. Борясь за свое собственное освобождение, пролетариат освобождает и весь народ. Плеханов и его друзья раскрыли несостоятельность народнических надежд на крестьянство, как опору русской революции; они показали, что в деревне создается почва для революционного движения только в той мере, в какой хозяева-собственники превращаются в сельский пролетариат, солидарный в своих интересах с городским пролетариатом.

Народники отрицали борьбу за политическую свободу, считая, что этой свободой воспользуются только буржуазные классы во вред народным (крестьянским) массам. Великой заслугой партии „Народной Воли“ было признание необходимости прежде всего свергнуть самодержавие. Но за этой верной мыслью у народовольцев скрывалась старая народническая надежда на всеобщее крестьянское восстание, которое, думали народовольцы, вспыхнет после падения самодержавия. Более трезво смотрел „Северно-русский рабочий союз“, когда говорил, что стремится к политической свободе, которая оградит „самое существование и развитие рабочих организаций, стремящихся к социальному перевороту“. Русская социал-демократия развила далее точку зрения „Северно-русского рабочего союза“ Освобождение рабо-

чих может быть только делом самих рабочих. Чтобы достигнуть конечной цели рабочего движения, т.-е. торжества социализма, необходима предварительно широкая политическая свобода, которая одна только позволит пролетариату развить свою силу и свое самосознание в достаточной мере, чтобы взять в свои руки общественное производство. Поэтому задача русской рабочей партии, вопреки всем политическим стеснениям—развить в рабочих массах сознание необходимости достижения политической свободы, организовать их на борьбу с русским самодержавием. Народники 70-х годов, видя, что в России политической свободы добиваются буржуазные либералы, заключали отсюда, что введение в программу политической свободы будет на руку либеральной буржуазии. По их мнению, борьба за социализм не совместима с борьбой за демократию, за свободное народное государство. Напротив, после падения партии „Народной Воли“ среди русских революционных кружков укрепился взгляд, что революционная партия должна бороться за политическую свободу, но зато должна оставить в тени вопрос о социализме и ни в коем случае не пытаться организовать самостоятельно народные массы. Нужно, говорили эти революционеры, сплотить все силы для борьбы с политическим гнетом, а для этого не выдвигать самостоятельных классовых интересов трудящихся, что может только оттолкнуть от борьбы за политическую свободу те группы буржуазного общества, которые не прочь бороться с самодержавием. Иначе говоря, борьба за социализм в современной России препятствует борьбе за демократию. Нет, отвечали Плеханов и его друзья, борьба за социализм вполне совместима с энергичной борьбой за демократию, она не мыслима без одновременной борьбы за демократический строй. И неверно, с другой стороны, будто бы рабочие, сознающие необходимость политической свободы, должны оставить в стороне социализм и вступить в ряды партии, борющейся за политическую свободу, и только за нее. Самостоятельная рабочая партия, доказывала группа „Освобождение Труда“, является надежнейшим борцом против самодержавия. Такая партия всегда будет поддерживать всякое движение против самодержавия, но никогда не будет при этом забывать или скрывать, что она борется во имя социализма, во имя классовых интересов пролетариата, противоположных интересам всех других классов; что демократический строй для нее не конечная цель, а только средство к цели, но средство

незаменимое, которое должно быть завоевано прежде всего. Свою политическую борьбу рабочий класс должен вести как организованный класс, никогда не забывающий своих классовых интересов и конечной цели своего движения. Народники и народовольцы верили в возможность совершить в любой момент социальный переворот, путем ли всенародного бунта, путем ли захвата власти заговорщической партией. Русская социал-демократия доказывала, что такие глубокие перевороты в жизни народов не совершаются легко, одним ударом; что они достигаются настойчивой, медленной работой, постепенно подкапывающей основы, на которых зиждется современный строй. Эта разрушительная работа необходимо совершается самим капитализмом, который, разоряя мелких собственников, умножает пролетариат, собирает его в крупных городах и в то же время обостряет его борьбу за кусок хлеба, озлобляя и развивая его сознание, и сам роет себе могилу, подготовляя своих собственных могильщиков. Дело социал-демократии—работать на почве, расчищаемой развитием капитализма.

В програме русской социал-демократии рабочий класс получил действительное выражение своих классовых интересов. В этой програме пролетариат рассматривается уже не как придаток к общей народной массе, а как главное ядро народа, каким он на деле становится, благодаря развитию капитализма, превращающего большинство населения в пролетариев. Не важно, что первыми провозвестниками русской социал-демократии были лица, вышедшие из той же интеллигенции, которая поставляла самую главную массу борцов; в их програме выразился дух рабочего движения, возникшего уже в 70-х годах. Русский пролетариат, давший революционному делу Алексеевых и Халтуриных, достиг теперь того, что революционная партия сливала свое дело с его классовым делом, переставала быть кучкой интеллигентов, стремящихся вести за собой народную массу, чтобы стать выразительницей его, пролетариата, классовых нужд, его классовой идеи.

Но большинство революционеров 80-х годов не пошло за группой „Освобождение Труда“. Старые верования не легко уступают место новым, особенно если со старыми верованиями связано такое героическое прошлое. Группа „Освобождение Труда“ имела в течение 80-х годов очень мало сторонников в России, большинство революционеров относилось к ее идеям прямо враждебно. Они казались не применимыми к России.

Плеханову и Аксельроду ставили в укор то, что они возбуждают классовую рознь в стране, где царит самодержавие, которое может быть сломлено только союзом всех классов нации. Им указывали на то, что русский рабочий в массе еще не очень развит, что он, в общем, не протестует против условий труда. И, действительно, после 1887 г. среди рабочего класса царило затишье. Промышленный кризис окончился, промышленность переживала хорошее время. Пролетариат не проявлял признаков возбуждения, и, казалось, правы были те, кто говорил, что еще не скоро в России сможет развиться широкое рабочее движение.

Плеханову и его друзьям оставалось доказывать, что экономическое развитие сделает свое дело и что период сравнительной тишины будет недолог. А их немногочисленные сторонники в России приступили к организации рабочих кружков, к пропаганде идей социал-демократии, хотя бы только среди более развитой части рабочих, вступивших в эти кружки. В течение нескольких лет успех социал-демократов был очень ничтожен.

Первая социал-демократическая группа в России, занявшаяся пропагандой среди рабочих, была образована в Петербурге болгарским социалистом Благоевым (ныне вождь болгарской с.-д. партии, так-наз. „тесной“), Харитоновым, Герасимовым, И. Бородиным и другими. Группа эта вступила в сношения с Плехановым и Аксельродом и поставила нелегальную типографию, в которой стала выпускать газету „Рабочий“. В двух нумерах газеты помещены, между прочим, и статьи Плеханова. Разгром группы жандармами не прекратил соц.-дем. пропаганды в столице, но она отныне велась уже одиночками и небольшими кружками. В провинции отдельные социалисты, побывавшие за границей и там соприкасавшиеся с марксистами или участвовавшие в германском с.-д. движении, либо за время пребывания в народовольческих кружках ознакомившиеся с новым учением, в свою очередь, явились проводниками идей классового, научного социализма в рабочую среду. К началу 90-х годов таких одиночек и небольших кружков действовало несколько десятков по всей России. Л. Красин в Петербурге, Н. Е. Федосеев во Владимире, Л. Хинчук в Туле, рабочий Ю. Мельницкий в Киеве, Машицкий и Алабышев в Ростове на Дону, Гольдендах (Рязанов), а потом Нахамкес (Стеклов) и Циперович в Одессе, А. Кремер, И. Айзен-

штат, Ц. Копельзон и др. в Вильне, и ряд других пропагандистов действовал в эти первые, самые трудные годы рабочей пропаганды. С конца 80-х годов „обзоры“ жандармских дознаний по политическим преступлениям пестрят сообщениями о выслеженных рабочих кружках, о находимой при обыске у рабочих нелегальной литературе, об образовании тайных касс взаимопомощи, товарищеских библиотек и т. п. признаках „крамолы“ в рабочей среде. В 1891 году члены петербургских рабочих кружков устраивают первую тайную „маевку“, собравшись в количестве 100 человек на собрание для выслушания речей о значении только-что введенного в Западной Европе пролетарского праздника. В 1892 году такие же тайные маевки устраиваются, кроме Петербурга, в Вильне и Туле. Еще в 1890 году жандармы нападают на след тайной пропаганды на Путиловском заводе, ведшейся польскими техниками и рабочими. В 1891 году за Невской заставой обнаруживают „подпольную“ деятельность слесарей карточной фабрики Ник. Богданова и Ан. Филимонова (получили по 8 месяцев „Крестов“). В том же году высылают из Иркутска пропагандиста Л. Красина. Весной того же года о рабочих Петербурга заговаривают по поводу их участия в студенческой демонстрации на похоронах демократа-шестидесятника Н. В. Шелгунова (на венке от рабочих была надпись: „Указателю пути к свободе и равенству“). В 1892 году пропаганда в Петербурге ведется в более широких размерах. Ряд рабочих и интеллигентов был арестован и выслан. Попытки связать отдельные кружки, ведущие пропаганду в разных городах, оказывались неудачными и лишь вели к провалу, побуждая пропагандистов более тесно замыкаться, дабы не пасть жертвой жандармской провокации. А эта замкнутость, в свою очередь, сужала размах деятельности социал-демократических групп, которые порознь не имели ни сил, ни средств придать своей работе сколько-нибудь широкий характер.

1891—1892 годы, годы страшного голода почти во всей России, произвели перелом в ходе социал-демократического движения, медленно развивавшегося до тех пор.

С одной стороны, эти годы вызвали большое оживление среди демократической интеллигенции, пробудивши в ней стремление пойти на помощь голодающей деревне. Непосредственное наблюдение над экономической и культурной беспомощностью крестьянства и обнаруженное исследованиями безвыходное по-

ложение деревенских масс добили в широких кругах интеллигенции старую народническую веру в крестьянство, долженствующее, минуя капитализм, придти к социализму. Учение русских марксистов о необходимости для России пройти через капиталистическую стадию развития и о пролетариате капиталистической промышленности, как единственном классе народа, способном повести борьбу за освобождение страны, стало быстро приобретать себе сторонников. После брошюр Г. В. Плеханова „Всероссийское разорение“ (1892 г.) и „Задачи социалистов в борьбе с голодом“ (1893 г.), появившихся еще за границей, ряд произведений, посвященных теоретическому обоснованию марксизма, критике народничества и развитию программы соц.-дем. деятельности, был опубликован в России. В 1894 г. вышла (легально) книга П. Б. Струве „Критические заметки“ и резко полемическая (нелегальная) брошюра „Кто такие друзья народа и как они воюют с социал-демократами“, принадлежавшая перу В. Ульянова (Н. Ленина), перед тем незадолго вступившего в состав петербургской группы пропагандистов-социал-демократов. В следующем (1895) году А. Н. Потресов издал в Петербурге легально книгу Г. В. Плеханова (Бельтова) „К вопросу о монистическом взгляде на историю“, сыгравшую громадную роль в деле выработки социалистического мировоззрения революционных деятелей 90-х годов. В том же году в Петербурге был издан марксистами сборник „Материалы по вопросу об экономическом положении России“, заключавший в себе ряд боевых статей Г. Плеханова, П. Струве, К. Тулина (Н. Ленина), А. Н. Потресова. Сборник был сожжен цензурой, но отдельные его экземпляры успели разойтись в публике. В следующем (1896) году появился новый памфлет Плеханова (под псевд. Волгина): „Попытка обоснования народничества в трудах В. Воронцова“, а в конце того же года в Самаре стала выходить ежедневная марксистская газета „Самарский Вестник“ (П. П. Маслов, Р. Циммерман-Гвоздев, А. Санин, В. Португалов, Н. Федосеев и др.). С весны же 1897 г. петербургские марксисты получили в руки ежемесячный журнал „Новое Слово“, который в течение 8 месяцев, пока не был закрыт, с редкой яркостью и силой отстаивал новое учение, вопреки всем цензурным трудностям (в журнале помещены были статьи Г. В. Плеханова, А. Н. Потресова, В. И. Засулич, Н. Ленина, П. Струве, М. Туган-Барановского, В. Богучарского, В. Водовозова, С. Булгакова, Е. Смирнова, Л. Мартова и

других, а литературный отдел украшался очерками М. Горького).

В провинции в то же время марксисты получили возможность пользоваться двумя подцензурными газетами: латышской „Деенс Лапа“ в Риге (Стучка, Янсон и др.) и грузинской „Квали“ (Франчески, Н. Жордания и др.).

Эта интенсивная пропагандистская литературная деятельность марксистов увенчалась блестящей победой: ко второй половине 90-х годов старые революционные направления были сметены, масса активных революционеров встала под знамя социал-демократии. Но этот результат был возможен только потому, что теже голодные 1891—1892 годы своими экономическими последствиями дали сильный толчок пробуждению самих рабочих масс. На рабочий рынок голодом были выброшены массы ищущих работы, чем не преминули воспользоваться капиталисты для попыток наверстать понесенные во время заминки убытки ухудшением условий труда. Тем самым участились стихийные конфликты между рабочими и предпринимателями; в пролетарской среде возникло брожение, которое к моменту наступившего затем промышленного подъема сделало рабочие массы готовыми подумать об использовании благоприятного положения промышленности для борьбы за лучшие условия труда. Так расширившиеся кадры организованных в подпольных группах социал-демократов вступили в соприкосновение с широкими рабочими низами, ищущими выхода из невыносимого положения. Эпоха *массового пролетарского движения* под знаменем социал-демократии началась.

В 1892 году произошли рабочие беспорядки в Юзовке, перешедшие в погромное движение. Оно было подавлено военным судом и смертными казнями. В 1893 году бурная забастовка произошла на Хлудовской мануфактуре в Егорьевске, Рязанской губ., упорно бастовали железнодорожные мастерские в Ростове на Дону, были забастовки в Петербурге и Харькове. В 1894 г. забастовки и конфликты происходят в Петербурге (ткачи у Воронина, Новое Адмиралтейство), в Москве, в Шуе, в Минске, Вильне, Тифлисе. В 1895 году в Петербурге бастуют и на Путиловском заводе, и на сапожной фабр., и на фабр. Торнтона и на табачных фабриках (Лаферм); в Москве—на Прохоровской мануфактуре, у чаеразвесочников и на некоторых других фабриках; кроме того, в Иваново-Вознесенске и Тейкове, в Ярославле (Корзинкинская м-ра), в Самаре, Орле,

Рославле, Одессе, Минске, Ковне, Белостоке, Вильне, Сморгони и др. городах. В этом году уже число бастовавших доходило, по умеренным расчетам, до 40—50 тысяч. Некоторые из стачек этого года, вопреки свирепо проводившемуся цензурному запрету на сведения о рабочем движении, стали фактически, благодаря размеру их или сопровождавших их „беспорядкам", достоянием гласности. Так, стачка в Тейкове, где рабочими был убит угнетавший их директор-англичанин, и петербургская стачка работниц у Лаферма (в ноябре), произведших разгром фабрики, который тогдашний градоначальник фон-Валь прекратил поливанием работниц водой из пожарных кишек. Много шума вызвала забастовка в августе на табачной фабрике Эдельштейна в Вильне, благодаря проявленной забастовщиками выдержке и организованности и поддержке, которую им оказывали рабочие всего города. Вспыхнувшая около того же времени всеобщая забастовка в Белостоке, вызванная попыткой введения „рабочей книжки" с напечатанными в ней статьями, карающим за стачки (до тех пор рабочие не знали в Белостоке об этих статьях), носила как бы политический характер. Она охватила до 20.000 рабочих. Но наиболее памятной для пролетариата и всей демократии была в этом году забастовка в Ярославле (апрель) тем, что здесь впервые в царствование Николая II пролита была кровь рабочих при самых возмутительных обстоятельствах, когда толпа стачечников пошла требовать освобождения арестованных „зачинщиков". Знаменитая благодарность Николая II „молодцам-фанагорийцам", стрелявшим в толпу (были убитые), облетела всю Россию.

К весне 1896 года стачечное движение захватило всю массу рабочих петербургского прядильно-ткацкого производства и во второй половине мая 1896 года 35.000 рабочих этого производства забастовали, выставив ряд общих требований, в том числе сокращение рабочего дня до 10 часов. Стачка длилась больше месяца и отличалась как стойкостью рабочих, так и удивительной сдержанностью и спокойствием, не покидавшими стачечников, несмотря на провокаторские действия полиции, жандармов и фабричной инспекции.

Небывалая по своим размерам стачка привлекла к себе всеобщее внимание. Не только рабочие России, но и рабочие других стран выразили свое сочувствие к ней. Из Англии и Германии рабочим были присланы пожертвования в пользу

стачечников. Европейская печать заговорила о небывалом явлении в русской жизни, о начале русского рабочего движения. Напротив, русская печать не могла даже заикнуться о стачке; особые циркуляры цензурного ведомства запрещали отныне касаться в печати рабочего движения. Тем не-менее, весть о стачке разнеслась далеко и вызвала сочувствие даже в буржуазных слоях населения. О революционной интеллигенции нечего и говорить: она сознавала, что нарастает громадная народная сила, заинтересованная в достижении той же свободы, к которой до тех пор тщетно стремилась интеллигенция. Учение русской социал-демократии стало теперь встречать гораздо более сочувственный отклик.

Правительство не ограничилось запрещением писать о стачке в газетах. Не менее 1.000 стачечников было арестовано и многие из них высланы. На некоторых фабриках рабочие насильственно принуждались полицией становиться на работу. Тогдашний министр финансов—С. Ю. Витте—попытался подействовать на стачечников „увещанием". В длинном воззвании он говорил им о своем „попечении" о нуждах рабочего класса и сулил всякие милости, если только рабочие прекратят забастовку, являющуюся страшным преступлением против власти. Воззвание Витте имело не больший успех, чем его же знаменитое послание к „братцам-рабочим", выпущенное им спустя 9 лет в качестве главы правительства. Стачка улеглась лишь тогда, когда правительство объявило о созыве комиссии из фабрикантов и чиновников для рассмотрения вопроса о законодательном сокращении рабочего времени.

Летом же 1896 года стачечное движение вновь вспыхнуло в Москве, главным образом, среди рабочих железнодорожных мастерских. Осенью того же года бастовали ткачи в Костроме. В Западном крае забастовки охватили массу ремесленных рабочих, в Либаве и Риге бастовали крупные механические заводы, в Одессе—табачные фабрики.

В январе 1897 года возобновилась стачка петербургских ткачей, изверившихся в то, что правительственная комиссия когда-нибудь приведет к концу свое „исследование" вопроса о сокращении рабочего дня. На этот раз к стачке примкнули некоторые механические заводы. Стачка прекратилась, когда фабричная инспекция объявила, что к апрелю рабочий день будет сокращен. Вслед за тем, бурная стачка вспыхнула

среди ткачей в г. Серпухове; она была подавлена казаками с той свирепой жестокостью, которая в последующие годы стала обычным спутником всякого крупного движения народных масс. В то же время новые стачки — на табачных и ткацких фабриках — произошли в Москве, а в апреле забастовала Новая бумагопрядильня в Петербурге. Эта стачка тоже была подавлена с особой жестокостью.

Движение затем перекинулось во Владимирский район. Бурные беспорядки в Орехово-Зуеве сменились всеобщей стачкой иваново-вознесенских рабочих (в декабре 1897 г.). Затем в течение 1898 года ряд стачек произошел в Ярославле, Костромской губ. и южной части Владимирской (Гусь-Мальцево). В конце 1898 года ткацкое движение в Петербурге закончилось крупной стачкой на фабриках Максвеля и Паля, причем рабочие, обороняясь от неистовств полиции, оказали ей упорное и стойкое сопротивление, побежденное при помощи воинской команды. Победители подвергли рабочих страшным истязаниям, которые стоили жизни нескольким человекам. Затем последовал суд над рабочими, закончившийся весьма суровыми приговорами. Из стачек в Петербургском районе за это время следует отметить стачку в Колпине, происшедшую в мае 1898 года.

В течение всего 1897 года стачечное движение с большим успехом охватило, одну за другой, все почти отрасли фабричного и ремесленного труда в Варшаве. Движение перекинулось в польский горнозаводский район, где большая стачка в Домброве послужила властям поводом устроить над рабочими жестокую бойню. В Белостоке стачечное движение охватило всех ткачей летом в 1898 г. и повторилось в 1899 г. В Литве не прекращались стачки ремесленных рабочих, а также рабочих в щетинном и кожевенном производствах. В 1899 г. в Варшаве опять бастовали свыше 20.000 рабочих. На юге России начинается стачечное движение в Киеве и Екатеринославе. В последнем городе в 1898 году разыгрывается одна из тех стихийных, неосмысленных вспышек, которые часты при первых шагах рабочего движения. На Брянском заводе движение началось стачкой, а кончилось разгромом потребительской лавки и еврейских лачуг. Такого же рода беспорядки произошли около того времени в Брянском заводе Орловской губернии, а затем в Дружковке и некоторых других пунктах Донецкого района. Эти стихийные вспышки

предвещали собой начало более организованной борьбы [1]). В Мариуполе в 1899 году произошли две крупные стачки, причем оба раза рабочие мужественно оборонялись от полиции и войск, не давая им арестовывать „агитаторов“. В результате войска стреляли, убив несколько человек.

Крупные события разыгрались в мае 1899 г. в Риге, когда там вспыхнула стачка работниц джутовой фабрики. На грубую расправу полиции с забастовщицами весь пролетариат Риги ответил забастовкой и энергичной борьбой на улицах с войсками. Множество убитых и раненых остались на улицах Риги. В 1897 году организованное рабочее движение проявилось на Урале—на казенном оружейном заводе в Златоусте, где в течение нескольких месяцев рабочие стойко боролись за введение 8-часового рабочего дня. Наконец, с 1896 года, все усиливаясь, развивается стачечное движение на Кавказе—пока еще в столице Кавказа, Тифлисе.

Последние более крупные „экономические“ стачки за описываемый период времени—стачка булочников в Киеве весною 1900 г., длившаяся очень долго, стачки жел.-дор. рабочих в Красноярске и Тифлисе летом того же года и бурные беспорядки на Прохоровских рудниках Донецкого бассейна (октябрь).

Как было указано выше, толчком к стачечному движению в массах послужило ухудшение условий труда, вызванное притоком безработных из деревни после голода 1891—1892 гг. В следующие затем годы промышленность испытывает сильное оживление, связанное с усиленной постройкой железных дорог казной. Это промышленное оживление облегчало стачечную борьбу и способствовало тому, что энергия рабочей массы направлялась преимущественно на улучшение условий труда, так как, несмотря на противодействие правительства, при известной стойкости и сплоченности рабочих стачка приводила к желательным результатам. Время промышленного подъема везде вызывает усиление организованного стачечного движения, тогда как в момент кризиса и застоя обычны—среди более забитых и отсталых масс—вспышки стихийного отчаяния.

Стачечное движение описываемого времени, действительно, благоприятно отразилось на положении русского пролетариата.

[1]) В 1899 г. на Сормовских заводах произошли беспорядки с тем же характером.

Ничем не ограниченная до тех пор эксплоатация рабочего была введена в известные границы. Заработная плата во многих местах была повышена, были уничтожены самые вопиющие злоупотребления русских фабричных порядков, делавшие рабочих рабами в полном смысле слова. Еще важнее было достигнутое рабочими лучшее обращение со стороны фабрикантов и мастеров. С наибольшей энергией борьба велась за сокращение рабочего дня, который в России был продолжительнее, чем где бы то ни было в мире. И в этой области рабочие достигли заметных успехов. Эти успехи были засвидетельствованы правительством, которое, испугавшись роста рабочего движения, было вынуждено поставить на очередь вопрос о законодательном ограничении рабочего дня. Соображения „государственного порядка и спокойствия“ взяли верх над заботой об „опоре престола“—капиталистах. Самодержавие решилось даже пойти наперекор главным столпам промышленности—московским фабрикантам, которые яростнее других защищали свое священное право пить кровь из рабочего в течение 15 и 16 часов в сутки. 2 июня 1897 года правительство издало первый закон, ограничивающий продолжительность рабочего времени для мужчин. Рабочий день был определен в $11^1/_2$ час. в сутки, сверхурочные работы сильно ограничены. Вместе с тем, было значительно увеличено количество фабричных инспекторов.

Такие действия государственной власти, как закон 2 июня 1897 года, везде считаются победами рабочего класса. И, действительно, победой является принуждение государственной машины, заботящейся только об интересах эксплоататоров, позаботиться хоть раз о здоровье и жизни эксплоатируемых. Другое дело—какую непосредственную пользу приносит подобный закон рабочему классу. При политической свободе, пользуясь политическими правами, рабочий класс извлекает из самого неудовлетворительного фабричного закона всю возможную пользу. При царящем в России бесправии, при полном отсутствии гласности, закон легко становится мертвой буквой, когда он невыгоден сильным влиятельным группам населения. Не прошло и года после издания закона 2 июня, как под давлением слезных просьб капиталистов стали издаваться дополнения к закону и допускаться изъятия для отдельных производств. В скором времени от закона не осталось почти ничего и рабочие сохранили приобретенные улучшения лишь там, где

сумели отстоять их силой. Что же касается до увеличенного состава фабричной инспекции, то он очень скоро превратился в столь же многочисленную банду фабричных полицейских, напрягавших все усилия на борьбу с рабочим движением.

Вообще, очень скоро правительство, бросив в сторону политику мнимого „попечения“ о рабочих, взялось со всей энергией за „искоренение“ рабочего движения. Кроме обычных приемов ареста „зачинщиков“ стачек и „экстренных“ расправ с безоружной толпой при помощи скорострельных ружей, как то было в Ярославле, Домброве и Мариуполе; кроме выхватывания из толпы стачечников отдельных жертв для судебной комедии, правительство вооружило своих чиновников еще новыми „чрезвычайными“ средствами для подавления рабочего движения. Циркуляр министра внутренних дел Горемыкина, изданный в августе 1897 г., рекомендовал губернаторам избегать не только предания стачечников суду, но даже и обычного в политических делах жандармского дознания. Взамен этого, вводилась ссылка в сибирские и другие отдаленные губернии на основании простого отзыва губернаторов, собирающих свои сведения при посредстве полиции всякого рода (в том числе и фабричных инспекторов, не брезгавших ролью доносчиков). Вереницы участников стачек потянулись в ссылку в „охранном порядке“. Списки составлялись невежественными полицейскими наспех, часто по корыстным отзывам доносчика, ничем не проверенным. Рабочие отрывались от труда и от семьи и отправлялись в сибирские и архангельские тундры влачить голодное и холодное существование, причем их лишали даже того скудного денежного пособия, которое установлено для административных политических ссыльных, отправленных в ссылку на основани жандармского дознания.

Рядом с этой мерой, причинившей много зла десяткам и сотням рабочих, шли массовые высылки стачечников из места забастовки или на место родины, закрытие на время стачек потребительных обществ и всевозможные другие меры, имевшие нескрываемой целью принудить рабочих к беспрекословному подчинению капиталу. Самодержавие, гордое тем, что не зависит ни от какого класса населения, проявляло в своей полицейской ненависти ко всякой самодеятельности народа самую остервенелую готовность защищать карманные выгоды капитала, как если бы оно прямо состояло на откупу у фабричных тузов.

А, между тем, рабочее движение этого периода носило характер, по преимуществу, экономической борьбы, борьбы за улучшение условий труда. Рабочая масса не ставила себе таких целей, которые бы являлись политически преступными с точки зрения существующего государственного порядка. Рабочая масса не поднимала вопроса о своих политических правах, не предъявляла притязания на участие в государственном управлении. В общем, она в начале этого периода была еще настроена вполне „патриотически“ и „благонамеренно“ Тем большее негодование вызывали в ней свирепые меры, которыми правительство старалось подавить ее борьбу за лучшие условия труда. Насилия правительства и бездушное упорство капиталистов сплачивали рабочую массу и развивали в ней тот боевой дух и ту дисциплину, без которых невозможно возрождение пролетариата, придавленного и истерзанного угнетением капитала и созданной им нищетой. Та же школа суровой борьбы этих первых лет массового рабочего движения подняла самосознание пролетариата, помогла ему отличить своих друзей от своих врагов и понять особенности своего классового положения. А успехи, одержанные в стачечной борьбе, внушили ему сознание той силы, которой он может стать благодаря своему объединению. Каждая новая стачка и каждое новое вмешательство правительства в стачечную борьбу служили новым уроком, и первые плоды этих уроков сказывались в возрастающей ненависти к тому правительству, которое так явно выступало в роли врага народа. За несколько лет стачечного движения отношение рабочей массы к правительству и к вопросам „политики“ сильно изменилось. К тому же, так как правительство считало „запрещенным“ и „политическим“ все, относящееся к рабочему движению, то и рабочие, мало-помалу, перестали бояться всего „запрещенного“ и всякой „политики“ Сознание необходимости получить такие политические права, как свободу собраний, стачек и союзов, проникло в широкие массы. Слова социал-демократов, разъяснявших важность этих прав, глубоко запали в душу пролетариата. В отдельных случаях, движение, носившее вначале чисто-экономический характер, впоследствии приобретало политическую окраску. Так, во время уже упомянутой стачки на фабрике Максвеля, в Петербурге (декабрь 1898 г.), ткачи предъявили фабричной инспекции, рядом со своими местными требованиями, также и требование свободы союзов и стачек. Но это были

еще лишь отдельные проявления готовности масс бороться за изменение политического строя. Более широко уже распространилось в пролетариате сознание своего классового единства, общности интересов всего пролетариата, без различия профессии, национальности и вероисповедания. Это сознание является той основой, на которой вырастает понимание необходимости политической борьбы, борьбы целого класса, за власть в государстве. Признаком растущего понимания своего классового единства явилось то сочувствие, с которым пролетариат воспринял идею майского праздника. Из немногочисленных рабочих кружков, которые в начале 90-х годов справляли майский праздник на тайных собраниях, эта идея теперь перешла в массы. Были попытки не работать в день 1 мая (в Колпине и на отдельных заводах Петербурга в 1898 г.). В Польше, в Литве и среди латышских рабочих Риги происходили уже массовые забастовки в день 1 мая и уличные манифестации. В коренной России первая крупная майская демонстрация произошла в Харькове в 1900 г., захватив почти все фабрики и заводы. В качестве первого подобного выступления, она произвела большое впечатление и на рабочих, и на другие массы общества, тем более, что на многих заводах рабочие, бросая работу, выставили общеполитические требования.

ГЛАВА III.

Образование Российской С.-Д. Рабочей Партии.

Прилив массы интеллигентских сил к пропагандистским группам социал-демократов и начинающееся массовое движение позволили социал-демократии выйти из *кружкового* периода своей деятельности. Этот выход, однако, произошел далеко не сразу, так как приходилось преодолевать навыки строгой конспиративности, замкнутости и некоторой боязни „серяка", которой пропитались пропагандисты, подчас не знавшие, как подойти к массовому рабочему и каким языком говорить с ним. Среди самих „спропагандированных" рабочих, в свою очередь, выработалась склонность рассматривать дальнейший рост движения, как одно лишь постепенное умножение рабочих кружков, в которых отдельные единицы перевоспитываются в социалистическом духе систематическими лекциями и занятиями. Между

тем, жизнь не ждала и все больше предъявляла спрос к передовым рабочим на прямое вмешательство в пробуждающуюся стихию массового движения.

В *Вильне,* среди еврейских и, частью, литовских рабочих, раньше, чем в других местах, началось изживание „кружкового“ периода. Ряд успешных стачек в разных ремеслах, происшедших в 1892 — 1893 гг., поставил ребром вопрос о расширении основы деятельности с.-д. группы и изменении ее приемов. Началась борьба между сторонниками выхода на путь массовой агитации и ярыми приверженцами старой кружковой пропаганды. Под руководством гравера А. Гордона, сторонники последней откололись от организации, обвиняя руководивших ею интеллигентов в стремлении строить партию на полузнании серых рабочих, чтобы удержать за собой руководство. Эта рабочая „оппозиция“, приобрев сторонников и в других городах Литвы, в течение некоторого времени тормозила работу „агитаторов“.

Последние свою позицию обосновали в брошюре „Об агитации“, написанной А. Кремером и редактированной, по поручению группы, Л. Мартовым. В ближайшие годы эта брошюра стала своего рода программным руководством для соц.-дем. групп и оказала большое влияние на ход их деятельности. Основная мысль брошюры, что поднять рабочий класс и повести на организованную классовую борьбу с политическими задачами социал-демократия сможет, только взяв на себя роль организатора его первых, стихийно возникающих, чисто экономических движений и роль руководительницы рабочих в их повседневных конфликтах с предпринимателями на почве вопросов платы, помещения, условий труда и т. п. Воздерживаясь, до поры до времени, от выставления перед массами более широких задач, социал-демократия должна предоставить опыту самой борьбы столкнуть рабочих уже не с отдельным предпринимателем, а с целым классом буржуазии и с стоящей за ним государственной властью и на почве этого опыта расширять и углублять свою агитацию.

Односторонность такой постановки задач очевидна. Наемный фабричный рабочий как бы вырывается из всей общественно-политической обстановки, которая его связывает множеством нитей со всеми сторонами жизни полицейски-самодержавного государства. Все поводы для агитации и борьбы, которые даются обще-гражданскими условиями жизни русского

рабочего, как плательщика налогов, как городского жителя, как, в большинстве случаев, члена крестьянского сословия, еще связанного с деревней, наконец, как бесправного раба самодержавия, остаются в стороне. Этим заранее суживался размах агитации и самое содержание ее черезчур упрощалось. В то же время социал-демократия как бы закрывала себе доступ к другим, не-пролетарским, слоям демократии, которые всем своим положением при самодержавии, однако, толкались к рабочему классу, и, как показал впоследствии опыт, должны были и у нас войти в сферу воздействия партии. Тем не менее, самые эти теоретические недостатки брошюры „Об агитации" сослужили в средине 90-х годов большую службу, поскольку сосредоточили всю энергию агитаторов на пробуждении в серых и еще забитых массах самых элементарных потребностей и побудили их к тщательному изучению мельчайших подробностей фабричного быта, состояния промышленности и т. д.

Одновременно с городами Литвы, в Москве также соц.-дем. группы стали искать выхода на широкую дорогу агитации в массах. Уже в 1894 году здесь делались попытки расширить деятельность за пределы кружков саморазвития. В том же направлении развивалось дело и в Одессе, где социал-демократы нашли благоприятную почву в двух слоях местного пролетариата—среди артелей строительных рабочих и моряков торгового флота.

В 1895 году то же „агитационное" направление стало определяться и в Петербурге. Уже в предыдущие годы были случаи, когда во время забастовок или других конфликтов социалистами выпускались гектографированные или литографированные прокламации для поддержки требования рабочих и призывов к пролетарской солидарности. К средине 1895 года две соц.-дем. группы: „стариков" (во главе с Н. Лениным) и „молодых" (во главе с И. Чернышевым) стали выпускать подобные прокламации при каждом крупном случае вспыхнувшего или назревающего конфликта. К первой группе принадлежали: С. И. Радченко, Г. Кржижановский, А. Ванеев, В. Старков, Л. Мартов, М. Сильвин, рабочий Путиловского завода Б. Зиновьев, Обуховского—В. А. Шелгунов, Александровского чугунно-литейного—И. В. Бабушкин (расстрелянный в 1905 г. отрядом Ренненкампфа) и др. Во вторую входили: Малишевский, Богатырев и др. Обладая большим количеством сил и связей в рабочей среде и в провинции, первая группа

к осени 1895 года решила перейти к планомерной и широкой агитационной работе в указанном выше направлении, но с тем, чтобы дополнить ее и политической агитацией при помощи нелегальной газеты. Для издания последней группа вступила в сношение с существовавшей в Петербурге „группой народовольцев“ (Беловский, Ергин и др.), которая к тому времени заметно изменяла свои взгляды в сторону социал-демократизма. Группа народовольцев обладала с 1892 года нелегальной типографией. Соглашение между обеими организациями состоялось, и составленный с.-д. группой первый номер газеты „Рабочее Дело“ был совсем готов, когда разразился „провал“ (дек. 1895—янв. 1896 гг.), нанесший удар обеим с.-д. группам и расстроивший выпуск газеты. В конце декабря 1895 г. остатки центра „стариков“ решили оформить организацию, дав ей имя „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“,—имя, которому суждено было вскоре приобрести громадную популярность.

Пополнившись новыми элементами (Ф. Дан, Б. Горев, А. Потресов, М. Лурье и мн. др.), „Союз“ в течение первой половины 1896 года развил весьма широкую агитационную деятельность при помощи многочисленных прокламаций, тайных собраний, устройства стачечных касс, распространения нелегальных брошюр. Впервые к 18 апреля в Петербурге появились и листки с призывом к празднованию 1 мая. Вся эта работа подготовила то массовое выступление ткачей и прядильщиков, которое, начавшись стихийно по случайному поводу, быстро деятелями Союза было оформлено, сконцентрировано вокруг требования сокращения рабочего времени и проведено весьма организованно. Новый ряд полицейских разгромов, унесший также многих активных рабочих и работниц (Ф. Шапувал, П. Желабина, ткач В. Щеглов, ткачиха П. Бобкова, Федин и др.), уже не мог задержать роста движения и организации. Типография „группы народовольцев“, уже успевшей, между прочим, встать всецело на с.-д. точку зрения, была взята полицией, но, тем не менее, уже в конце 1896 г. появился № 1-й подпольной газеты „Союза Борьбы“ (мимеограф) под названием „Петербургский Рабочий Листок“. Второй номер газеты вышел уже в печатном виде в начале 1897 г.

На международном конгрессе, состоявшемся летом 1896 г., „Союз Борьбы“, вместе с некоторыми провинциальными организациями, уполномочил своими представителями, кроме эми-

грантов Плеханова, Засулич и Аксельрода, также выехавших на конгресс А. Н. Потресова и П. Б. Струве.

В Москве деятельность, сходную с деятельностью Спб. „Союза Борьбы“, развил „Рабочий Союз“ (П. Н. Колокольников и др.). Позднее он также переименовался в „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“. По случаю 25-летия Парижской Коммуны, Союз послал французским рабочим адрес, подписанный 650-ю рабочими.

В Киеве организация, назвавшая себя „Рабочее Дело“, и начавшая экономическую агитацию среди местных рабочих, к концу года выпустила № 1 своей нелегальной газеты „Вперед“, просуществовавшей до 1902 г.

В Одессе, Харькове, Екатеринославе, Тифлисе, Риге, Нижнем, Самаре, Иваново-Вознесенске, Воронеже, Николаеве, Ростове-на-Дону и ряде других городов в течение 1896—1897 гг. образовывались такие же организации, как и в столицах.

В 1897 г. с.-д. организации, работавшие среди еврейского пролетариата на Литве и развившие за 3 года весьма интенсивную агитационную деятельность, организовались в „Общееврейский рабочий союз в Литве и Польше“ (Бунд), после того, как за некоторое время до того группа рабочих самостоятельно поставила и выпустила № 1 еврейской газеты „Голос Рабочих“, ставшей затем центральным органом Бунда. Это объединение ускорило процесс организационного сплочения других с.-д. организаций. При участии Ц. К. Бунда (Кремер, Косовский, Копельзон и др.) подготовлен был, после неудачной попытки 1897 г., тайный с.-д. съезд, состоявшийся 27 февраля 1898 года в Минске. Участвовали: Кремер, Косовский—от Бунда, С. Радченко—от Петербурга, Б. Эдельман—от южной группы, выпустившей перед тем №№ 1-й и 2-й нелегальной „Рабочей Газеты“, Петрусевич—от Екатеринослава, Перазич—от Москвы, Тесслер—от Киева. На съезде „Союзы борьбы“ указанных городов объединились в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию, комитетами которой себя объявили. „Рабочая Газета“ была сделана центральным органом партии. Избранному центральному комитету было поручено выпустить „Манифест“ партии. Эта работа была доверена П. Б. Струве.

Центральная организация партии, только что основанная, была немедленно разбита жандармами. В ночь с 11 на 12 марта были разгромлены местные комитеты партии и взята в Екате-

ринославе типография „Рабочей Газеты“ (наборщик А. Поляк). Вскоре после того удар постиг центральный комитет Бунда и ряд его местных комитетов и типографий. Партийный центр фактически перестал существовать. Но знамя, водруженное на Минском съезде, продолжало покрывать собой деятельность многочисленных организаций, которые отныне функционировали, как „комитеты Р. С.-Д. Р. П.“

Манифестом партии, ее основная задача была формулирована, как задача организации пролетариата в самостоятельную классовую силу, ведущую, во имя социализма, борьбу с самодержавием в качестве исторической преемницы партии революционной интеллигенции—Народной Воли.

Разрушение центральной партийной организации слишком легко далось жандармам, чтобы его можно было считать делом случая. Сама постановка социал-демократической работы и построение местных организаций делали создание подлинной *партии,* с едиными общими задачами и единством действий крайне затруднительным. И кризис, который с 1898—901 г.г. переживала социал-демократия, вполне подтвердил это. Кризис этот был не только организационный, но и политический, и идейный.

По сравнению с прежними кружками пропагандистов, „Союзы борьбы“ были довольно крупными организациями. Но это были попрежнему о р г а н и з а ц и и р у к о в о д и т е л е й движения. В состав „Союзов“ (позже превратившихся в местные комитеты Росс. с.-д. раб. партии) входили организаторы рабочих кружков на отдельных фабриках, литераторы, писавшие листки, техники, руководители кружков саморазвития и агитаторы, выступавшие на собраниях и завязывавшие новые связи в рабочей среде. Только эти лица составляли ту организацию, которая ведала соц.-дем. работу в городе. Но эти лица были в большей части интеллигенты, из числа рабочих в с.-д. организации входили только выдвинувшиеся в борьбе агитаторы, усвоившие себе предварительно в кружке саморазвития основы социал-демократической программы. Хотя в передовом слое рабочего класса количество сочувствующих социал-демократии быстро росло, но лишь немногие из них успевали приобретать основные знания и необходимый для работы в тайной организации опыт, а постоянные провалы безжалостно выхватывали именно наиболее выдвинувшихся рабочих. Революционеры же из интеллигенции, приступавшие

к работе среди пролетариата, приобретали и конспиративный опыт, и программные знания во всевозможных студенческих и иных интеллигентских кружках, которые никогда не переставали существовать даже в самые худшие годы реакции. Теперь же, когда массовое рабочее движение привлекло к себе сочувствие всей революционно-настроенной интеллигенции, и сотни интеллигентов жадно воспринимали социал-демократические теории, теперь к организациям хлынуло множество интеллигентных сил, и эти силы оказались преобладающими по численности и влиянию в „Союзах“ и „комитетах“. Средние же рабочие, пробужденные агитацией социал-демократов, но еще не усвоившие себе сознательно программы партии, только примыкали к организациям, не входя в их состав и группируясь по кружкам самообразования, дискуссионным кружкам и фабрично-заводским группам, которые, под руководством члена комитета или Союза, обсуждали дела своей фабрики или завода, намечали новые связи, распространяли литературу и т. д. Делались попытки положить начало массовой рабочей организации, но, в виду незначительности сознательных элементов, таким организациям придавали не партийный, политический характер, а профессиональный, экономический. Старались основывать боевые кассы, но полицейские условия заставляли принимать в эти кассы только вполне надежные элементы, и кассы в смысле материальной опоры движения могли сделать совсем немного; они становились подсобными организациями рабочих, сочувствующих целям социал-демократии. Таким образом, основной характер партийной организации оставался интеллигентским и вопросы о программе и тактике партии, т.-е. о целях партийной борьбы и ее способах, решались преимущественно социал-демократической интеллигенцией. А это обстоятельство приводило к тому, что передовой слой захваченных движением рабочих получал уже в готовом виде партийные указания, вместо того, чтобы самому участвовать в их выработке. Это обстоятельство оказало большое и вредное влияние на всю историю нашего социал-демократического рабочего движения. Надо только заметить, что такое явление возможно лишь тогда, когда втянутая в движение часть пролетариата еще не достигла такого уровня сознательности, который ей нужен для того, чтобы создать свою собственную партию. Пролетариат шел за социал-демократией, чувствуя правильность ее идей, но еще не

слился с ней—даже в лице своего передового отряда—в одно целое.

Но социал-демократическое движение носило на себе печать незрелости—вполне естественной на первых порах—не только в своей организации. Тактика социал-демократов во все это время также ясно говорила о том, что движение еще только-только начинает развиваться. Продолжая попрежнему пропаганду конечных целей социализма (в кружках и при помощи литературы), русские социал-демократы того времени, как мы видели, главное свое внимание обращали на агитацию на почве профессиональной борьбы рабочих. Но профессиональная, экономическая борьба, борьба за лучшие условия труда, не есть еще вся борьба за интересы пролетариата. Его общие, основные интересы требуют борьбы за политическое освобождение, за политическую власть. В такой же стране, как Россия, где все классы—и пролетариат более всех—являлись рабами самодержавной бюрократии,—в такой стране борьба пролетариата за его политические интересы была, прежде всего, борьбой за уничтожение самодержавия, за политическую свободу. Теоретики русской социал-демократии издавна говорили о том, что первой политической задачей пролетариата в России должно быть завоевание политической свободы. Признавали это и члены действовавших в России социал-демократических организаций, и об этом говорилось в рабочих кружках пропаганды. Говорилось об этом и в листках, обращенных к рабочей массе; пользуясь вмешательством правительства в стачечную борьбу, социал-демократы указывали рабочим массам на враждебность правительства и существующего государственного порядка интересам пролетариата, на то, что пролетариату нужны политические права, нужна свобода. Но, указывая на необходимость борьбы за завоевание свободы, социал-демократы отодвигали ее на будущее время, так как сознавали свои силы еще слабыми для руководства такой борьбой, а массы пролетариата еще недостаточно сознавшими всю важность политической свободы. Отчасти они, конечно, были правы: в стране, лишенной всякой политической жизни, пролетариат, который только что пробудился от тупого сна, не может сразу обнять своим умственным взором все свои задачи и, тем более, начать активную борьбу во имя их. Но из этого только следовало сделать тот вывод, что с особенной настойчивостью социал-демократия должна вести полити-

скую агитацию, чтобы ускорить переход массового движения на путь открытой политической борьбы. Но этого мало. Что значит вести политическую агитацию? Это значит пробуждать внимание пролетариата ко всем явлениям политической жизни, т.-е. не просто твердить о необходимости замены самодержавия народовластием, но пользоваться для доказательства этой необходимости всяким действием правительства, направлено ли оно в область отношений между капиталистами или рабочими, или же касается совсем других классов общества. Все в области политической жизни: политика внешняя и внутренняя, отношение правительства к земельной и к городской буржуазии, налоги и таможенные пошлины, крестьянский вопрос, отношения между разными национальностями, народное образование и университетская политика,—все это должно было стать предметом агитации. Во всех этих областях пролетариат нашел бы не только определенные действия правительства, а и определенные отношения между ним и различными классами, определенную борьбу разных классов между собою и с правительством. Привлекая внимание пролетариата ко всем этим вопросам, социал-демократия должна была бы выяснить ему, в какое отношение он должен стать к этим классам в их борьбе на почве данных вопросов. А это уже облегчило бы и решение того трудного вопроса, который стоял перед социал-демократами: каким образом рабочая масса сможет перейти на практике от чисто экономической борьбы к борьбе политической?

В самом деле, трудность вопроса заключалась в том, что наиболее бесправному классу, который в современном государственном порядке не занимает, так сказать, никакого законного места, приходилось вставать на борьбу за самые широкие перемены в этом государственном порядке в то самое время, когда остальные классы населения, более сильные или более многочисленные (как крестьянство) и имеющие кое-какие легальные общественные организации, еще не приступали к открытой политической борьбе. В западно-европейских странах пролетариат первоначально втягивался в ту борьбу с самодержавием и сословно-бюрократическим строем, которую вели крупная и мелкая буржуазия в своих интересах: пролетариат, чувствуя свое угнетение старым порядком, самоотверженно бросался в эту борьбу, не сознавая, что у него могут быть свои интересы, отличные от интересов прочих классов,

восставших за свободу. Когда же такое сознание появилось, то задачей социалистов, как вождей пролетариата, было отделить пролетарскую борьбу от борьбы „всенародной“, выяснить пролетариату необходимость отстаивать свои собственные классовые интересы и вести свою собственную политическую линию. В России же, благодаря некоторым особенностям ее истории, открытой, всенародной борьбы непролетарских классов против старого порядка не было, и пролетариат, вступивший на путь стачечного движения, был единственным классом, который в конце 90-х годов, вообще, боролся собственными силами за свои интересы, но боролся, не переходя за границы экономической борьбы. Но экономическая борьба рабочих с капиталистами, хотя и сопровождалась вмешательством властей и вела к столкновению рабочих с правительством, тем не менее, прямо затрагивала интересы только наемных рабочих и фабрично-заводских предпринимателей. Поэтому, хотя такая борьба и ставила перед рабочими вопрос об их политическом положении, но ставила его так, что это не могло возбудить горячего интереса в массах населения, порабощенных самодержавием и еще не вступивших в борьбу с ним. Таким образом, тот путь стачечного движения, который приводил пролетариат к сознанию необходимости политической свободы и борьбы за нее, не мог заметно влиять на другие, угнетенные самодержавием классы, не вызывал в них потребности в такой борьбе. Рабочее движение в его стачечной форме не становилось таким общенародным движением, к которому могли примкнуть массы непролетарского населения. А в то же время, в отличие от того, как происходило в западно-европейских странах, эти другие классы сами не создавали политического движения, которое затронуло бы и пролетарские массы и, примкнув к которому, пролетариат мог бы начать первые свои шаги в деле политической борьбы. Выходило так, что пролетариат, раньше других поднявшийся за свои интересы, должен был дать сигнал к всенародному движению, но та стачечная борьба, которую он вел, не могла заинтересовать прочие классы населения, а для того, чтобы самому вступить, как отдельный класс, в открытую борьбу с самодержавием за освобождение всей страны при всеобщем политическом безмолвии— для этого пролетариат русский был еще слишком слаб, не имел никаких легальных „зацепок“ для борьбы, благодаря своему полному бесправию, да и недостаточно в массе своей созна-

телен. Благодаря такому противоречивому положению, получалось то, что о политической борьбе говорилось, как о неизбежном деле будущего, но ее выводили из нынешней экономической борьбы пролетариата с хозяевами, причем, однако, не могли указать, каким образом эта экономическая борьба перейдет в политическую, какими способами будет пролетариат, один при всеобщем безмолвии, вести политическую борьбу. Массам говорилось, что политический строй России надо изменить и что для этого нужна прямая борьба; тут же прибавлялось, что для этой борьбы время еще не настало. И выходило так, что социал-демократы удерживают массы от немедленной политической борьбы.

Выход мог быть только один: употребить уже накопленную пролетариатом в его экономической борьбе революционную силу для того, чтобы толкнуть другие недовольные слои народа в открытое политическое движение, а затем этим самым движением воспользоваться для того, чтобы организовать силы пролетариата не как слепого придатка к движению непролетарских классов, а как самостоятельной силы, ведущей борьбу со старым порядком рядом с другими классами, но не сливающейся с ними. Такая политика была возможна потому, что у непролетарских классов имелось много поводов для недовольства своим положением; среди крестьян, интеллигенции, земельного дворянства, среди угнетенных наций происходило постоянное брожение, только не имевшее еще силы вылиться в сознательное политическое движение. Как ни было еще слабо движение пролетариата, но его передовые слои могли уже постараться ускорить такой переход, беря на себя инициативу (почин) в организации общенародных политических протестов. Для этого нужно было только, чтобы социал-демократия расширила свою агитацию, обращала большее внимание на явления политической жизни, стоящие вне борьбы труда с капиталом, и организовывала бы, хотя бы со стороны пролетарского авангарда, вмешательство в эти явления политической жизни. На такую тактику указывала социал-демократам „Группа Освобождения Труда“, которая с 1896 года не переставала доказывать, что следует внести нечто новое в установившиеся приемы с.-д. работы.

В 1899 г. П. Б. Аксельрод выразил задачу социал-демократии так: „раздвинуть рамки и расширить содержание нашей агитации“. Но большинство работавших в России социал-

демократов не поняло такой постановки вопроса. Стачечная борьба и ее обслуживание целиком поглощали силы организаций и их работа не выбивалась из этого круга, а мысль большинства деятелей невольно приковывалась к узкому руслу стачечной борьбы и, отодвигая на будущее переход к „политике“, представляла себе ее в неправильном виде. Именно, им казалось, что, окрепнув и организовавшись в стачечной борьбе, рабочие смогут приобрести влияние на государственную политику, заставить правительство считаться с мнением рабочих так, как оно подчас, несмотря на свое самодержавие, считается с мнением фабрикантов. А затем задачей пролетариата будет добиваться, чтобы это действительное влияние было закреплено в виде политических прав. Стачки, например, станут сначала безнаказанными, а потом государство издаст закон, признающий стачки. То же с союзами и собраниями. При выработке фабричных законов, правительство, приглашающее теперь в свои комиссии представителей капиталистов, будет приглашать представителей от рабочих. Таким образом, задача борьбы за коренное изменение государственного строя отодвигалась вдаль, а в ближайшую очередь ставилось завоевание отдельных политических прав при сохранении власти в руках нынешнего правительства. Надежда на такой путь развития была неосновательна, потому что пролетариат может приобрести хотя бы малое влияние на ход дел в государстве, только опираясь на очень широкую политическую свободу, которой пользуется все население: как самый „низший“ класс народа, пролетариат не может освободиться от бесправия в одиночку. И эта неосновательная надежда имела то вредное значение, что отвлекала социал-демократов от тех явлений жизни, которые происходили вне экономических отношений труда и капитала, побуждала их проходить в своей агитации мимо таких крупных событий, как борьба земцев, студенческое движение, национальная борьба в Финляндии и Польше, крестьянское движение, угнетение сектантов. И в то же время эта надежда побуждала социал-демократов в своей агитации на место вопроса о политической революции, перемещающей государственную власть из одних рук в другие, говорить только о политических реформах, завоевываемых народом при сохранении старой власти. А это уже вредно влияло на развитие революционного духа в рабочих массах.

Наиболее последовательно и упорно эту точку зрения отстаивали энергичные элементы петербургских социал-демократов, группировавшиеся около газеты „Рабочая Мысль“, начавшей выходить с конца 1896 г. и ставшей впоследствии органом петербургского „Союза борьбы“ (К. Тахтарев-Тар, финляндец Кок, Н. Лохов-Ольхин и др.). „Рабочая Мысль“ не только отстаивала необходимость сосредоточить все силы на профессионально-экономической борьбе, но и противопоставляла эту борьбу политической борьбе, непосредственно направленной против самодержавия, как движение „чисто-рабочее“, классовое, движению революционно-демократическому, не входящему в задачи рабочей партии. В других городах то же „экономическое“, как его стали называть, направление торжествовало в более умеренных формах, но оно было достаточно влиятельным, чтобы фактически подчинить себе действительный ход с.-д. работы. Вместе с увлечением чисто-экономической агитацией, наблюдалось вполне естественно отвращение к централистической, основанной на разделении труда, организации, необходимой для широких партийно-политических задач: вполне законное стремление приблизить организацию к массам подчас выражалось в тенденции подменить политическую организацию профессиональной. Соответственно этому, стремление развить самодеятельность рабочих в партии принимало характер специфического „антиинтеллигентства“, выражалось в требовании, чтобы вожди организации выполняли лишь распорядительно-технические функции, являясь лишь исполнителями воли низших ячеек. Отсюда был только шаг до отрицания всякого или почти всякого значения за с.-д. *теорией,* носителями которой являлись эти самые интеллигенты; являлась склонность придавать значение одному лишь непосредственному опыту борьбы рабочего класса, отвергая положительную роль опыта *накопленного,* опыта всемирного движения, воплощенного в теории.

В период 1898—1899 гг. в стороне от этого увлечения „экономизмом“ стояли в действовавших организациях лишь очень немногие лица. Только в ссыльных колониях недавно оторванные от работы деятели настроены были иначе. В России часть недовольных стала группироваться в особые группы с резко выраженным политическим характером деятельности. Их органом явилось „Рабочее Знамя“, имевшее сторонников в Петербурге, Киеве, Харькове, Белостоке (инженер А. Лурье,

М. Лурье, П. Шумов, В. Ногин, В. Ежов и др.). Эти элементы пытались в 1898 году образовать особую партию, назвавшую себя, в отличие от Российской, „русской с.-д. партией“, но успеха не имели. Остатки групп „Рабочего Знамени“, к которым примыкало слишком много просто революционно-настроенных элементов, лишенных марксистской подготовки, кончили тем, что перешли впоследствии к партии социал-революционеров.

Борьбу против „экономистских“ тенденций повела за границей „Группа Освобождения Труда“, настаивавшая на усилении политического элемента в работе социал-демократии и на выступлении партии с обще-народной агитацией против самодержавия. Однако, прилив новых эмигрантов из среды русских с.-д. организаций и приезды на время ответственных работников из России, проникнутых „экономистскими“ тенденциями, создал и за границей сильную оппозицию Плеханову и Аксельроду. В недрах заграничного „Союза русских с.-д.“ образовалось большинство против „Группы Освобождения Труда“ (Б. Кричевский, В. Акимов, В. Иваньшин, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, Ц. Копельзон, М. Либер и др.). Произошел ряд расколов. „Союз“, во главе с Кричевским, Иваньшиным и Акимовым (позднее и А. Мартыновым), стал поддерживать, с оговорками в примирительном духе, русские комитеты, стоявшие на „экономической“ точке зрения. „Группа Освобождения Труда“ с меньшинством эмигрантов (Д. Кольцов, Л. Ортодокс и др.) образовала „Революционную организацию Социал-Демократ“ для борьбы с экономизмом и с так-называемой „критикой марксизма“.

Ибо тактические и организационные споры к тому времени получили под собой теоретическую основу. Умеренные элементы социал-демократии нашли в своей борьбе подходящие доводы в том „ревизионистском“ направлении в западноевропейском социализме, которое связано с именем Эдуарда Бернштейна и которое выступило с требованием пересмотра старой марксистской программы в духе замены революционной борьбы за завоевание власти борьбой за реформы, и дополнения классовой борьбы „сотрудничеством классов“. Ревизионизм потому мог получить в тот момент могучий отклик в России, что к этому времени та широкая масса демократической интеллигенции, которая в начале 90-х годов увлеклась рабочим движением, как силой, имеющей подточить основы

старого порядка, теперь уже почувствовала потребность в собственном самостоятельном движении, как застрельщика буржуазной демократии, борющейся за *свою* свободу. В земствах, в студенчестве, в широких кругах общества начиналось политическое брожение. И те круги интеллигентской демократии, которые не успели или не смогли всецело пропитаться интересами классовой борьбы пролетариата, искали новой теории, которая „опровергла“ бы неприемлемый для них революционный марксизм, осуждавший их на роль второстепенного отряда в борьбе, руководимой рабочим классом, а *их* буржуазную революцию об‘явивший лишь этапом на пути к революции пролетариата.

Так создались условия, при которых часть вчерашних теоретических вождей марксизма—П. Струве, С. Булгаков, М. Туган-Барановский и др.—стали его „критиками“ в духе бернштейнианского ревизионизма. Влияние этой критики, в конце 90-х годов всецело завоевавшей легальную журналистику, еще более укрепило умеренно-экономистский уклон практиков рабочего движения и углубило их раскол с меньшинством, жаждавшим политической борьбы.

Перемена наступила лишь с началом нового века. Но наступила не вследствие победы „политиков“ внутри партии, а потому, что изменившиеся внешние условия повлияли на настроение рабочих масс и так же стихийно, как и после голода 1891—1892 гг. началась стачечная борьба, начались теперь первые проявления политического брожения в пролетарских массах.

ГЛАВА IV

От I-го до II-го С‘езда Р. С.-Д. Р. П.
(1898—1903).

С концом десятилетия 90-х годов массовое стачечное движение начинает итти на убыль. Стачки становятся реже. 1900 год в столицах и других крупных центрах проходит совсем „тихо“. Социал-демократические организации попрежнему ведут агитацию на почве столкновений в области фабричного труда, но эти столкновения уже редко вызывают серьезное массовое движение, а потому и деятельность организаций оказывается довольно тусклой и не привлекает к себе

внимания масс. Чувствуется, что движение должно вылиться в новые формы.

Затишье в области экономической борьбы не было случайным. Промышленный подъем середины 90-х годов сделал возможной успешную борьбу рабочих за улучшение условий труда. Этот промышленный подъем, как всегда бывает в капиталистическом производстве, сам привел к кризису, который в конце десятилетия с особенной силой разразился в металлургической промышленности. Заводы, особенно на юге, стали сильно сокращать производство, понижать расценки. Многие предприятия обанкротились. Стачки стали выгодны не рабочим, а хозяевам, и кончались неудачно для рабочих.

Кризис подействовал на рабочую массу частью угнетающе, показав, насколько непрочны приобретения, купленные упорной борьбой. Но он же вызвал в другой, более сознательной, части рабочих острое чувство недовольства и стремление к протесту против всего порядка, создающего нищету и необеспеченность пролетариата. Нужен был только толчек, чтобы это недовольство направилось в ту сторону, которая ведет к прямой политической борьбе.

Выше было указано, что стачечное движение не оказывало прямого влияния на другие классы населения, потому что не ставило себе общенародных, общегражданских задач. Но косвенно оно оказало свое действие и на эти классы. Действовал уже тот факт, что при полном господстве самодержавного кнута зашевелилась масса и заставила государственную власть обратить серьезное внимание на свое движение. К рабочему классу и его борьбе стали прислушиваться, приглядываться; известия о стачках и столкновениях рабочих с властями возбуждали волнение. Прежде всего зашевелилась интеллигенция. Разбитая на-голову в борьбе 70-х и в начале 80-х годов, она была погружена в политический сон, а реакционная политика правительства тщательно оттеснила ее от всякой общественной деятельности, какая раньше была еще возможна в самодержавной России: от земской и правительственной работы. Голод 1891—1892 годов пробудил ее на время, дав ей возможность сплотиться на почве помощи голодающим, а ужасные картины голодного года возбудили в массе интеллигенции уснувшее чувство протеста против государственного строя, разоряющего массу народа. Брожение

перекинулось от интеллигенции к той части имущих классов, которая, участвуя в местном земском самоуправлении, постоянно сталкивалась с наглой и придирчивой бюрократией и испытывала ее деспотический гнет. Перемена царствования, происшедшая в октябре 1894 г., оживила земских либералов. Несколько земств послали новому монарху адреса, в которых почтительнейше просили о водворении „законности“ и жаловались на произвол бюрократии. Только в одном таком адресе был очень слабый намек на конституцию. Тем не менее, и на эту скромную просьбу либералов последовало грозное упоминание о „бессмысленных мечтаниях“, которые-де не будут терпеться и при новом монархе. Либеральные помещики приуныли, а интеллигенция еще более озлобилась.

Начавшиеся в это время стачки обратили ее внимание на пролетариат. До сих пор интеллигенция в своем большинстве привыкла думать, что „рабочего вопроса в России нет“, что масса трудящихся в России—крестьяне-собственники, и вопрос об освобождении труда сводится к вопросу о сохранении за крестьянами земли, о расширении крестьянского землевладения, о борьбе с тем капитализмом, который, как все признавали, разлагает крестьянство и создает пролетариат. Эти задачи революционеры 70-х и 80-х гг. расчитывали разрешить посредством социального переворота. Разочаровавшись в революционности крестьянства и в своих силах, демократическая интеллигенция последующего времени уповала уже либо на то, что удастся „убедить“ правительство встать на путь попечения о крестьянстве, либо же на то, что „общество“, т.-е. имущие классы, придет на помощь крестьянам и мирным путем экономической деятельности, распространяя артели и помогая развитию кустарных промыслов, обережет деревню от вредных влияний капитализма. Теперь перед интеллигенцией встала другая картина: начиналось массовое рабочее движение и принимало такой же вид, какой оно носит в передовых европейских странах. Оказывалось, что и в России капитализм порождает не только разорение мелких собственников, но и бурное движение все растущего пролетариата, проникновение этого пролетариата революционными идеями и стремление к организации своих сил. Таким образом, та борющаяся за свои интересы народная масса, которой чаяли и не дождались семидесятники, теперь появлялась на сцену, но не там, где ее искали семидесятники. Интеллигенции приходилось

заново рассмотреть вопрос о ходе развития русской жизни, и социал-демократы давали ей готовый ответ, указывая, что и Россия, по примеру других стран, идет по пути капиталистического развития и что этот путь, создавая новые классы, заинтересованные в изменении старого порядка, один только приведет к торжеству всех тех прогрессивных стремлений, во имя которых боролись и гибли лучшие русские люди, начиная с декабристов. Сторонники старых взглядов—народники — пытались оспаривать социал-демократов и с 1894 по 1899 год в литературе, на собраниях разных обществ и в каждом интеллигентском кружке велись споры между ними и „марксистами". Марксисты разбили народников наголову: на их стороне была не только правда, что не всегда помогает одержать победу, но и то, что их ответ давал интеллигенции указание, что можно делать сейчас для достижения свободы. Тогда как народники, стоя на старой точке зрения, могли только отрицать важное значение рабочего движения и капитализма и оплакивать судьбу русского крестьянства, марксизм указывал на то, что развитие капитализма и вызываемого им рабочего движения создает почву для успешной борьбы за переустройство государственного порядка. Давая научное обоснование стремлениям интеллигенции к свободе, марксизм поднимал ее революционное самосознание и ее энергию. Немудрено, что на время все мыслящее в молодом поколении стало под знамя марксизма. Более революционная часть интеллигенции хлынула в социал-демократические организации, масса же интеллигентов оказывала им серьезную денежную и иную поддержку. Вместе с тем, демократическая интеллигенция, стряхнув с себя прежнее уныние, стала проявлять активную деятельность во всех тех областях, куда только могла получить доступ при неослабевающем надзоре правительства. Организация воскресных и вечерних школ, издательство для народа, работа на службе у либеральных земств, провинциальная печать—все это оживилось в значительной мере под влиянием рабочего движения и идейной борьбы марксизма с народничеством. В этой работе впервые сплачивались и стягивались силы демократической интеллигенции, которая за 20-летний промежуток времени (с 70-х годов) чрезвычайно возрасла численно, но до тех пор оставалась разрозненной и несвязанной общими лозунгами. Успехи рабочего движения подняли веру ее в доступность народных

масс освободительным идеям, а марксистская критика народничества убедила, что не следует бояться только политического освобождения", так как одновременное „социальное освобождение", как его понимали в 70-е годы (на основе крестьянской общины), является невозможным.

Это брожение интеллигенции с особенной силой сказалось в студенчестве. Стали расти студенческие организации и учащаться столкновения между студенчеством и университетской бюрократией Никогда не прекращавшиеся протесты студенчества против политического режима в учебном деле приняли теперь массовый характер. Так, в феврале 1899 года избиение кучки студентов полицией в Петербурге вызвало всеобщую забастовку учащейся молодежи по всей России. Студенты переняли средство борьбы, которым с таким успехом пользовались рабочие. „Забастовщики" выдвигают ряд требований, касающихся строя учебных заведений, требуют избавления университетов от тиранического устава 1884 года, самоуправления (автономии) университетов, предоставления студенчеству права свободно организоваться, освобождения их от наглого вмешательства полиции, суда над виновниками избиения студентов. Все эти требования не касаются основ самодержавного порядка, но они пред'явлены „скопом", но студенты „требуют"—и самодержавие видит во всем этом грозный для него призрак самодеятельности граждан. Поэтому аресты, ссылки, избиения сыплются градом на студентов, а в ответ на эти мудрые меры в речах на собраниях и в студенческих прокламациях усиливаются нападки на правительство и на весь самодержавный строй. Делают попытки демонстраций. Образованное общество выражает студентам сочувствие. После нескольких недель стачка, наконец, подавлена полицейскими мерами, и победитель спешит закрепить свою победу высочайшим указом, по которому впредь участники студенческих „беспорядков" будут, в виде наказания, сдаваться в солдаты. Старая мера блаженной памяти Николая I. Но теперь ей пришлось сыграть революционную роль, совсем неожиданную для правительства.

Прошло $1^1/_2$ года. В конце 1900 года произошла пустяковая манифестация киевских студентов, провожавших на вокзале товарищей, отправляемых в ссылку за речи на столь же серьезной сходке. Правительство арестует студентов и, на

основании упомянутого указа, посылает 183 из них в казарму. Затем то же происходит в Петербурге, где „под красную шапку“ отправляют около 30 студентов.

Все студенчество охватывается страшным возбуждением. Сходки, прокламации, призыв к протесту. Все общество сочувствует студентам. Раздается выстрел бывшего студента Карповича в министра народного просвещения Боголепова. Министр убит—и все ликуют. Студенчество бросает учебные занятия и, в ответ на аресты и преследования, устраиваются демонстрации. И эти студенческие демонстрации превращаются в общегражданский уличный протест. На знамени студентов написано „долой временные правила!“ (о сдаче студентов в солдаты), но эта узкая цель не отталкивает от демонстрации городское население, которое чувствует и сознает, что студенческий протест направлен против общего, угнетающего всех врага—самодержавия. И вот накопленное предыдущей борьбой и организацией социал-демократов, политическое недовольство толкает рабочих вмешаться в эти демонстрации. Без всякого призыва со стороны своих организаций, они идут поддержать студентов.

19 февраля 1901 года, когда студенческое шествие на улицах Харькова было разогнано полицией, к студентам примкнули толпы рабочих и в течение целого дня на улицах происходили столкновения народа с полицией, раздавались революционные песни, слышались противоправительственные возгласы. А через несколько дней, когда в Москве сотни студентов были арестованы и заперты в манеже, у этого здания собрались громадные толпы рабочих и мещан, выражая им сочувствие. На насилия полиции и казаков толпа отвечает, рассыпаясь по городу, сваливая фонари и скамьи, устраивая нечто вроде баррикад и выбивая стекла во дворце ген.-губернатора—вел. князя Сергея. В течение нескольких дней уличные „беспорядки“ и демонстрации не прекращались в Москве.

4 марта в Петербурге студенчество собралось на демонстрацию к Казанскому собору. Полиция приняла меры к тому, чтобы рабочие с окраин не могли явиться в центр города. На демонстрацию, поэтому, стеклась преимущественно „чистая“ публика. И вот на эту-то публику, среди которой было множество женщин, градоначальник Клейгельс натравил подпоенных и спрятанных в засаде казаков, которые, оцепив место демон-

страции, произвели над безоружными бойню, превышающую все, до тех пор произведенное башибузуками российской полиции (с тех пор наша родина, конечно, и не то еще видала!).

Крик негодования, которым общество встретило этот варварский подвиг, еще более поднял революционное возбуждение студенчества и рабочих масс. Давно уже неслыханное явление было вызвано „геройской“ победой зверя Клейгельса: зашевелились „умеренные отцы“ русского общества—степенные и ко всему притерпевшиеся обыватели из имущих классов. Протест, подписанный многими либеральными писателями и требовавший суда над виновниками бойни 4-го марта, произвел повсюду сильное впечатление: так необычайно было открытое выступление „легальных“ людей с обвинениями против полицейских самодержцев! Правительство сочло нужным пустить пыль в глаза обывателям. На место убитого Боголепова, министром народного просвещения назначили малограмотного генерала Ванновского, которому высочайший рескрипт приказал проявить к „увлекающейся“ молодежи „сердечное попечение“ Генерал взялся за дело; освободил студентов из казарм, что было более, чем своевременно, ибо полковые командиры доносили по начальству, что опальные студенты встречены очень сочувственно солдатами и начали оказывать на них „развращающее“, т.-е. революционное, влияние. А затем тупоумный генерал, которому было поручено оболванивать обывателей, стал назначать чиновничьи комиссии для обсуждения реформ в высших и средних учебных заведениях. Из всех этих затей ровно ничего, конечно, не вышло, но их было достаточно, чтобы либеральные профессора стали увещевать студентов прекратить „беспорядки“ и чтобы столь же мудрые либеральные газеты стали прославлять новую политику „сердечного попечения“. Однако, студенчества на этой мякине не удалось провести.

„Беспорядки“ продолжались. 11 марта произошли с участием рабочих демонстрации в Киеве, Казани, Томске. Учебные занятия не возобновлялись.

Рядом со студенчеством волновалось и имущее общество. Косвенно и на него оказывали влияние проявления рабочего движения, придавая смелости либерально-конституционным элементам, рассеянным в помещичьей и буржуазной среде. Подталкиваемые, так-называемым, „третьим элементом“—демократической интеллигенцией, обслуживавшей земское и город-

ское самоуправления на различных поприщах культурной и хозяйственной деятельности, земские либералы стали объединять свою оппозиционную борьбу с местными представителями власти на почве отстаивания интересов общественного самоуправления и возбуждать на земских собраниях обще-государственные вопросы. В 1901—1902 г.г. это движение привело к образованию двух районных политических организаций либерально-демократического направления: группы земцев-конституционалистов и „Союза Освобождения“ (П. Милюков, Е. Д. Кускова, П. Б. Струве, С. Н. Прокопович, В. Богучарский и др.).

В то же время происходило сплочение тех элементов революционно-демократической интеллигенции, которые сохраняли верность традициям террористической борьбы с самодержавием и которые во второй половине 90-х годов совершенно оттеснены были марксистами. С ростом политического возбуждения в среде городской демократии они почувствовали вновь почву под ногами. Вновь стала обсуждаться и защищаться политика террора, как средства борьбы с самодержавием. В 1901 году образовался „Союз социалистов-революционеров“, который стал ядром будущей партии того же имени. Но уже в феврале этого года студент П. Карпович, выстрелом в министра народного просвещения Боголепова, положил начало возрождению революционного террора. Последовавшее в скором времени покушение Лаговского на Победоносцева показало, что террористические настроения уже носятся в воздухе.

В этой, все более разгорячающейся общественной атмосфере, социал-демократия, оправившаяся от ударов, нанесенных ей в 1898 году жандармами, должна была восстановлять свою партийную организацию и вырабатывать свою тактику на место явно отживщей свое время тактики постепенного вовлечения рабочих масс в экономическую борьбу.

В горнопромышленном юге, где уже в 1898—1899 г.г. обнаружились проявления кризиса и стихийное движение неоднократно принимало бурные формы рабочих „беспорядков“, сопровождаемых разгромами и насилиями, раньше всего обозначилось, хотя и бледно, изменение деятельности социал-демократов в смысле более определенно выраженной революционно-политической ноты в агитации. К концу 1899 г. екатеринославцы поставили газету „Южный Рабочий“, которая, в отличие от петербургской „Рабочей Мысли“ и киевского „Вперед“, заострила свою агитацию не только на борьбе

с предпринимателями, но и на борьбе с самодержавием. Деятели, стоявшие во главе „Южного Рабочего“—И. Лалаянц. С. К. Харченко, Г. Наумов,—стояли субъективно на почве общего большинства тогдашних социал-демократов понимания задач движения и не становились в оппозицию к преобладающему „экономизму“. Более рельефное подчеркивание политических моментов и более революционный тон в агитации являлись скорее лишь отражением стихийно совершившегося обострения общественных противоречий. Успех же, которым среди рабочих—и за пределами южного промышленного района—пользовался №-1 „Южного Рабочего“, свидетельствовал о переломе, подготовляющемся в сознании широких с.-д. кругов.

Оформленные протесты против господствующего направления в социал-демократической среде раздались из ссыльных колоний, в которых к концу 90-х годов находились сотни деятелей-марксистов.

В 1899 году в этих колониях циркулировал один документ, принадлежавший перу Е. Д. Кусковой и представлявший набросок тех мыслей, которые эта деятельница отстаивала в борьбе с „Группой Освобождения Труда“, как взгляд, так-называемых, „молодых“ заграничных социал-демократов, защищавших тактику Петербургского и других Союзов Борьбы. В этом документе под практику „экономистов“ был подведен известный теоретический фундамент под сильным влиянием модных тогда идей Э. Бернштейна. Согласно пониманию Е. Д. Кусковой, рабочий класс в России может и должен вести, как класс, одну только экономическую борьбу за непосредственные улучшения, не притязая самостоятельно вести борьбу за политическую свободу; последняя должна вестись „обществом“, т.-е. имущими классами, а рабочий класс должен ее, с своей стороны, поддерживать. Таким образом, Кускова рекомендовала передовым рабочим ту именно политику, которая была еще в 1898 году предсказана, как вероятная перспектива развития „экономизма“, П. Б. Аксельродом в его брошюре „Задачи и тактика“. В ней П. Б. Аксельрод, подвергая весьма мягкой товарищеской критике практику русских с.-д. организаций, указывал, что они стоят на перепутьи, из которого один выход ведет к отказу от самостоятельной политической борьбы, передоверию имущим классам задачи организации народного движения против самодержавия и к сосредо-

точению всей энергии на руководстве профессионально-экономическим движением пролетариев, а другой—к образованию политической партии, организующей пролетариат для самостоятельной борьбы за освобождение России и увлекающей на путь той же борьбы другие слои населения, заинтересованные в этом освобождении.

Документ, написанный Кусковой и получивший название „Credo“ („символ веры“), произвел переполох в марксистских кружках в ссылке. Из Сибири за границу был послан от имени пары десятков ссыльных протест против мыслей этого документа, написанный Н. Лениным и провозглашавший необходимость для социал-демократии стать во главе революционной борьбы народных масс против самодержавия. Протест, сопоставляя появление „Credo“ с течениями, обнаруживавшимися среди практиков социал-демократии в Петербурге, и с борьбой против „марксистской ортодоксии“, поведенной в легальной журналистике, объявлял войну „всему кругу идей, нашедшему себе выражение в „Credo“. Из отдельных ссыльных „колоний“ группы марксистов присылали резолюции о присоединении к протесту Ленина и его товарищей; группа ссыльных Вятской губернии (А. Н. Потресов, Ф. Дан, Варовский, Н. Бауман и др.) выработали свой ответ на „Credo“ Кусковой в том же направлении.

Поддержанные этими протестами, если не из действующих русских организаций, то из среды недавно устраненных от работы деятелей, Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод более решительно выступили против большинства заграничного „Союза“, которое тяготело к „экономизму“. После ряда организационных конфликтов произошел открытый раскол заграничной организации. Меньшинство, с „Группой Освобождения Труда“ во главе (Д. Кольцов, Л. Ортодокс-Аксельрод, Г. Гольденберг, Г. Линдов и др.), образовало „Революционную организацию Социал-Демократ“, поставившую себе целью литературную пропаганду марксизма и борьбу с его теоретическими и политическими искажениями. После „Писем к товарищам“ П. Б. Аксельрода, в которых глубокая и основательная критика русского „экономизма“ велась еще в умеренном тоне, появился плехановский „Vademecum“ (путеводитель) для редакции „Рабочего Дела“, в котором, на основании выступлений и писем отдельных деятелей „Союза“, документально устанавливался оппортунистический характер их борьбы против основателей

русской с.-д., которую сами они склонны были объяснять одними лишь организационными разногласиями. Написанная весьма резко, брошюра провела глубокую грань между двумя лагерями социал-демократов, поставив все точки над i, как в вопросе о теоретических блужданиях части социал-демократов, сбитой с толку бернштейнианской критикой, так и в вопросе о практических тенденциях сторонников „Рабочей Мысли“ и других „экономистов“. На происшедшем в августе 1900 г. Парижском международном социалистическом конгрессе русская с.-д. делегация уже выступала двумя группами: большинство, руководимое „Рабочим Делом“ и Бундом, голосовало в вопросе о политике социалистического министериализма за примирительную резолюцию Каутского, тогда как меньшинство, с Плехановым во главе, присоединилось к непримиримой резолюции Жюля Гэда.

Характерно, что левые социал-демократы за границей, в пылу борьбы с „экономистами“ и бернштейнианцами смягчили остроту своего отношения к дальним своим противникам — остаткам народовольческих эмигрантских групп. В программном своем заявлении „Революционная организация Социал-Демократ“ даже указала, что в настоящий момент она считает долгом социал-демократии подчеркивать в своей деятельности то, что сближает ее с другими революционными направлениями, ведущими по наследству от „Народной Воли“ борьбу с царизмом. В свою очередь, и народовольцы (будущие соц.-революционеры) в течение 1900—1901 гг. с известной симпатией относились к левому „политическому“ крылу социал-демократии, ожидая, что оно будет эволюционировать в сторону сближения с революционным народничеством. Лишь в начале 1902 г. надежды этого рода рассеялись.

С начала 1900 года левые элементы социал-демократии стали мобилизовать свои силы в самой России. Вернувшиеся из ссылки Н. Ленин, А. Потресов и Л. Мартов вступили в сношения с своими единомышленниками в различных городах, недовольными направлением, которое приняла местная работа социал-демократических организаций. Через приехавшую к тому времени в Россию В. И. Засулич они завязали связь с „Группой Освобождения Труда“. Одобрив занятую ею принципиальную позицию, они, тем не менее, надеялись достигнуть цели революционизирования деятельности партии без углубления того организационного раскола, который начался

заграницей, в расчете на то, что местные организации, в среде которых остро чувствовалась неудовлетворенность застоем, наступившим в движении, не окажут противодействия реформаторским попыткам новой группы. План последней сводился к тому, чтобы образовать ядро центральной партийной организации, которая могла бы объединять деятельность местных комитетов, обслуживая их всесторонне, для чего она должна была обладать техническими и материальными средствами, равно, как опытными пропагандистами, агитаторами и организаторами. На почве этого обслуживания должно было совершаться „завоевание" местных комитетов идеями централизма и революционно-политической борьбы.

План этот оправдывался тем отношением, которое группа встретила с первых же шагов своей деятельности. Со всех сторон с ней стремились войти в контакт самые разнородные элементы революционного лагеря, рассчитывая, что ей удастся сыграть роль объединительницы организационно-распыленных и идейно-разбредшихся социалистических сил. С одной стороны, вожди „легального марксизма" (П. Струве, В. Богучарский, М. Туган-Барановский) выразили готовность поддержать начинания группы, несмотря на ее резко враждебное отношение к бернштейнианской „критике марксизма", ибо будущие „освобожденцы" ожидали, что группа даст своей деятельностью сильный толчек переходу рабочего движения на путь прямой борьбы с самодержавием. С другой стороны, различные революционные группы, стоявшие за пределами Российской социал-демократической рабочей партии и выдвигавшие в своей программе борьбу за свержение царизма на первый план, надеялись найти в новой группе союзника. Представители „польской социалистической партии" (в то время стоявшей на национально-революционной почве) группы „Рабочего Знамени", равно как южные группы „социалистов-революционеров" и колебавшейся между с.-д. и с.-р. группы „Свобода" (Надеждин-Зеленский) пытались вступить с новой группой в дружественные отношения. Наконец, и те организации, против которых, главным образом, должна была направиться деятельность последней (заграничный „Союз", группа „Рабочей Мысли", комитеты Петербурга и Киева и „Бунд") выразили готовность работать вместе с новой организацией и столковываться с нею о дальнейшем направлении партийной работы. Группа же „Южного Рабочего" и примыкающие к ней орга-

низации Юго-Востока, так же как группы марксистов в отдельных городах провинции, в большей или меньшей степени солидаризировались с планами новаторов.

В это время (весной 1900 года), по инциативе заграничного „Союза“, подготовлялся II-й съезд партии, который должен был восстановить центральную партийную организацию и устранить начавшийся в партии раскол. Делегаты „Союза“ Ц. Копельзон и П. Теплов с этой целью объезжали местные организации. „Политики“ решили поставить на съезде вопрос об избрании Ленина, Потресова и Мартова редакторами центрального органа „Рабочей Газеты“, которую предполагалось возобновить. В этом направлении велись предварительные переговоры между представителем „Южного Рабочего“ И. Лалаянцем и Н. Лениным в Москве. В то же время последний получил для съезда мандат от „Группы Освобождения Труда“ из-за границы.

Однако, планы эти рухнули, благодаря ряду ударов со стороны жандармской полиции. 16 апреля были произведены массовые аресты в Екатеринославе, Полтаве, Харькове, Кременчуге, разгромившие южные организации (в частности, в Кременчуге была взята типография „Южного Рабочего“). В Пензе скоро после того арестован был делегат заграничного Союза П. Теплов, в Москве разгромлен комитет, в рай не Бунда начались повсеместные аресты, вновь ослабившие организацию, которая едва успела оправиться от погрома 1898 года. Петербург и Киев также испытали сильное „кровопускание“, а в Харькове, где 1 мая произошла колоссальная политическая забастовка, в несколько приемов был произведен полнейший разгром.

Возможность созыва съезда была сорвана. Соответственно этому план действий был видоизменен. Решено было, что А. Н. Потресов и Ленин отправятся за границу, чтобы там, при содействии „Группы Освобождения Труда“, поставить независимую с.-д. политическую газету и начать, так сказать, исподволь завоевание партии. Их оставшиеся в России единомышленники должны были образовать опорные пункты в ряде городов (Полтава, Смоленск, Киев, Самара, Москва, Орел, Уфа и др.), из которых должно было производиться систематическое воздействие на местные организации крупных центров; в последних вербовались отдельные влиятельные сторонники („агенты“), задачей которых должно было быть отстаи-

вание в организации идей левого крыла социал-демократии. Были приняты меры к организации подпольных типографий, которые обслуживали бы новое течение, к постановке „паспортного дела“ для перевода на нелегальное положение скомпрометировавшихся или бежавших из ссылки деятелей и к организации заграничного транспорта на широких основаниях.

Программа нового органа, который решено было назвать „Искрой“, была выработана в мае 1900 года на совещании в Пскове, где съехались Ленин, Мартов, Потресов, С. и Л. Радченко. На совещании присутствовали также П. Б. Струве и М. Туган-Барановский, заявившие, что, несмотря на свое несогласие с ортодоксально-марксистским направлением газеты, они будут ее поддерживать, как орган, ставящий себе целью организацию политической борьбы против самодержавия. Программа газеты выдвигала на первый план образование сильной революционной партии, способной вести рабочие массы на борьбу с царизмом и вызвать в широких кругах демократии готовность поддержать эту борьбу, как обще-национальное дело. Недаром эпиграф газеты („Из искры возгорится пламя“) был взят из ответа декабристов Пушкину. Рядом с этой целью, как тесно связанная с нею, выдвигалась задача борьбы с ревизионистской „критикой марксизма“, грозящей развитию пролетарского классового самосознания.

К осени 1900 года между „Группой Освобождения Труда“ и Лениным и Потресовым состоялось соглашение, в силу которого „Искра“ и теоретический журнал „Заря“ должны были выходить, как общие предприятия, при сохранении, однако, организационной независимости группы „Искры“ от эмигрантской организации „Социал-Демократ“. Дело в том, что „искровцы“ не хотели черезчур связывать себя расколом, происшедшим среди эмигрантов, расчитывая, не без основания, что, таким образом, они легче соберут вокруг себя и за границей, и в России многие элементы, не удовлетворенные положением партии.

При содействии германских социал-демократов (особенно Дитца, д-ра Лемана, Клары Цеткин, Адольфа Брауна, Пинкау и других) сначала в Штутгарте, а после в Мюнхене, была поставлена тайная типография, в которой с декабря 1900 года стала появляться „Искра“, набираемая старым деятелем с.-д. эмиграции И. Блюменфельдом. Он же и покойный Н. Бауман повезли в Россию, в чемоданах с двойным дном, первые экзем-

пляры газеты, которой суждено было оказать решающее влияние на развитие российского с.-д. движения. Транспорт в более широких размерах поставил латыш Эрнст Ролау, впоследствии перешедший к эс-эрам и после 1905 года застреленный русскими жандармами. Правильная постановка транспорта, впрочем, налажена была только к середине 1901 года, главным образом, усилиями И. Басовского (Дементьева).

В России 1900 год прошел в рабочем движении сравнительно тихо. Но, как выше указано, в Харькове 1 мая произошла всеобщая забастовка, вызванная интенсивной агитацией местного комитета и сопровождавшаяся выставлением политических требований, что делало ее в некотором роде поворотным пунктом в развитии русского рабочего движения. Вскоре после того в Вильне арест полицией нескольких рабочих, расклеивавших прокламации Бунда, вызвал серьезные уличные беспорядки: толпа рабочих освободила арестованных силой и оказала сопротивление полиции.

В конце года обострение рабочего движения в Польше, где произошло несколько террористических актов против шпионов, послужило поводом к преданию ряда членов революционных партий военному суду, вынесшему смертные приговоры. „Искровцы“ отозвались на эти приговоры прокламацией, расклеенной и разбросанной в ряде городов Южной и Западной России и призывавшей к устройству уличных манифестаций. Прокламация эта была напечатана в новой типографии „Южного Рабочего“, который снова начал выходить при участии Г. Наумова („Андрей“), А. Ерманского, В. Н. Розанова и др. Группа „искровцев“, в свою очередь, поставила нелегальную типографию в Кишиневе; организатором ее явился Л. Гольдман („Аким“). Типография должна была обслуживать нужды текущей политической агитации в России и отчасти перепечатывать „Искру“, поскольку не удалось бы наладить транспорт. Позже была поставлена и другая типография (на Кавказе, отличавшаяся большой производительностью).

Уличные демонстрации студентов марта 1901 года, всколыхнувшие всю обывательскую Россию, дали сильный толчек политическому пробуждению рабочих масс. Партийные комитеты призвали рабочих к организации первомайских манифестаций. Таковые, помимо Польши, произошли в Петербурге, Вильне, Двинске, Ковне, Тифлисе и других городах. В Петербурге, в ответ на репрессии заводоуправления против демон-

странтов, забастовал Обуховский завод, а на попытку подавления стачки полицейской силой ответил знаменитой „обуховской обороной“—упорным сопротивлением, для преодоления которого правительство прибегло к расстрелу, сопровождавшемуся жертвами. Последовавший процесс, закончившийся десятками лет каторги и арестантских рот, послужил для социал-демократии поводом к новой агитации.

Возбуждение, вызванное событиями 1901 года в учащейся молодежи, естественно привело к новому приливу интеллигенции в революционные организации, в частности, и в социал-демократические, особенно, поскольку последние фактически становились на путь непосредственной революционной борьбы с царизмом. Этим, равно, как и переломом настроений в самой рабочей среде, облегчалась борьба „политического“ течения в партии с „экономистами“. В продолжение всего года эта борьба велась с большим упорством, подчас вызывая местные организационные расколы. Большинство работников в партийных организациях было постепенно завоевано „политиками“ которые получили такое сильное подсобное орудие, как приходившая с лета 1901 года в массах экземпляров „Искра“; но руководители комитетов, пользовавшиеся наибольшим организационным влиянием, сплошь и рядом оставались на стороне прежнего „экономического“ и постепенновского направления.

Эта идейная борьба умерялась стремлением сохранить единство местных организаций и воссоздать центральный партийно-организационный аппарат. Постольку боевой политический тон, взятый „Искрой“ и вышедшей в апреле 1901 г. „Зарей“, не встречал одобрения даже среди многих сторонников новой линии.

Местные организации требовали, чтобы эмигрантские руководящие группы прекратили взаимную борьбу и сошлись на общей платформе. Среди самих этих групп готовность к сближению наметилась под впечатлением весенних событий 1901 года, когда „экономистское“ „Рабочее Дело“ сочло необходимым заговорить об организации непосредственного политического „штурма“ на царизм. Правда, Н. Ленин и Л. Мартов в „Искре“ резко выступили против этой идеи „штурма“, которой „Рабочее Дело“, в лице его руководителя Кричевского, покрывало вспыхнувшее среди революционной молодежи и части рабочих террористические настроения. „Штурму“ „Искра“ противопоставила длительную осаду царизма рабочим классом,

организующимся в сильную самостоятельную политическую партию, завоевывающим себе положение „гегемона“ в русском освободительном движении и вынуждающим все рвущиеся к борьбе с самодержавием общественные элементы служить интересам его собственного движения. Однако, и среди самих „искровцев“ идея прекращения внутренних конфликтов в партии соглашением, встречала тем большее сочувствие, что на политическом горизонте вырисовывался политический соперник в лице оживавшего революционного народничества и приобретавшего популярность терроризма.

По инициативе кружка „Борьба“, образованного Д. Рязановым, Ю. Стекловым и Е. Смирновым для пропаганды идеи объединения всех с.-д., в июне 1901 года состоялось в Женеве совещание заграничных с.-д. организаций для выработки соглашения. От „Союза русских с.-д.“ присутствовали Б. Кричевский и В. Акимов, от плехановской „Революционной организации Социал-Демократ“—Д. Кольцов, от заграничного комитета Бунда—В. Косовский, от „Искры“—Л. Мартов, от „Борьбы“—Е. Смирнов и Ю. Стеклов. Представители левых групп потребовали, чтобы в основу соглашения было положено определенное отмежевание от оппортунистических тенденций в русском и международном социал-демократическом движении. Борьба с идеями сотрудничества классов, только экономической борьбы и реформизма, объявлялась обязанностью социал-демократии, а революционное свержение царизма и установление демократической республики—ее центральной политической задачей. После долгих споров, правая сторона, в лице представителей „Союза“ и „Бунда“, согласилась подписать проект платформы соглашения, составленной в этом духе, проведение же самого соглашения и организационное объединение перенести на генеральный съезд всех заграничных с.-д. организаций, который через 2 месяца должен был быть собран в Цюрихе.

Однако, за протекший промежуток времени в рядах „экономистов“ Союза и примыкавших к нему групп поднялась оппозиция против уступчивости, проявленной его делегатами в Женеве. Члены Союза находили, что основы намеченного соглашения лишают Союз смысла существования, растворяя его в „искровстве“. Под влиянием этой оппозиции, очередной номер „Рабочего Дела“ появился со статьями (Кричевского и А. Мартынова), в которых политическая линия „Искры“ подвергалась резкой критике, как со стороны ее отрицательного

отношения к „чисто-рабочему“ направлению деятельности русских „экономистов“, так и со стороны исповедуемого ею организационного централизма. Многие замечания в этих статьях попадали в цель—особенно указание на опасность присущей Ленину тенденции объединить все оппозиционные общественные силы вокруг с.-д. партии и при этом сохранить за нею ее классовый характер исключительно средствами строгого отбора последовательных марксистов в руководящие центры. Но общий дух критики делал ее консервативной, отстаивающей умеренность и узость русского движения против новаторских тенденций „Искры“, и среди сторонников последней она вызвала охлаждение к делу слияния. Это охлаждение еще усилилось, когда стало известно, что на съезде Союза решено было требовать внесения в текст женевского соглашения ряда изменений, значительно ослаблявших ортодоксально-марксистский его характер.

На общем съезде, собравшемся в Цюрихе в августе, „искровцы“ и плехановцы ответили не внесение указанного требования о поправках к тексту соглашения отказом продолжать дальнейшие переговоры и уходом со съезда. Это решение, отстаивавшееся Лениным, было принято членами „Искры“ и „Социал-Демократа“, вопреки мнению Г. В. Плеханова, который, будучи поддержан Мартовым, Л. Ортодокс и некоторыми другими, советовал итти на уступки „Союзу“, дабы объединить силы социал-демократии против надвигающейся опасности возрождения народничества.

Неудачная попытка объединения, как это обыкновенно бывает, лишь еще более обострила отношения между двумя частями партии. Борьба за руководство в местных комитетах ожесточилась. Представители центральной организации („агенты“) „Искры“, водворяясь в городах, где комитеты тянули к „экономистам“, собирали вокруг себя недовольные элементы и „взрывали“ старые комитеты. Особенно ожесточенные отношения установились между двумя лагерями в Петербурге, где влияние крайнего „экономизма“ было наиболее сильно.

Между тем, подпавшие под влияние „Искры“ комитеты все более придавали своей деятельности революционно-политический характер, ведя систематическую агитацию листками против царизма и организуя при удобных случаях политические манифестации. Однако, эти манифестации до поры до времени

в большинстве случаев не принимали сколько-нибудь внушительного характера и массовых размеров: лишь наиболее смелая часть рабочей и учащейся молодежи принимала в них участие при достаточно безучастном отношении массы городского населения, терроризованного все более и более свирепыми репрессиями полиции.

Зато внутренняя организационная работа местных комитетов в течение 1901—1902 гг. получила значительное развитие благодаря усилению их рядов новыми работниками из числа бежавших из мест ссылки, равно, как направляемых „Искрой" из-за границы деятелей. С.-д. организации оформились в ряде новых пунктов. Рядом с рабочей средой, более или менее систематическая работа велась среди учащейся молодежи, кое-где среди крестьян и в армии.

Становясь все более и более руководящим идейным центром для большинства с.-д. работников, „Искра" с неослабной энергией вела борьбу с идеями „экономизма" и с так-называемым „организационным кустарничеством"—с примитивностью организационного строя местных отделов партии. Отстаивая крайнюю централизацию партийной работы на основе строгого разделения труда, „Искра" в то же время требовала сосредоточения партийной деятельности преимущественно по борьбе с самодержавием в целях вовлечения в движение против него самых широких масс населения. Оппозиционное земское, национальные, студенческое и т. п. непролетарские движения привлекали к себе внимание газеты в высшей степени, и газета, стоя на непримпримо-классовой позиции в вопросах социалистической доктрины, проявляла в то же время склонность к самому широкому политическому сотрудничеству с этими непролетарскими движениями, поскольку они направлялись против самодержавия и бюрократии.

Организационный централиз „искровцев", между прочим, резко столкнул их с социал-демократическими организациями еврейских рабочих, т.-е. с „Бундом", который сыграл такую роль в образовании самой Р. С.-Д. Р. П. Специфические общественные условия, в которых действовали организации Бунда, работавшие преимущественно среди ремесленного пролетариата маленьких городов и местечек, уже сами по себе побуждали деятелей еврейского рабочего движения дорожить возможно большей организационной своей автономией, формально признанной еще в уставе, принятом на первом пар-

тийном съезде, и фактически в период распада 1898—1901 гг., принявшей вид почти полной организационной самостоятельности. Эта фактическая самостоятельность и обособленность в то же время ограждала Бунд от того раскола, который проявился в эти годы в рядах всей партии. Между тем, стремление Бунда укрепить свое влияние на массы и выйти за пределы первоначальной, чисто-экономической агитации на почве столкновений наемного труда с капиталом, поставило его лицом к лицу с конкурренцией мелкобуржуазных еврейских течений (преимущественно сионизма), пытавшихся увлечь политически пробуждающиеся еврейские массы на путь общенациональной борьбы против бесправия под флагом национализма. В борьбе с этими течениями, Бунд начал все более подчеркивать в своей агитации национальный момент, рассматривать себя, как партию еврейского пролетариата и склоняться к дополнению требования гражданского и национального равноправия требованием *культурно-национальной автономии* евреев в России. Со стороны большинства русских с.-д. организаций это политическое требование вызвало живейший отпор: боялись, что подобный лозунг будет обособлять еврейское рабочее движение от движения рабочих других национальностей и тем препятствовать той борьбе с национализмом вообще и с антисемитизмом в частности, которая являлась существенной частью работы по воспитанию в российском пролетариате сознания классового единства. Вытекавшее же из нового умонастроения „бундовцев" требование заменить организационную автономию федерацией шло прямо в разрез с непосредственными интересами централизации всего движения, чтобы не натолкнуться у „искровцев" на самый решительный отпор. Это было тем естественнее, что организация Бунда, возникшая первоначально в Литве, Белоруссии и Польше, где бытовыми условиями еврейский пролетариат очень резко отделен от польского и литовского, теперь распространялась по югу России, где, по крайней мере, в крупных центрах (Одесса, Екатеринослав, Николаев, Киев, Харьков, Полтава), еврейские рабочие в лице своих наиболее культурных слоев были значительно руссифицированы и где с.-д. движение с первых дней объединило в общей организации рабочих русских и еврейских. Проведение организационного принципа и боевых национальных лозунгов Бунда в этой части России не только грозило, поэтому, расколом местных организаций, но и вело бы к сильному ослаблению движения,

поскольку еврейские ремесленные рабочие в Одессе, Киеве и др. центрах, в качестве более прочного городского слоя и в силу более благоприятных условий для общения с социалистической интеллигенцией, являлись в значительной мере авангардом местного движения, формировали руководящие рабочие ячейки и давали наиболее активных агитаторов.

Все это объясняет, почему „Искра“ и ее сторонники с такою энергией и нетерпимостью обрушились на новые тенденции в Бунде и, решительно выступив против федеративной организации, требовали отказа от лозунга культурно-национальной автономии, который, с их точки зрения, являлся либо утопическим, либо идущим в разрез с тенденциями капиталистического развития, либо противоречащим интернационализму рабочего движения. Последовательное проведение демократии в государстве и обществе, гражданское и национальное равноправие полностью, по их мнению, исчерпывали пролетарские задачи по отношению к еврейскому вопросу. Точно так же решались „Искрой“ и задачи других национальных секций российского пролетарского движения.

При таких условиях, связь Бунда с заграничным Союзом и экономистами, несмотря на то, что в своей собственной работе бундовские организации вели интенсивную политическую агитацию, еще более укреплялась.

На-ряду с агитационной и организационной деятельностью, группа „Искры“ совместно с „Группой Освоб. Труда“ вела теоретическую пропаганду „ортодоксального“ марксизма, защищая его против оппортунистской, народнической и либеральной критики. Эта работа совершалась преимущественно в сборниках „Зари“, главным образом, Г. В. Плехановым [1]).

Деятельность „искровцев“ в России начала к концу 1901 года привлекать к себе внимание жандармской полиции, и она приняла энергичные меры к „ликвидации“ их организаций. В декабре 1901 года разгромлена была группа, работавшая в Литве по обслуживанию транспорта (В. Ежов и друг.), тогда же арестован в Орехово-Зуеве нелегальный рабочий И. В. Бабушкин, деятельность которого создала ряд рабочих организаций во всем промышленном московско-владимирском районе. В феврале

[1]) В трех книжках (одна двойная) „Зари“ были помещены статьи теоретического и публицистического характера Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, А. Н. Старовера-Потресова, Н. Ленина, Л. Ортодокс, П. Маслова, Г. Линдова, Ю. Стеклова и др.

1902 года был нанесен главный удар. В Киеве и Москве арестованы десятки лиц, причастных к центральному ядру ,,искровцев" и связанных с ним (В. Крохмаль, И. Басовский, Гальперин, Л. Н. Радченко, Н. Бауман, И. Блюменфельд, М. Сильвин и мн. др.), разгромлена транспортная организация, а в марте в Кишиневе взята и типография, во главе которой стоял Л. Гольдман. Аресты имели место также и в Петербурге и еще некоторых провинциальных городах.

Разгром этот, на время ослабивший организационную работу ,,искровцев" и их влияние на местные комитеты, помешал им принять активное участие в новой попытке, которая была предпринята для восстановления партийной организации по инициативе Заграничного Союза и Бунда, предложивших организовать съезд для восстановления партийного центра. Редакция ,,Искры" делегировала на этот съезд Ф. И. Дана, действовавшего в то время в Берлине, с мандатом: 1) отстаивать превращение съезда в конференцию и 2) ограничить задачи последней выпуском общепартийного воззвания к 1-му мая и осуществлением мер, необходимых для созыва действительного съезда. К числу последних ,,искровцы" относили прежде всего сплочение спевшихся на определенной политической платформе элементов и образование ими действенного центра, способного в процессе подготовки съезда централизовать самую политическую агитацию на местах. Практически это сводилось к тому, чтобы выбрать центральную организацию, однородную или почти однородную по направлению.

На съезд, состоявшийся в апреле в Белостоке, съехались, в виду ,,провалов", лишь представители ц. к. Бунда (П. Розенталь и Зельдов), Петербургского комитета (д-р Краснуха) и ,,Южного Рабочего" (А. Ерманский), равно как делегаты обоих заграничных центров (Ф. Дан от ,,Искры" и В. Гриневич-Круглов от ,,Союза"). Большинство делегатов стояло ближе к ,,Рабочему Делу", чем к ,,Искре", и особенно к ее централистическим и авторитарным тенденциям относилось отрицательно. Совещание во всяком случае себя съездом признать не решилось, конституировалось, как конференция, но постановило выбрать Организационный Комитет по созыву II-го съезда из представителей от участвовавших организаций.

Эта попытка, однако, тут же потерпела крах. Конференция прошла благополучно, но немедленно после нее члены ее (кроме Краснухи) были арестованы в тех местах, куда очи

приехали с докладами о ней. Тем самым избранный Организационный Комитет был разбит. В то же время громадные „провалы" в центральном районе (от Воронежа до Ярославля) и на юге еще более ослабили „искровцев" и ослабили организационную связь между отдельными центрами движения.

Последнее, тем не менее, развивалось с стихийной силой, захватывая новые районы и пункты, обостряясь в результате все более беспощадных репрессий и получая новые импульсы, с одной стороны, в усиливавшемся брожении среди непролетарских классов, с другой — в грубых провокаторских попытках правительства увлечь часть пролетариата на путь полицейского социализма (Зубатов, Шаевич). Когда Сипягина, убитого 4 апреля 1902 г. Балмашевым, сменил, в должности мин. вн. дел, знаменитый палач Плеве, началась эра свирепых репрессий. В Воткинском заводе, в Вильне, Минске и других городах демонстранты и забастовщики были подвергнуты истязаниям розгами, так же как крестьяне в Харьковской и Полтавской губерниях. В Сормове, Нижнем-Новгороде, Саратове участники первомайских демонстраций и организаторы их были преданы суду сословных представителей и сосланы на поселение (Заломов, Фофанов, Бочкарев, Архангельская, Самылин, Денисов и др.). В Батуме, на ст. Тихорецкой (беспорядки в мае 1902 г. по поводу изнасилования и убийства казаками Золотовой) в рабочих стреляли. Расстреляна была демонстрация в Батуме. Случаи жестокого избиения демонстрантов и стачечников учащались. Сотни участников студенческих волнений ссылались в Сибирь.

Нарастая с каждым днем, возбуждение рабочего класса вылилось, наконец, в ноябрьских событиях в Ростове-на-Дону, где начатая из-за вопросов заработной платы забастовка в железнодорожных мастерских превратилась сначала во всеобщую забастовку по сочувствию, затем, благодаря ежедневным многочисленным митингам на „Темернике", с которыми бессильной оказалась справиться полиция, — в грандиозное политическое движение, охватившее почти все население города и передавшееся на ст. Тихорецкую и другие ближние пункты. Агитационная деятельность Донского комитета партии [1]) во время стачки и выступления на митингах И. Ставского, И. Брагина и других агитаторов революционизировала массы

---

[1]) Во главе с М. Балабановым, С. Драбкиным, Локерманом, С. Логачевой и др.

ростовского пролетариата. Эхо ростовского движения пронеслось по всей стране. Можно без преувеличения сказать, что именно оно окончательно добило „экономизм" и привело к полной победе „политического" направления в партийных организациях, которые в течение зимы 1902 — 1903 г. развивают однородную агитационную работу в „искровском" духе.

Этот поворот позволил центральной группе „искровцев", восстановившейся после весенних провалов, возобновить прерванную деятельность Организационного Комитета. Из организаций, уполномоченных образовать его, группа „Южн. Рабочего" теперь целиком стала в существенных вопросах на сторону „Искры", а Петербургский Комитет попал в руки „искровцев" после раскола, выделившего „экономистов" в отдельную организацию, со старым названием „Союза борьбы". Соглашением между группой „Искры", „Южным Рабочим" и Петербургским Комитетом Организационный Комитет был восстановлен, а Бунду предложено делегировать в его состав своего представителя. Появившийся в декабре 1902 г. манифест Организационного Комитета намечал в духе „Искры" политические и организационные задачи партии и возвещал созыв II съезда партии на ближайшее время.

В состав Организационного Комитета вошли „искровцы" Г. Кржижановский, Е. М. Александрова, Ф. Ленгник, П. Красиков, представитель Петербургского Комитета А. Краснуха, представители „Южного Рабочего", Е. Левин и В. Н. Розанов, и делегат Бунда, К. Портной.

Сосредоточив в своих руках распространение литературы, приходившей из-за границы и печатавшейся в нескольких тайных типографиях, обслуживание местных организаций и распределение между ними все возраставшего числа т.-н. „профессиональных революционеров", вербовавшихся из возвращающихся в Россию эмигрантов, бежавших ссыльных и теряющих легальность местных работников, Организационный Комитет в течение первого полугодия 1903. г. довершил завоевание „искровским" направлением местных организаций. Его члены и агенты постоянным объездом организаций и участием в предварительном обсуждении в них вопросов, подлежавших решению на съезде, подготовляли полную победу на последнем этого направления. Все более слабеющий за границей „Союз" (который с 1902 г. начал издавать популярную газету „Красное Знамя") потерял почти всякое влияние и имел еще опору

лишь в отколовшихся организациях („Союза борьбы") в Петербурге и Воронеже, и частью в Бунде.

Чем более ослабевала опасность „экономизма", тем серьезнее становилась для „искровцев" опасность с другой стороны. Социалисты-революционеры оформились в партию, первые успехи террористической борьбы вызвали к ней сочувствие не только среди интеллигенции, но и в рабочих кругах, а крестьянские бунты весны 1902 г. способствовали новому расцвету революционного народничества. Дикие расправы царской полиции над забастовщиками и демонстрантами вызывали среди рабочей молодежи террористические настроения. Покушения Г. Лекерта на фон-Валя и Фомы Качуры на кн. Оболенского свидетельствовали о нарастании этих настроений. При организации демонстрации приходилось принимать меры к тому, чтобы подготовка организованных рабочих к самозащите не вырождалась в действия, могущие без нужды провоцировать кровопролитие. Местами целые организованные кружки рабочих переходили от с.-д. к партии с.-р. Уходили к ней и отдельные интеллигенты, в большей или меньшей мере связанные с социал-демократией в начале своей политической деятельности: вслед за П. Карповичем и С. Балмашевым в 1902 г. от с.-д. отошли Б. В. Савинков, И. Каляев, Е. Сазонов и др.

Неудивительно, что „Искра", первоначально с известной симпатией относившаяся к партии с.-р., как выдвигавшей на первый план борьбу с самодержавием, становится со второй половины 1902 г. в резко враждебное отношение к этой партии. Теория неонароднического социализма и его политика начинают подвергаться суровой критике, а борьбе с терроризмом отводится в „Искре" одно из главных мест в статьях В. Засулич, Г. Плеханова, Н. Ленина, А. Потресова, Л. Мартова и Л. Троцкого, ставшего постоянным сотрудником газеты с конца 1902 г., после побега из Иркутской губ., куда он был сослан по Николаевскому с.-д. делу 1898 года.

Рядом с партией с.-р., как соперник по политическому влиянию, оформился с 1902 г. конституционализм. Мы видели, что к концу 1900 г. деятели, подготовлявшие в легальной литературе организацию оппозиционно-демократического движения — П. Б. Струве, М. Туган-Барановский, В. Богучарский — отнеслись сочувственно к начинаниям „искровцев" в деле революционизирования рабочего движения и проникновения его политическими задачами. Струве даже поместил две

статьи в первых номерах „Искры“ („Самодержание и земство“) и предоставил „Заре“ издать добытую им тайную записку Витте о земстве, которую он снабдил своим предисловием (которое, впрочем, было подвергнуто в № 2 „Зари“ критике в статье Ленина). Была даже сделана попытка заключить договор между группой „Искры“ и группой конституционалистов о совместном издании за границей журнала, в котором часть была бы посвящена свободной дискуссии по вопросам политической борьбы с царизмом. Переговоры эти велись Лениным, Потресовым и Засулич, с одной стороны, и Струве и Богучарским—с другой [1]). Они оборвались не в силу каких-нибудь разногласий, но потому, что после манифестации 4 марта 1901 г. на Казанской площади Струве, высланный в Тверь, не мог вернуться, как предполагал, за границу, для завершения соглашения. Дальнейшее сближение Струве с умеренно-либеральными земскими кругами, повидимому, направило его политическую активность в сторону от планов „концентрации“, и переговоров об общем журнале уже не возникало. Тем не менее еще летом 1901 года В. Богучарский приезжал в Мюнхен для свидания с редакцией „Искры“ и оказывал газете некоторые услуги. Другие будущие деятели „Освобождения“, как кн. Д. Оболенский (впоследствии член I Гос. Думы) и В. Португалов, в течение 1901 года работали в России для „Искры“.

В течение всего 1901 года „Искра“ по отношению к организовавшемуся либерально-демократическому движению занимала крайне благожелательную позицию. Как Г. В. Плеханов, так и Ленин, признавая чрезвычайно важным политическое оформление либеральных элементов общества и переход их к активной борьбе с самодержавием, настаивали на необходимости для социал-демократии всячески поддерживать оппозиционное движение земских и примыкающих к ним общественных кругов. Ленин даже возлагал на социал-демократию обязанность уделять часть своих организационных сил для содействия делу вовлечения имущих классов в борьбу с царизмом. Исходя из того положения, что эти классы, лишенные политического опыта, малоспособны к самостоятельной политической организации, он расчитывал, что, взяв на себя всестороннее содей-

---

[1]) Пишущий эти строки находился в то время в Полтаве. Узнав от покойного Н. Баумана о предполагающемся соглашении, я в письме к Ленину высказался против идеи подобного „литературного блока“.

ствие их возникающему движению, социал-демократия извлечет для себя из этого непосредственную материальную и организационную пользу и приобретет несокрушимое идейное влияние на либеральное движение.

Рискованность этой позиции, которая при дальнейшем развитии неизбежно увлекла бы социал-демократию на путь приспособления к половинчатости буржуазного либерализма, не укрылась от противников „Искры“ из лагеря „Рабочего Дела“. Главные свои критические удары они и направили на это стремление „искровцев“ непосредственно овладеть движением имущих классов и обвиняли их в отходе от классовой точки зрения. Они были правы, поскольку, по крайней мере в произведениях Ленина, вопрос о взаимоотношении между социальной и либеральной демократией крайне упрощался в угоду несомненно владевшей в то время этим писателем идее образования какого-то революционного сверхцентра, объединяющего движение всех классов, борющихся против царизма. Положение, выставленное П. Б. Аксельродом еще в 1899 году и гласившее, что воздействие социал-демократии на движение т.-н. „общества“ будет всецело определяться *содержанием* работы социал-демократии в самом пролетариате, т.-е. постановкой в центре пролетарской борьбы проблемы общенационального освобождения,—это положение совершенно не было усвоено Лениным, хотя он и цитировал его неоднократно в полемике с „экономистами“.

Позиция Ленина, исходившая из ложной посылки и возможности держать развивавшееся либерально-буржуазное движение под опекой социал-демократической, притом ортодоксально-социал-демократической партии, обнаружила свою полную несостоятельность в течение 1902 года, когда, получив свой собственный влиятельный центр в лице „Освобождения“, это либеральное движение стало раскрывать в действии свою антипролетарскую и прежде всего антидемократическую сторону, соответствующую классовым интересам социальных слоев, на которые стремилась опереться возникавшая конституционалистская партия. Занимая весьма двусмысленную позицию во всех вопросах положительной программы (особенно в вопросе о всеобщем избирательном праве), „освобожденский“ либерализм, поскольку он и считал необходимым развитие социалистического движения, чем далее, тем все более отдавал перед марксистским пролетарским социализмом предпочтение терро-

ризму социалистов-революционеров. В то же время под флагом философского идеализма он атаковал теорию марксизма в легальной литературе. Его политические успехи в России прежде всего сказывались на отвлечении симпатии части демократической интеллигенции от рабочего движения и социал-демократии. „Я думаю, что от гегемонии в освободительном движении пора отказаться“, писал в средине 1902 года из Орла редакции „Искры“ кн. В. Оболенский, описывая этот процесс отхода от социал-демократии части „попутчиков справа“ Вскоре после того он и сам отошел к „освобожденцам“.

Происшедшая перемена вызвала среди „искровцев“ противоположную реакцию. Либеральная партия стала рассматриваться прежде всего как соперница в деле влияния на широкую демократическую среду, объективное значение ее борьбы с самодержавием стало недооцениваться. Так психологически подготовлялось из разочарования в возможности „управлять“ всем освободительным движением то односторонне-враждебное отношение к либеральному конституционализму, которое впоследствии стало прочной традицией в известных кругах русской социал-демократии. В описываемое нами время, однако, эта тенденция еще не нашла себе выражения на столбцах „Искры“, которая (преимущественно в статьях А. Н. Потресова и Л. Мартова) ставила своей задачей такое воздействие на „освобожденское“ движение, которое усилило бы левое его демократическое, интеллигентское крыло и облегчило бы ему гегемонию над правопомещичьим флангом, явно „соглашательским“ по отношению к самодержавию и враждебным к пролетариату и революции.

В деле распространения влияния „искровских“ идей на широкие партийные круги совершенно исключительную роль сыграла книжка Н. Ленина „Что делать?“, вышедшая еще весной 1902 года. В этой книжке Ленин в форме полемического памфлета подверг критическому анализу теорию и практику русской социал-демократии конца 90-х годов и намечал общие линии революционной тактики и организации партии в период прямой борьбы ее с самодержавием. В своей теоретической части книжка Ленина заключала положения, несостоятельность которых, с точки зрения марксизма, не могла укрыться от многих из его сторонников. Уже на втором съезде партии—в августе 1903 года—Плеханову пришлось заявить, что в борьбе с „экономистами“ Ленин „перегнул палку в дру-

гую сторону". В самом деле, обобщая и возводя в принципы специфические условия развития русской социал-демократии, зародившейся в кружках буржуазной (по происхождению) интеллигенции в стороне от рабочего движения, Ленин выставил тезис, согласно которому стихийный ход исторического развития влечет возникающее в рамках капитализма движение пролетариата в сторону буржуазного, по своему содержанию, „трэд-юнионизма" и лишь „извне", из среды интеллигенции, в рабочее движение приносятся формирующие его в самостоятельную политическую силу идеи социализма. Описывая, в сущности, исторический процесс, вместо того, чтобы объяснить его, и игнорируя ту взаимозависимость, которая существует между классовой борьбой пролетариата в самых начальных ее стадиях и движением мысли в той революционно-демократической среде, из которой „извне" вливались в пролетариат оплодотворяющие его движение идеи, Ленин строил схему, которая, по существу своему, больше годилась для санкционирования политики партии социалистов-революционеров, чем политики социал-демократической партии. Но Ленин не преследовал цели теоретического углубления или реформирования марксизма. Он стремился лишь обосновать ту борьбу между стремлениями социал-демократич. меньшинства, каким являлись „искровцы", к организации планомерной революционной борьбы против царизма и проявившимся в то время в шедших за партийными организациями массах тяготением к самозамыканию в вопросах борьбы за условия наемного труда и за частные улучшения. Его книжка давала оправдание ломке сложившейся организации и сложившихся форм организованного движения *сверху* давлением сплоченного энергичного ядра „профессиональных революционеров" Последним в книжке Ленина создавался настоящий культ, как рычагу, с помощью которого партия может приводить в движение громадные массы и маневрировать, используя борьбу самых различных классов с самодержавием. Этот культ подсказывал самые крайние выводы в вопросе о строении партийной организации. Никаких уступок выборному началу в организации и принципу демократического контроля массы партийных членов над руководящими органами. Поскольку в этой вражде к организационному „демократизму" сказывалось подтверждавшееся опытом сознание невозможности в условиях подполья и конспиративной организации копировать строй европейских рабочих партий — к чему были склонны

„экономисты“ — эти преувеличения были и естественны, и сравнительно безвредны. Они становились опасными, поскольку абсолютная форма, в которой выставлял свои положения Ленин, давала основания делать соответствующие выводы для всякой подлинно революционной рабочей партии при всех исторических условиях. Это сказалось со всей силой, когда, под влиянием самого с.-д. движения, царистский режим стал разлагаться и партийная работа получила возможность более широкого и всестороннего развития: наиболее фанатические приверженцы организационных взглядов Ленина явились и при этих изменившихся условиях ярыми врагами всяких попыток строить партию, как самоуправляющийся массовый рабочий коллектив, и цеплялись не хуже лассальянца Швейцера и его учеников за доведенный до абсурда организационный централизм.

В книжке Ленина этот централизм находил свое завершение и свое, так сказать, историческое оправдание в фактической диктатуре *партийных теоретиков*, которым должна была принадлежать высшая власть в партии, как гарантия того, что абсолютно управляющая движением организация профессиональных революционеров не свернет с пути действительных классовых интересов пролетариата. Передача верховного руководства партией группе идейных вождей, блюдущих марксистскую „ортодоксию“, должна была заменить собой, таким образом, ту гарантию против шатаний и уклонов, которую европейские рабочие партии ищут в демократизме организации и массовом характере партии. И здесь идеи Ленина весьма близко подходят к тем организационным представлениям Лассаля и Швейцера, в борьбе с которыми выросла и сформировалась современная германская социал-демократия.

Несмотря на все теоретические ошибки и практические увлечения, а может быть именно благодаря им, книжка Ленина, как сказано, приобрела чрезвычайную популярность. Она явно шла навстречу настроениям наиболее активных организаторов и агитаторов партии, утомленных годами организационного топтания на месте и убожеством, как выражался Ленин, „кустарничества“, характеризовавшего работу комитетов и стесняющего ее размах. Ленинские организационные идеи, как ответ на трудный вопрос организации массового движения из строго законспирированного подполья, настолько носились в воздухе, что одновременно с Лениным, почти в тех

же выражениях и с еще большими крайностями, их формулировал находившийся в ссылке в Вологде Б. В. Савинков, приславший в редакцию „Искры“ обширную статью о характере партийной работы и формах партийной организации.

Свои организационные идеи Ленин уже в 1903 году конкретизировал применительно к постановке работы на местах в брошюре „Письмо к товарищу“ („Ереме“—С. Шнеерсону). В ней развивался законченный централистический строй местной работы на основе идеально-последовательного детального разделения труда и подчинения отдельных колес организационной машины абсолютной власти более или менее невидимого, строго законспирированного местного центра. В таком разработанном виде организационные идеи Ленина уже не встретили общего сочувствия „искровцев“ тем более, что, овладев к этому времени большинством комитетов в России, они не могли не убедиться на практике в невозможности втиснуть дело организации массового движения в Прокрустово ложе конспираторско-бюрократической системы. Тем более фанатично за эту последнюю схватилась наиболее прямолинейная часть „искровцев“, впоследствии составившая „большевистскую“ фракцию.

Вскоре после появления „Что делать?“, напечатан был в № 21 „Искры“ выработанный ее редакцией проект программы Р. С.-Д. Р. П. Первоначальный набросок проекта, составленный Лениным, подвергся суровой критике со стороны Г. Плеханова, в виду того, что давал такую схему развития капиталистического общества и его противоречий, ведущих к социальной революции, которая годилась для любой страны и не оттеняла особенностей исторического развития России, еще не закончившейся в ней борьбы буржуазного способа производства с сословно-крепостническими пережитками. Новый проект, написанный самим Плехановым, и устранявший этот схематизм, стремился учесть результаты только-что закончившейся теоретической полемики среди западно-европейских социалистов о тенденциях и темпе капиталистического развития и об условиях осуществления социализма. Ряд обычных в марксистских программах положений о тенденциях, ведущих к обнищанию пролетариата и к поглощению мелкой собственности, был в русском проекте формулирован более осторожно, чтобы сделать их неуязвимым для ревизионистской и буржуазной критики. Тем не менее, революционная концепция задач социалистического пролетариата была целиком воспринята в проекте

программы. Диктатура пролетариата в момент крушения капиталистического общества признается необходимым рычагом социальной революции и формулируется, как обладание властью, достаточной для того, чтобы сломить сопротивление эксплуататоров. Ближайшей задачей русской социал-демократии выставляется свержение самодержавия и созыв Всенародного Учредительного Собрания для организации демократической республики. В связи с свержением самодержавия и только в связи с ним, ставятся *аграрные* требования партии, целью которых является очистить почву исторического развития от пережитков крепостничества и тем проложить дорогу для свободной борьбы классов в деревне. Соответственно этому, партия требует лишь раскрепощения общины, возвращения крестьянам земель, которыми они фактически пользовались до 1861 г. и которых были лишены в силу условий крестьянской реформы, отмены выкупных платежей и реформы арендных отношений. Возможность выставить требование экспроприации всей помещичьей земли, о чем поднимался вопрос и в редакции „Искры“ и среди русских практиков, не допускалась большинством „искровцев“, которые опасались, что, выставляя или только поддерживая это требование, социал-демократия будет способствовать развитию в крестьянских массах иллюзий о завоевании себе прочного хозяйственного положения в капиталистическом обществе.

ГЛАВА V.

II-й Съезд партии. Большевики и меньшевики.

Зима 1902—1903 и весна 1903 годов прошли, как выше указано, под знаком расширения и обострения политической борьбы пролетариата и, соответственно этому, представляли для „искровцев“ почти сплошной организационный триумф. Агитационные поездки членов и агентов Организационного Комитета ускорили процесс реорганизации местных комитетов в духе вытравления выборного начала, введения строгой централизации и подчинения комитетов руководству небольших групп „профессиональных“ революционеров. Начавшиеся летом 1903 года выборы на партийный съезд дали при таких условиях делегатов почти исключительно из „искровцев“. Организационному Комитету удалось переправить за границу почти всех, выбранных на местах, делегатов. Только двое были арестованы на

границе: Б. Гольдман (Горев) от Петербургского комитета и В. Десницкий (Строев)—от Нижегородского. На съезд, открывшийся в конце июля в Брюсселе, прибыли: от Петербургского комитета рабочий Шотман (Берг), от отколовшегося Петербургского „Союза борьбы“ Лидия Махновец, от Московского комитета Н. Бауман и Л. Цейтлин, от Северного Союза (центр.-промышленный район) Лидия Книпович и Стопани; от Уфимского комитета В. Крохмаль и Муравьев, от Екатеринославского комитета Махлин и Леонов (впоследствии анархист), от Киевского—П. Красиков и рабочий Андрей, от Тульского—Дмитрий Ульянов и еще один делегат-рабочий, от Одесского комитета Залкинд („Землячка“) и С. Зборовский, от Крымского союза М. Панин, от Донецкого союза Мошинский, от Донского комитета Драбкин (Гусев) и Локерман, от Саратовского комитета Галкин и Лядов, от Харьковского—Е. Левина и П. Николаев, от Сибирского союза Б. Мандельберг и Л. Троцкий, от Батумского комитета А. Зурабов, от Бакинского—Кнуньянц, от Тифлисского—Топуридзе. „Бунд“ был представлен А. Кремером, И. Айзенштатом (Юдиным), К. Портным, М. Либером-Гольдманом, Медемом и В. Косовским. Кроме того, были представлены заграничные организации: Союз русских социал-демократов—Мартыновым и В. Акимовым, Лига революционной социал-демократии—Лениным и литературные группы: „Искра“—Мартовым, „Южный Рабочий“—В. Розановым и Е. Левиным, Группа Освобождения Труда—Г. Плехановым. С совещательным голосом присутствовали члены редакции „Искры“ и Организационного Комитета (Е. Александрова и Вл. Носков). Каждый комитет и союз пользовался двумя решающими голосами, кроме тех, которые представляли города с расколотой партийной организацией и которые получили лишь по одному голосу.

Съезд, после продолжительных дебатов, принял программу партии, одобрив с небольшими изменениями проект, представленный редакцией „Искры“. Борьбу против этого проекта в его теоретической части вели лишь делегаты „Союза русских социал-демократов“, восстававшие против принципа диктатуры пролетариата, как необходимого момента при осуществлении рабочим классом социалистической революции. В практической программе вызвала сомнения ее аграрная часть, поскольку некоторые делегаты считали необходимым пойти дальше навстречу стремлениям крестьян к захвату помещичьей земли.

Больше споров вызвали требования национального характера программы-минимум: представители „Бунда“ отстаивали лозунг культурно-национальной автономии, но не встретили поддержки съезда. Пункт программы, признававший за каждой нацией право на самоопределение, был принят, вопреки возражениям делегатов социал-демократии Польши и Литвы (Варский и Ганецкий), присланных на съезд для обсуждения вопроса о слиянии польской социал-демократии с русской. Польские социал-демократы, у себя на родине отстаивавшие неразрывную связь Польши с Россией, видели в признании абстрактного права на самоопределение национальностей уступку тому национал-социализму, с которым они вели столь ожесточенную войну. Поэтому они покинули съезд, прервав переговоры о слиянии.

По тактическим вопросам съезд принял ряд резолюций. Одна рассматривала вопрос об отношении к проявлениям чисто экономического рабочего движения, возникавшим в связи с агитациею организаций, борющихся против социал-демократии („зубатовщина“). Резолюция рекомендует: продолжая борьбу с зубатовскими методами развращения рабочего движения, ни в каком случае не выступать против тех стачек, которые вызваны „независимыми“ организациями, насаждавшимися Зубатовым. Тем же духом осторожности проникнута резолюция по поводу изданного в это время закона о „фабричных старостах“ Заклеймив полицейский и антипролетарский характер этого закона, резолюция ставит задачей партии использовать его для проведения в старосты везде, где можно, кандидатов партии.

Резолюция о партии социалистов-революционеров (П. Аксельрода), анализируя утопический характер теории и авантюристский характер политики этой партии, объявляет ее деятельность одинаково вредной и с социалистической, и с демократической точек зрения: терроризмом и пропагандой „внеклассового“ социализма они препятствуют сплочению рабочего класса в самостоятельную партию; своими утопическими лозунгами они лишают себя возможности организовать мелкобуржуазную демократию в революционную силу. Выводя из этого анализа требование решительной борьбы с партией с.-р., резолюция отвергает возможность каких-либо соглашений с ней в практической области и даже для местных организаций допускает такие соглашения лишь под особым контролем центрального комитета.

По вопросу об отношении к либералам на съезде обнаружились разногласия. Один проект резолюции был предложен Лениным и Плехановым, другой—Потресовым и поддержан Аксельродом, Мартовым, Засулич, Троцким. Первый, выставляя общий принцип готовности социал-демократии поддержать „всякое оппозиционное движение против царизма“, объявляет контр-революционной деятельность органа Струве „Освобождение“ и призывает партию разоблачать перед народом эту контр-революционность. Резолюция Потресова устанавливает условия, при соблюдении которых возможны политические соглашения социал-демократии с либеральной демократией, а именно: признание всеобщего и равного избирательного права, отказ от борьбы с революционным движением рабочего класса и отказ от поддержки каких-либо социально-реакционных требований. Съездом были приняты обе резолюции.

Главное внимание съезда заняли вопросы организации, вокруг которых с первых же дней открылась борьба, приведшая к расколу съезда. Часть делегатов, приехавших из России, ощущала необходимость несколько ослабить узы той централизации партийного аппарата, которая начала устанавливаться под влиянием реакции против прежнего федеративного строя партии. Потребность в таком ослаблении диктовалась частью стремлением легче ассимилировать оставшиеся в партии элементы, примыкавшие к побежденным направлениям социал-демократии: „экономистам“ разных толков легче было ужиться в объединенной партии, при условии сравнительно широкой автономии областных и местных организаций; частью же местные практики стремились обеспечить возможность для местных организаций считаться с особыми условиями местного движения, столь разнообразными на протяжении России, и вносить известную гибкость в дело проведения общепартийных директив, чему могла бы лишь помешать черезчур строгая, прямолинейная и все нивеллирующая централизация.

Между тем, к последней именно и склонялись все те из „искровцев“, для которых основной определяющей идеей стало создание организации, способной, по мановению руки властного центра, к широким боевым действиям против самодержавия. К тому же склонялись и те „искровцы“, которые в долгой и упорной борьбе с оппортунистическими течениями прониклись недоверием к массе средних партийных работников и искали в доведенной до крайних пределов централизации верного

средства сохранять за политикой партии „ортодоксально"-марксистский характер, вопреки всем возможным колебаниям широкой партийной среды. Выразителем первой тенденции явился на съезде В. И. Ленин, второй—Г. В. Плеханов. которые в возникших на съезде дебатах стали на сторону самой крайней централизации.

Тот факт, что значительная часть местных работников—и в том числе некоторые наиболее заслуженные—оказались сторонниками более широкой автономии местных организаций и более „либерального" отношения к оппортунистическим элементам и что они были поддержаны на съезде правой его частью—делегатами Бунда и „Рабочего Дела", побудил Ленина и следовавшего за ним Плеханова положить в основу строения партийной организации недоверие к тому самому центральному комитету, который они же хотели сделать почти самодержавным—между съездами—вершителем судеб местных организаций. Рядом с центральным комитетом, действующим в России и как предполагалось, заранее склонным черезчур поддаваться местным влияниям, Ленин предложил создать второй центр в виде действующей за границей редакции центрального органа, не только независимой от центрального комитета, но и самостоятельно от него руководящей практической деятельностью местных комитетов. Для согласования же деятельности двух равноправных центров создавался „Совет партии", в качестве высшего ее центра, при чем Ленин предлагал его составить из 3 членов, назначенных редакцией центрального органа, и двух лишь—центральным комитетом. Когда это предложение провалилось, ему удалось провести составление Совета из двух представителей от Ц. К., двух от Ц. О. и пятого, назначенного непосредственно съездом, чем на практике мог быть обеспечен тот же результат — преобладание представителей редакции над представителями Ц. К-та.

Весь этот план у Ленина и шедшей за ним части делегатов опирался на то положение, что при непрочности состава Центрального Комитета в России, подверженного перетасовкам, благодаря постоянным арестам, лишь заграничный центр может обеспечивать устойчивость политического курса партии и что авторитетным для партии центром может быть лишь „исторически-сложившийся" литературный центр, завоевавший себе доверие, как коллектив, своей уже сделанной работой. Согласно этому, одним из первых актов съезда

было принятие резолюции, признававшей громадное значение работы, совершенной „Искрой“ и объявление ее органом партии. Когда же, при выработке устава партийной организации, обнаружились разногласия и выяснилось, что большая часть редакции и сотрудников „Искры“ (П. Аксельрод, В. Засулич, А. Н. Потресов, Л. Мартов, Д. Кольцов, Троцкий) склоняются к точке зрения наиболее влиятельных практиков (Е. Александровой, Вл. Розанова, Е. Левина, В. Крохмаля и др.), требующих известной автономии для местных комитетов и известной свободы действий для центрального комитета в деле применения партийных директив к меняющимся условиям, то Ленин и наиболее крайние из его сторонников прониклись недоверием к самой редакции „Искры“ в роли фактического руководящего центра партии. После того, как в дебатах по отдельным пунктам устава победа доставалась то одной, то другой стороне, и устав в целом не удовлетворил вполне ни одной из них, были сделаны попытки наладить соглашение, сговорившись на определенном составе центрального комитета. Но, чем больше голосованиями съезда устав партии обеспечил центральному комитету некоторую независимость от центрального органа, тем больше „ленинцы“ требовали, чтобы в составе самого Ц. К. преобладали „твердые“ искровцы его толка. Соглашение не состоялось, и тогда Ленин решил произвести целый переворот с точки зрения установившихся среди искровцев представлений об органическом вырастании руководящего идейного центра. Он предложил не утвердить исторически сложившуюся редакцию „Искры“, а произвести новые выборы с устранением из редакции Аксельрода, Засулич и Потресова, чем достигалось преобладание в редакции его и Плеханова, т.-е „твердых“ Это предложение, принятое большинством 24 голосов против 20, взорвало единство партии, только что провозглашенное на съезде. Меньшинство смотрело на него, как на крутой разрыв с традициями искровского периода, и отказалось участвовать в перевороте. Мартов отклонил вступление в новую редакцию, которая осталась недовыбранной на съезде вовсе. При выборах центрального комитета тем же ничтожным большинством был проведен список „твердых“: избраны Г. М. Кржижановский, Ф. Ленгник и Влад. Носков, которым предоставлено кооптировать новых членов. „Меньшевики“, как скоро стали называть оппозицию, отказались

от введения в такой Ц. К. одного или двух своих кандидатов. Наконец, председателем Совета съезд избрал Г. В. Плеханова.

Во время этой борьбы на съезде наиболее принципиальное направление приняли дебаты о первом параграфе устава, определяющем членство партии. Ленин и его сторонники отстаивали такое определение членства партии, при котором оно обнимало бы только активных революционеров, участников нелегальных партийных организаций. При данной структуре партии это вело к оставлению за ее порогом не только массы сочувствующих партии и оказывающих ценное содействие интеллигентов, условиями своей жизни часто поставленных в невозможность вступать в нелегальные группы, но и значительной части рабочих социал-демократов, которые, являясь передаточными звеньями между партийными группами и массой и выполняя чрезвычайно ответственные функции, по соображениям конспирации, предпочитали не входить в районные комитеты и другие нелегальные ячейки. Особенно это относилось к рабочим пожилым, семейным или, благодаря своим выступлениям в роли вождей массы, черезчур известным полиции и фабрикантам. Вот почему оппозиция требовала, чтобы для членства партии, рядом с признанием программы, была достаточна „работа *под контролем* партийной организации“, а не „вступление в организацию“, как требовал Ленин. В дебатах по поводу этих, лишь оттенком мысли отличавшихся, формулировок развернулись далеко расходящиеся точки зрения на самую сущность политической партии рабочего класса. Ленин и Плеханов мыслили ее, как тесное сплочение одних лишь „надежных революционеров“, стремясь исключить из рядов партии всех, лишь частично отдающих партийному делу свои силы, а тем более, только в общем и основном приемлющих принципы партии и еще нуждающихся в политическом классовом воспитании; они упрекали своих противников в стремлении сделать партию союзом, в котором всякого рода „попутчики социализма“, обыватели и случайные революционеры, растворят в себе надежное и идейно-сплоченное ядро. Напротив, будущие „меньшевики“ доказывали, что тенденция Ленина и Плеханова к сужению рамок партии пределами оформленных нелегальных организаций, по существу, антисоциал-демократична, ведет к вырождению партии в союз заговорщиков, к отрыванию от рабочего класса и к политике, не

считающейся с волей действительных передовых элементов рабочего движения. Дебаты кончились победой оппозиции: § 1 устава был принят в редакции Мартова. Значение этого поражения было, однако, для Ленина сведено к нулю принятием остальных пунктов устава, фактически устранявших массу членов партии от всякого влияния на ход партийной политики, поскольку в основу строения местных комитетов были положены самоназначение, самопополнение и пополнение их центральным комитетом; власть же последнего над местными комитетами была установлена почти неограниченной. Но дебаты крайне обострили отношения между фракциями, вскрыв всю остроту разногласий по основному вопросу о взаимоотношении между партией и движением, и тем ускорили раскол, побудив Ленина и группу его единомышленников поставить все на карту, чтобы закрепить за своим течением безраздельную „партийную власть“.

Победа Ленина была облегчена уходом со съезда делегации Бунда, которая в общих вопросах организации поддерживала Аксельрода, Мартова и южан. Поскольку сам Бунд отстаивал самую широкую автономию своей организации, „меньшевики“ готовы были итти навстречу его требованиям, отказываясь от проведения централизации партии в полной мере, лишь бы он сам отказался от перестройки партии на федеративных началах. Но делегация Бунда, связанная решением своего съезда, требовала декларативного признания в уставе, что „Бунд является единственным представителем еврейского пролетариата“, что означало признание, если не обязанности, то желательности того, чтобы все рабочие-евреи, действовавшие в среде своих единоплеменников, вступили в ряды бундовских организаций. Между тем, и в России и в Польше, меньшинство еврейского пролетариата, часто значительное, участвовало в течение многих лет в общем движении, отвергая для себя отдельную национальную организацию, благодаря чему именно в местностях с сильным еврейским рабочим движением (особенно на юге) антагонизм между Бундом и обще-партийной организацией особенно обострился. В то же время признание „Бунда единственным представителем“ еврейских рабочих означало и предрешение всего вопроса о строении партии на началах национальных секций, что при разноплеменном составе российского пролетариата, таило в себе немалые опасности и, прежде всего, опасность укрепления националистских чувств,

на преодолении которых и выросла Р. С.-Д. Р. П. Вот почему с особенной энергией против санкционирования национальных секций выступили представители кавказской социал-демократии, весь политической успех которой, уже в 1901 г. сделавший ее влиятельнейшей политической силой, зиждился на интернациональном составе и характере ее организаций. Требование Бунда, поставленное ультимативно, было отклонено громадным большинством, после чего делегацией Бунда было заявлено об его выходе из Р. С.-Д. Р. П.

Ослабленная этим выходом наиболее сильной и наилучше организованной своей части, партия на второй день оказалась в совершенно расстроенном состоянии, благодаря расколу съезда на две почти равные половины. Меньшинство, сплотившееся на почве оппозиции крайнему централизму, заговорщичеству и диктаторским тенденциям Ленина, хотя и объявило, что будет бороться за торжество своих взглядов в рамках самой партии, но отказалось принимать какое-либо участие в работе центральных учреждений, пока ему не будет обеспечена достаточная свобода для пропаганды этих взглядов. Между тем, победившая фракция именно такой свободы не хотела признать и, взяв в свои руки власть, принялась за „очистку“ местных комитетов от нежелательных элементов, стремясь и в местных партийных центрах обеспечить за собой прочное большинство. Лозунгом этой организационной ломки явилась борьба с „оппортунистами в организационном вопросе“. В свою очередь, меньшевики, укрепившись в ряде южных комитетов (Донской, Харьковский, Киевский, союзы Донецкий и Крымский), сопротивлялись здесь давлению центрального комитета, в других же пунктах апеллировали от местных комитетов к „периферии“, к массе рядовых партийных работников, среди которых идея ослабления бюрократического централизма с развитием партийной самодеятельности организованных масс встречала сочувствие. Вся эта борьба не могла не расстроить всю работу партийного аппарата.

Между тем, партия была поставлена перед чрезвычайно важными событиями. Как раз во время съезда, когда главные ее деятели находились в Лондоне, вспыхнули массовые забастовки в Одессе и в Баку, которые оказались искрами, зажегшими пожар грандиозного классового движения. Возникши, как чисто экономические движения (в Одессе стачка провоцирована была даже зубатовцами „независимой рабочей партии“,

проповедывавшей примирение классов и приспособление к самодержавному строю), эти забастовки, благодаря свирепому подавлению властями и под влиянием агитации социалистических организаций, приняли характер революционных всеобщих стачек с рядом обще-классовых лозунгов (особенно 8-часового рабочего дня) и политических требований. Вскоре всеобщей забастовкой, кроме Одессы и Баку, были охвачены Елизаветград, Николаев, Киев, Керчь, Екатеринослав, Батум, Тифлис, Кутаис, Поти и другие города Закавказья. Частично движение проявилось и в Харькове, а отголосками его были позднее забастовки в Конотопе и Борисоглебске и всеобщая стачка печатников в Москве, положившая начало первому полулегальному профессиональному союзу печатников. В ряде городов (Баку, Батум, Тифлис, станция Михайлово, Киев, Екатеринослав, Николаев, Керчь) пролилась кровь рабочих. Подавление забастовки повсюду происходило в диких формах, а последующие судебные процессы закончились доброй сотней многолетних тюремных приговоров. Во время забастовки, прошедшей без всяких погромных эксцессов, южные и кавказские города стали, подобно Ростову во время забастовки 1907 г., ареной многолюдных уличных митингов, позволивших партийным агитаторам выступать перед самыми широкими массами народа. Самые отсталые слои пролетариата были втянуты в классовую борьбу, и популярность социалистов чрезвычайно возросла. В отдельных отраслях производства рабочими были сделаны, благодаря забастовке, крупные экономические завоевания, но организация их была разбита массовыми арестами и высылками.

Требовалось новое громадное напряжение сил со стороны социал-демократии, чтобы использовать новый подъем движения и направить последнее в надлежащее русло. Расшатывавшая партию внутренняя борьба не давала этому возможности. Все силы партии поглощались этой борьбой, и в течение зимы 1903—1904 гг. в деятельности политической организации наступило затишье.

Организационная борьба достигла крайнего напряжения, когда „большевики“ утратили такое орудие, как центральный орган партии. Его шесть номеров были выпущены под новой редакцией Ленина—Плеханова. Но когда обнаружилась вся глубина партийного раскола и партийное большинство стало в борьбе с оппозицией проявлять во всей силе обнаружив-

шиеся уже на съезде в Лондоне замашки фракционной диктатуры, Г. В. Плеханов попытался остановить развал организации. Это произошло после собравшегося в Женеве съезда заграничной Лиги, на котором большинство оказалось за „меньшевиками“ и который выразил недоверие Ленину, как своему делегату на лондонском съезде. Ленин ответил—от имени центрального комитета — требованием изменить устав Лиги так, чтобы лишить ее всякой автономии и сделать невозможной для нее деятельность в духе оппозиции. На отказ Лиги последовал приказ члена центрального комитета Ф. Ленгника, присутствовавшего на съезде, распустить последний. Лига прошла мимо приказа и продолжала свои работы. Ц. Комитет не решился объявить ее распущенной, на что он и не имел права, и конфликт кончился моральным поражением большевиков. Тогда Плеханов указал Ленину на необходимость соглашения с оппозицией, предложив ему, чтобы редакция, воспользовавшись правом кооптации, восстановила прежний состав коллегии „Искры“. Ленин отказался и, в виду неразрешимого конфликта в редакции и заявления Плеханова, что в противном случае он покинет ее, предпочел сам сложить с себя звание члена редакции. Оставшись один, Г. В. Плеханов пригласил в редакцию П. Аксельрода, В. Засулич, А. Потресова и Л. Мартова, и таким образом „Искра“ с номера 53-го вновь изменила физиономию, став органом меньшевистского направления [1]). Большевики признали этот формально-правильный, с точки зрения устава партии, акт своего рода государственным переворотом, нарушающим волю съезда. В виду организационного значения, которое, по принятому на съезде уставу, приобретала редакция центрального органа, фактически владевшая отныне и высшим центром партии—Советом,—большевики укрепились в центральном комитете, в который был кооптирован Н. Ленин, вместе с рядом других деятелей (Л. Красин, Гальперин, Залкинд-Землячка, Мария Розенберг, военный врач Гусарев). Позднее Ц. К. были введены Дубровинский („Иннокентий“), В. Карпов и А. Любимов. Борьба между редакцией центрального органа и центральным комитетом еще более углубила организационный раскол на местах.

---

[1]) Позднее в редакцию фактически входили также Л. Троцкий, Ф. Дан, А. Мартынов и Д. Кольцов.

В ряде статей и брошюр (отчет Н. Троцкого о лондонском съезде, брошюра Л. Мартова об „осадном положении в Р. С.-Д. Р. П.“), опубликованных меньшевиками, организационное сектантство и опасности крайнего централизма и подчинение партии „духовному ордену“ т. н. „профессиональных революционеров“ были подвергнуты суровой критике, и взгляды того крыла „искровцев“, которое было представлено меньшевиками и к которому теперь примкнул Г. В. Плеханов, были очищены от ряда элементов, представлявших собою плод чрезмерной реакции против тенденции „экономизма“. Более глубокую критику причин и содержания нового партийного кризиса дал П. Б. Аксельрод в статьях, появившихся в №№ 55 и 57 „Искры“, в которых он показал, как в парадоксальной форме опеки непогрешимых „ортодоксальных“ социалистов над рабочим движением, стремящихся иммунизировать его помощью организационных мер от оппортунистической бациллы, скрывается борьба крайнего крыла демократической (якобинской) интеллигенции против классовой самостоятельности пролетариата и стремление его растворить все движение последнего в обще-революционном народном движении, направленном против царизма и по существу мелкобуржуазном, которое идеологи большевизма надеялись направить в русло социалистических стремлений, опираясь на личный авторитет вождей и железную руку заговорщической организации. Анализ, данный большевизму П. Аксельродом, который показал его идеологические корни во всем прошлом русского марксизма, с момента, когда последний стал знаменем крайнего крыла революционно-демократической интеллигенции, подтверждался с каждым новым этапом политического развития России и быть может, никогда не был более актуален, как в наши дни попытки большевизма осуществить в жизни диктатуру трудящихся масс.

На критику меньшевиков большевики, не имевшие своего органа, отвечали преимущественно статьями и письмами в редакцию „Искры“, в которых отстаивали необходимость крайней централизации, как орудия борьбы с подстерегающей рабочее движение опасностью оппортунизма. В этой газетной литературе все резче проскальзывала идея необходимости диктаторского управления партии вождями, которым безусловно доверяет пролетариат. Эта идея была высказана и самим Лениным в одном письме в редакцию „Искры“, где он свое расхождение с Плехановым и с меньшевиками сводит к непониманию его

противниками необходимости вручить подходящему лицу „дирижерскую палочку“, без которой нельзя создать оркестра из многочисленных музыкантов, выполняющих разнообразные роли. Резче идея личной диктатуры была формулирована в помещенном в „Искре“ письме представителей трех уральских комитетов, которые доказывали, что пролетариат тогда лишь подготовится к предстоящей ему классовой диктатуре над обществом, когда он сам пройдет школу железной дисциплины под руководством диктаторов, которые и осуществят эту диктатуру класса. Той же тенденцией проникнута и большая политическая брошюра, в которой Ленин свел счеты с своими критиками („Шаг вперед, два назад“). Здесь организационный централизм и диктатура партийных центров провозглашаются основной гарантией иммунизации рабочего движения от яда оппортунизма. На упреки в извращении социал-демократизма и воскрешении якобинизма Ленин отвечает в том смысле, что якобинец, связанный с пролетарскими массами, и есть современный революционный социал-демократ.

Организационный спор между двумя частями русской социал-демократии привлек к себе внимание и западно-европейских социалистов. К. Каутский и Роза Люксембург высказались об опасности диктаторских и ультра-централистических тенденций в социал-демократической партии, руководящей рабочим движением. Едкая критика Розы Люксембург, устанавливавшей бланкистский уклон политики Ленина вызвала сильное раздражение в большевистских кругах.

ГЛАВА VI.

Русско-японская война и революционный под‘ем,

В таком положении застала Российскую социал-демократию война, вспыхнувшая между Японией и Россией.

„Искра“ немедленно реагировала на начатие военных действий протестом против внешней политики царизма и объявлением самой войны „авантюрой“, вытекшей из династических интересов и соображений внутренней политики царизма, но отнюдь не из жизненных потребностей капиталистического развития. Соответственно этому пониманию, она вскоре уже выступила (особенно в статье Троцкого „Наша военная кам-

пания“) с критикой тех многочисленных партийных комитетов, которые в борьбе с войной сбивались на шаблонное и к политике самодержавной России в данной войне неприменимое объяснение конфликта потребностью капиталистов в внешних рынках. Отвергая эту схематизацию, как ведущую к перенесению политической ответственности с царизма и реакционных групп, его поддерживавших, на все буржуазное общество в целом, Троцкий указывал, что авантюристский и не соответствующий интересам экономического развития характер данной войны неминуемо приведет к обострению противоречий между царизмом и буржуазным обществом и что исходящая из ложных предпосылок агитация социал-демократии лишь привела бы к невозможности для нее сыграть передовую роль в предстоящих революционных событиях.

О том, что данная война, вскрыв внутреннюю гнилость царизма, должна будет довести до острого кризиса раздирающие старый строй противоречия, „Искра“ говорила с первых дней войны. Советуя партийным организациям величайшую осторожность в первое время инсценированного патриотического подъема и вызванных им погромных настроений, она звала готовиться к широкой, методической агитации на почве тех бедствий и противоречий, которые война неминуемо должна вызвать к жизни. Ряд печатавшихся ею прокламаций о войне, посвященных выяснению отдельных сторон ее и конкретизации революционных лозунгов („Война против войны“, „Международный жандарм“ „Для чего должен воевать русский солдат?“ и т. д.), широко перепечатывались местными типографиями и распространялись в массах в громадных количествах.

Выступив против попыток пошатнувшихся в начале войны конституционалистов использовать для целей борьбы с царизмом искусственно вздутые патриотические и милитаристские настроения (кстати сказать, в то время направленные против „коварной“ Англии), „Искра“ выставила центральным лозунгом борьбы против царистской внешней политики—немедленный мир и, как средство достижения его, созыв Учредительного Собрания. В то же время, как только после неудач русской армии в либеральном обществе и революционной среде развились типичные „пораженческие“ настроения—надежды на то, что дальнейший военный разгром добьет царизм почти без новых усилий со стороны нации,—и, в связи с этим, обнаружилось известное „японофильство“ и идеализация роли, которую

в данной войне играл японский империализм. „Искра“ выступила против „пораженчества“, отстаивая заинтересованность народа и революции в том, чтобы война не закончилась возложением на Россию тяжелых жертв и чтобы свобода не была принесена русскому народу на японских штыках.

Необходимость борьбы с этими уклонами оппозиционной и революционной мысли диктовались не одной лишь заботой о поддержании интернациональной солидарности с японскими социалистами, выступившими против хищнической политики правительства Микадо, и с социалистами Западной Европы, прилагавшими усилия к тому, чтобы не дать дальневосточному конфликту перенестись в Европу. Война с Японией чрезвычайно оживила на окраинах России надежды угнетенных национальностей и, благодаря искусной политике агентов японской дипломатии, вызвала в руководивших движениями этих национальностей буржуазных и мелкобуржуазных партиях определенные спекуляции на японскую помощь в их борьбе с царизмом. Очень скоро обрисовалась опасность вовлечения в эти интриги и русских революционных партий.

Лидер финских буржуазных „активистов“—впоследствии глава финляндского правительства в 1905 году—Конни Циллиакус сделал прямые предложения как Г. В. Плеханову, так и заграничным представителям „Бунда“ вступить в переговоры с агентами японского правительства о помощи русской революции деньгами и оружием. Получив должный отпор и указание, что социал-демократия намерена сохранить полную независимость по отношению к военным противникам царского правительства, Циллиакус, как это видно из позднее опубликованных разоблачений охранной полиции, осведомленной весьма недурно об этих интригах, вступил в тесные сношения с различными национально-революционными партиями и в той или иной форме втянул многие из них в круг своей авантюры.

Польская социалистическая партия, в лице своего националистского крыла, позднее образовавшего „революционную фракцию“ или „правица“, открыто исповедывала японофильство, и ее агенты непосредственно и почти гласно вступили в сношения с японским правительством. Грузинские „социалисты-федералисты“ сделали позднее (в 1905 году) попытку обманным образом вовлечь кавказскую социал-демократию в дело получения из-за границы значительной партии оружия для нужд восстания. Как выяснилось впоследствии, эта неудавшаяся

попытка также инспирировалась японскими агентами и оружие доставлялось последними. Это именно оружие, между прочим, частью было направлено при участии Азефа и Гапона в Финляндию на пароходе „Джон Крафтон“, который летом 1905 года затонул в шхерах Ботнического залива.

Меньшевистские центры тем более должны были насторожиться в виду этих попыток сделать русское революционное движение орудием внешней политики японских империалистов. что среди большевистских заграничных кругов „пораженческие“ настроения были не менее сильны, чем в либеральных и националистских. Когда после убийства Плеве возникла идея созыва конференции всех оппозиционных и революционных партий для выработки общего плана действий в борьбе с царизмом, меньшевики, вопреки своему общему признанию желательности координации действий пролетариата с борьбой других классов, решили, в виду того, что инициатива конференции исходила от финских активистов, отказаться от участия в ней. К тому же склонились и остальные независимые соц.-дем. организации (С.-Д. Польши и Литвы, Бунд и Латышская социал-демократия). Совместное заявление об этом отказе, считаясь с невозможностью разоблачать перед лицом царской полиции факты сношения революционных партий с японским правительством, ограничивается лишь глухим указанием на то, что среди участников предполагаемой конференции имеются партии, авантюристски-спекулирующие на победу японского империализма. О самых фактах был составлен на совещании представителей упомянутых партий неподлежавший оглашению протокол.

Концентрируя свою агитацию на вопросах войны, „Искра“ и местные комитеты продолжали борьбу с внутренними противниками—либерализмом, который, как выше указано, в первый период войны пытался ввести освободительное движение в националистическое русло, и с эс-эровским терроризмом, продолжавшим увлекать революционную молодежь и некоторые круги рабочих по мере сгущения реакционного режима Плеве. После убийства последнего (15 июля 1904 года), встреченного в России всеобщим ликованием, позиция социал-демократии стала в этом вопросе особенно трудной. Был момент, когда даже Г. В. Плеханов, давнишний противник террористических методов, поставил в Совете Партии вопрос о соглашении с партией социалистов-революционеров, в которое входило бы

признание террористических актов целесообразными в данных политических условиях. Соглашение было сорвано лишь ультиматумом П. Аксельрода и Мартова, заявивших о том, что они выйдут из состава Совета и будут апелировать к партии. Среди большевистских частей партии террористические симпатии также возрастали. Но, в общем и целом, партия устояла на прежней позиции отрицания террора.

Обострение политической борьбы в России еще болезненнее заставляло ощущать вред, приносимый партии ее внутренними раздорами. Вновь сделаны были попытки достигнуть соглашения. Некоторые влиятельные деятели большевистской фракции вступили в переговоры с меньшевиками в России и за-границей о ликвидации организационного конфликта. В виду упорного отказа Ленина вступить обратно в редакцию „Искры", соглашение намечалось на основе пополнения центрального комитета тремя представителями меньшевиков (Е. Александрова, В. Крохмаль и В. Розанов), созыва периодических совещаний местных деятелей для проведения общерусских „политических кампаний" и прекращения организационной войны местных комитетов с их „периферийми". Переговоры, ведшиеся со стороны большевиков членами ц. к. В. Носковым и В. Дубровинским, привели к соглашению летом 1904 года.

Однако, Ленин, в качестве члена ц. к-та, объявил это соглашение нарушающим волю партийного большинства и призвал последнее к общему восстанию против изменивших революции партийных центров. Образовался „союз комитетов большинства", охвативший преимущественно организации севера и востока, выставивший лозунгом созыв нового партийного съезда и выбравший свое постоянное „бюро", которое стало выступать в качестве политического центра большевистской фракции. Центральный комитет, за которым пошла лишь небольшая часть большевистских организаций, оказался в положении, не много лучшем, чем то, в каком он находился прежде, когда его „бойкотировали" меньшевистские комитеты юга. Меньшевики, входившие в большевистские организации, не пожелали оставаться в этих организациях после их вступления в упомянутый союз и образовали (в Петербурге, Москве, Риге, Нижнем, Одессе) параллельные комитетам „местные группы при центральном комитете". Большевики, кроме ряда политических брошюр, стали издавать в Женеве газету „Вперед", в которой, вместе с Лениным, приняли участие новые

литературные вожди фракции: А. А. Богданов, А. В. Луначарский, М. Ольминский (М. Александров-„Галерка") и др. Последние, не будучи связаны прежними традициями „искровства" и перипетиями первой стадии фракционной борьбы, несколько смягчили централистский и антидемократический фанатизм организационных построений Ленина и в то же время еще более усилили авантюристский характер большевизма в сторону заговорщических планов подготовки восстания и формального радикализма, отвергающего всякую постепенную работу на почве исторически-сложившихся отношений.

На международном социалистическом конгрессе партия была представлена делегацией Совета в составе Г. Плеханова, Л. Дейча, В. Засулич, П. Аксельрода и Ф. Дана. Крайние „экономисты" Петербурга и Воронежа прислали особого делегата В. Махновца-Акимова, а заграничные группы большевиков—П. Красикова и Лядова (М. Мандельштам). Официальная делегация не признала ни того, ни другого представительства. (Бунд, латышские и польские с.-д. были представлены особо). На конгрессе в дебатах об основном вопросе реформизма и участия социалистов в правительстве партийная делегация выступала вместе с левой „ортодоксальной" частью Интернационала, руководимой Бебелем, Гэдом и Каутским.

Наступившая после убийства Плеве „весна" Святополк-Мирского открыла перед политическими партиями новые перспективы широкой агитации. Руководимое конституционалистами и „освобожденцами", земско-городское движение, с требованием политических реформ, прокатилось по всей России. Вставал вопрос: как социал-демократии реагировать на это движение.

Редакция „Искры" в особом письме к организациям разработала план систематической деятельности партии на почве „земской кампании". Основной идеей этого плана, вдохновленного П. Б. Аксельродом, было усилить начавшееся движение буржуазных и мелкобуржуазных слоев общества так, чтобы в процессе его поддержки пролетариат выявил себя на общественной арене, как самостоятельная политическая сила, и организовался, как таковая. По существу, эта идея воспроизводила тот классический образец политически-самостоятельного выступления пролетариата, каким было в 60-х годах в Германии, организованное Лассалем, движение во время разгара борьбы между абсолютизмом и либеральной буржуазией, с той

лишь разницей, что Лассалю приходилось исходить из пролетариата, еще идущего на поводу у буржуазии, в то время, как в России имелись налицо кадры самостоятельного пролетарского движения, созданные десятилетием подпольной работы социал-демократии. Эта разница была учтена редакцией „Искры", но ею же был учтен и тот факт, что самостоятельное выступление рабочих в общенациональном конфликте с собственными политическими лозунгами легко при их политической незрелости могло быть использовано не только для того, чтобы сделать начинающееся, по своему историческому содержанию, революционное движение буржуазии исходным пунктом подлинной национальной революции, сколько для того, чтобы *сорвать его,* напав на него с тылу и отведя энергию нападения на старый режим в русло борьбы с узостью и классовым своекорыстием целей, поставленных себе буржуазией. И лассальянское, и раньше его чартистское движение давали достаточно примеров такого уклона. Поэтому, призывая партию организовывать повсеместно, где только проявится в земских, городских и других общественных собраниях движение в пользу реформ, самостоятельные выступления с требованием, чтобы соответствующие корпорации или съезды внесли в свою программу созыв Учредительного Собрания (вместо „земского собора") на основе всеобщего и равного избирательного права и социальные реформы в демократическом духе, редакция „Искры" предостерегала против того, чтобы такие выступления не вырождались в попытки терроризации, а тем более срыва манифестирующих представителей имущих классов, еще только делающих первые шаги по пути политического самоопределения; чтобы самые выступления, противопоставляя политический радикализм и демократическую последовательность требований выходящего на арену открытой политической борьбы пролетарского авангарда узко-классовому характеру лозунгов буржуазии, в то же время показали народу, что этот авангард, стремясь итти в борьбе с царизмом гораздо дальше имущих классов, на деле готов поддержать всякое серьезное нападение их на твердыни самодержавия.

Атмосфера внутрипартийного кризиса, дошедшего к этому времени до крайнего напряжения, была бы как бы нарочно приспособлена для того, чтобы по частному сравнительно вопросу выявить сразу дотоле скрытые тактические расхождения. Н. Ленин, еще в своей книге „Шаг вперед", не сумевший

для оправдания и объяснения раскола найти другой причины, как „оппортунизм в организационных вопросах“, выводившийся им из недостаточного проникновения части „партийных интеллигентов“ принципами пролетарской дисциплины, теперь получил возможность констатировать глубокую противоположность политических линий между обеими фракциями. В брошюре „Земская кампания и план Искры“ он обвинил меньшевиков в стремлении навязать пролетариату совершенно оппортунистическую политику, которая-де неизбежно отвлечет рабочих от их действительных задач. План, предложенный „Искрой“, рассматривается Лениным, как попытка втиснуть революционное движение пролетариата в русло петиций и обращений к правительству, составлявших форму движения буржуазных либерально-демократических слоев общества. Чутьем заговорщика Ленин схватил проявившуюся в меньшевистских предложениях тенденцию вывести движение из рамок подполья, не знающего иных боевых действий, кроме уличных манифестаций и, более или менее, демонстративных политических забастовок, и открыть перед ним в новой политической обстановке начавшегося развала абсолютизма новые перспективы выступления рабочих масс бок-о-бок с другими общественными классами, подымающимися против царизма. В своем письме редакция „Искры“ указывала, что революционные манифестации 1901—1903 годов, при всем своем агитационном значении, представляли собой на деле лишь столкновение пролетариата с царизмом, а постольку не обогащали сознания демонстрирующих масс соприкосновением с другими общественными слоями, благодаря чему вырабатывали, в сущности, неклассово-пролетарское, а революционно-демократическое сознание. Лишь выступая в движении, захватившем разные классы, частью в роли их союзника против царизма, частью, как сила, противопоставляющая их лозунгам и методам борьбы свои лозунги и методы, рабочий класс воспитается социал-демократически, т.-е. будет одинаково далеко и от слепого следования за буржуазными „национальными вождями“, и примитивного противопоставления себя всем остальным классам, как „одной сплошной реакционной массе“. В этом смысле письмо редакции „Искры“ назвало демонстрации 1901—1903 годов „демонстрациями низшего типа“. Этого слова было достаточно, чтобы взволновать массу большевистских деятелей. Ленин использовал его для того, чтобы внушить читателям, что „Искра“ принижает зна-

чение революционных выступлений против царизма с сопровождающими их вооруженными столкновениями с полицией и казаками и желает уложить все движение в Прокрустово ложе либеральной легальности. С еще большей ядовитостью было использовано предостережение „Искры“ против того, чтобы рабочие не начинали своего участия в „земской кампании“ с *срыва* последней, поскольку либеральная демократия не сразу воспримет предлагаемые ей более радикальные лозунги и более крайние методы действия. В этом предостережении Ленин усмотрел „боязнь напугать либералов“ и свидетельство желания редакции „Искры“ „беречь“ земско-конституционалистское движение ценой политического самоограничения рабочих. Не решаясь, однако, выставить обратный лозунг—„срывания“ либеральных манифестаций,—Ленин утверждал, что подлинная роль рабочего класса заключается в том, чтобы предоставив либералам стучаться в двери абсолютизма с требованием реформ, продолжать боевые выступления хотя бы „против полицейских участков“, усиливая интенсивность, организованность и революционность этих выступлений до тех пор, пока ими и стихийным ходом событий подготовлена будет почва для решительного удара.

Две тактические концепции, таким образом, были противопоставлены друг другу, и борьба двух фракций вышла из сферы чисто-организационных вопросов. С одной стороны, попытка в отсталых общественно-политических условиях России усвоить рабочему движению, в меру возможного, европейские методы самостоятельного политического выступления в каждом конфликте внутри имущего общества, в котором поставлены вопросы общенационального значения, и постепенно вырабатывать из стихийно волнующихся пролетарских масс устойчивую политическую силу, способную к сознательному действию в момент революционного кризиса; с другой — концентрация всех партийных сил на боевом упражнении этих волнующихся масс с тем, чтобы в подходящий момент, используя политическую обстановку, бросить их в генеральное сражение.

Одна тактика учитывала предстоящий постепенный развал царизма и поступательное движение оппозиционных имущих классов к власти, как ряд этапов, способствующих классовому самоопределению пролетариата и формированию из него силы, способной довести начинающуюся революцию до крайних демократических пределов. Другая спекулировала, напротив, на

неоформленность и относительную беспомощность непролетарских классов, как на фактор, который должен позволить крайней революционной партии, опирающейся на возбужденные и в боевой школе организованные массы, одним ударом достигнуть своих политических целей. Все тактические разногласия между меньшевиками и большевиками, развернувшиеся в 1905—1907 годах, заключались в зародыше в этом первом споре о тактике.

„Искра“ не осталась в долгу перед Лениным и от обороны перешла к нападению. Доказывая, что стремление отвлечь движение рабочих масс в сторону от начатой имущими классами борьбы за реформы, объективно означает, именно, предоставление гегемонии в общенациональной борьбе с царизмом имущим классам, „Искра“ предсказывала, что проведение в жизнь тактической линии Ленина осудило бы рабочий класс на ту самую роль физического орудия буржуазной революции, которую он исполнял в свое время в западно-европейских странах, тогда как политические вожди и идеологи буржуазной оппозиции диктовали бы формы ликвидации царизма и основы нового порядка.

В этом споре среди меньшевистской фракции не оказалось полного единодушия. На стороне Ленина оказались Н. Троцкий и примыкавший к меньшевикам Парвус, который в письме к Ленину приветствовал его выступление против оппортунистического плана. В русских же организациях, напротив, идеи письма редакции „Искры“ встретили первоначально сочувствие также и большевиков. В Саратове, Одессе и других городах большевики организовали выступления рабочих на общественных собраниях, в которых либералы и демократы вырабатывали обращения к власти. Лишь под влиянием брошюры Ленина большевистские организации отошли от этого движения. Напротив, меньшевики всюду, где имели возможность, втянули передовые слои в „земское“ и „банкетное“ движения. Правда, нередко при этом происходило именно то, против чего предостерегала „Искра“: стремясь, во что бы то ни стало и возможно скорее, обличить либералов в нежелании расширить рамки выставляемых ими требований, демонстранты иной раз превращали манифестацию против царизма в арену одних лишь взаимных пререканий умеренных революционных элементов и, если не срывали вовсе манифестации, то ослабляли ее агитационное значение. Виною этого, впрочем, была не одна лишь полити-

ческая неопытность местных руководителей движения, но и та доктринерская заскорузлость лидеров либерализма и политическая мягкотелость мелкобуржуазной интеллигенции, которые не позволили им видеть, какую силу движения против царизма придавало начинающееся втягивание в „земскую кампанию“ рабочего класса, и которые зачастую побуждали их принимать „в штыки“ депутации от рабочих, являющиеся на их собрания.

Тем не менее и хотя движение естественно оборвалось, когда „весна“ Святополка кончилась, выступления рабочих оказались не бесплодными. Под их давлением и при их поддержке радикальные элементы интеллигенции двинули общественное движение конца 1904 года за те тесные пределы, в которых его хотели удержать руководители земского съезда 6—9 ноября: во многих местах были приняты пожелания и о 8-часовом рабочем дне, и об аграрной реформе, и о политической амнистии. Самое же главное: требования Учредительного Собрания и всеобщего избирательного права, противопоставленные расплывчатым лозунгам „созыва народных представителей“, приобрели, благодаря этой агитационной кампании, широкую популярность в массах.

Это сказалось со всей силой, когда в недрах организованных Г. Гапоном, с благословения департамента полиции, рабочих обществ возникло революционное движение.

ГЛАВА VII.

От 9 января до 17 октября.

Как это ни странно, но революционные организации столицы проглядели тот рост и, вместе с ростом, то постепенное перерождение основанных Г. Гапоном легальных рабочих организаций, которое уже к началу осени 1904 года сделало их своего рода рабочими клубами, а не простыми лишь обществами взаимопомощи, какими они являлись при своем зарождении. Причиной этого частью было то, что гапоновские „отделы“, в отличие от зубатовских обществ 1902—1903 годов, не вели агрессивной политики против рабочего движения.

Таким образом, события конца декабря 1904 года, когда на почве частного конфликта на Путиловском заводе гапоновское общество начало открыто борьбу с союзом фабрикантов и заводчиков, застали социал-демократию врасплох.

Она могла лишь принять в них посильное участие, выступая на митингах, устраиваемых „гапоновцами“ и используя эти свои выступления для того, чтобы примирить с идеями социал-демократии и с нею самой те рабочие массы, которые Георгием Гапоном были мобилизованы вне и частью против революционной интеллигенции вообще и социал-демократии, в частности. Эта задача ей в значительной степени удалась, благодаря энергии ее агитаторов и самому ходу событий, быстро рассеивавшему реакционные иллюзии масс. Под непосредственным влиянием с.-д. агитации, „гапоновцы“ усваивают отсутствовавшее первоначально в их проектах обращения к царю требование Учредительного Собрания и вводят его в петицию. Сам Георгий Гапон и его ближайшие помощники в последние дни перед 9 января почувствовали потребность сближения с с.-д. агитаторами и имели совещания с некоторыми из „меньшевиков“, действовавших в Невском районе. В шествии 9 января с.-д. агитаторы и организованные рабочие приняли участие, равно, как и в немногих попытках организовать сопротивление после начавшихся расстрелов (ими были, например, захвачены оружейный магазин и типография на Васильевском острове). При этих попытках были убиты некоторые члены партии: М. Бердичевская, К. Архангельский и др.

Более активную и инициативную роль партия сыграла в деле перенесения январьского движения в провинцию. Еще до 9 января всеобщая стачка была начата в *Саратове* по постановлению с.-д. комитета. После 9 января забастовочное движение разлилось по всей России, возникая частью стихийно, под влиянием известий о петербургских событиях, частью по призыву и при организованном воздействии с.-д. организаций. Лучше других организованные „Бунд“, польская и латышская партия и кавказские с.-д. комитеты с самого начала явились инициаторами местных забастовок и манифестаций и организационно руководили ими. С таким же успехом действовала социал-демократия в Сибири, некоторых местах Юга и Поволжья. Под влиянием социал-демократии (отчасти и пережитого петербургским пролетариатом опыта), январское движение в провинции прошло без всяких следов той реакционной романтики, которая его окрашивала в столице.

Наименее заметным влияние социал-демократии в эти дни оказалось в Москве и ее промышленном районе и на Урале. Здесь всего слабее был и отклик масс на 9 января.

Следует особо отметить роль, сыгранную в январских событиях социал-демократией Польши и Литвы. Эта организация в течение десяти лет действовала в общественной среде, насквозь пропитанной национализмом, заражавшим собою и рабочие массы. Выступая в защиту общности интересов и задач польского и русского пролетариата, польские марксисты очень медленно пробивали себе дорогу к рабочим массам, среди которых большим успехом пользовалась „польская социалистическая партия“ (p. p. s.), поставившая в центре агитации национальные задачи польской демократии и противопоставлявшая их политическим задачам русского рабочего класса. С началом японской войны, когда p. p. s., подобно всему польскому национализму, стала базировать свои чаяния на военном разгроме России и дальнейших международных осложнениях, которые позволили бы польской нации возобновить борьбу за национальную независимость, линии p. p. s. и польской социал-демократии, выдвигавшей общие политические требования левых русских партий (демократизация России и автономия Польши), еще более разошлись. Событие 9 января, вызвавшее среди рабочих Варшавы взрыв энтузиастического сочувствия, помогло польским социал-демократам нанести решительный удар сепаратистской традиции: лозунгом всеобщих стачек в Польше стала поддержка требований петербургских рабочих, как требований всего рабочего класса России.

С еще большим блеском роль социал-демократии, как фактора, вносящего единство среди враждебно сталкивающихся национальных стихий, выступила на Кавказе. В течение 6—9 февраля в г. Баку происходили зверские избиения, погромы и убийства армян, производившиеся татарскими фанатиками при установленном впоследствии ревизией сенатора Кузьминского попустительстве местных властей. Город охвачен был паникой. Местные социал-демократы, пользовавшиеся широким влиянием как среди русских рабочих масс, так и среди многочисленной пришлой интеллигенции, а незадолго перед тем (в декабре 1904 г.) проведшие в лице местной „меньшевистской“ организации (так называемая „с.-д. организация балаханских и бибиэйбатских рабочих“) продолжительную всеобщую стачку нефтяных рабочих, взяли на себя инициативу организации всего общества, возмущенного погромными ужасами. Было созвано собрание представителей

рабочих и промышленников, общественных учреждений и политических партий (до 500 человек), на котором единогласно была принята резолюция, обвиняющая власть и существующий режим в совершившихся событиях, призывающая различные народности к об'единению и, как на практическое средство остановки погромного движения, указывающая на непрерывные собрания горожан. Таковые при содействии промышленников и были организованы в виде своеобразного „веча", на котором ораторы различных национальностей вели антинационалистическую агитацию и рассеивали смущавшие темные массы слухи. Та же резолюция признала необходимой политическую забастовку протеста. Промышленники обязались допускать рабочих на эти ежедневные митинги, обещали даже содержать на свои средства постоянных агитаторов крайних партий, уполномоченных следить за настроением масс и происками реакционных агитаторов. Благодаря этим энергичным мерам и произведенному ими впечатлению, в Баку наступило успокоение. Престиж с.-д. возрос среди всех слоев населения.

Ответом правительства на разлившееся по всей стране движение было назначение комиссии сенатора Шидловского, которой, при посредстве выбранных петербургскими рабочими делегатов, было поручено выяснить нужды рабочего класса столицы. Правительство спекулировало на возможность путем этого бюрократического эксперимента вновь разделить пролетариат, объединенный январскими событиями, оторвав те умеренно настроенные элементы, которые так неудачно и так ненадолго были организованы Гапоном. Этих явных намерений правительства было достаточно, чтобы боевые элементы пролетариата отнеслись крайне недоверчиво к комиссии. В рядах петербургской социал-демократии учреждение комиссии встретило различное отношение. В большевистском „комитете", как впоследствии на съезде фракции признал его член Филиппов, „споров не было, что надо бойкотировать комиссию" [1]). Но, как констатировали другие члены того же съезда, Петербургский комитет „прозевал" нужный момент для начала кампании против какого бы то ни было участия рабочих в выборах и начал свою агитацию тогда, когда часть выборщиков была уже избрана рабочими. „Поневоле приходилось агитировать за участие в выборах и отказ в работах комиссии" [2]), и это упущение

[1]) „Третий очередной с'езд Р. с.-д. р. п.", Женева, 1905, стр. 156.
[2]) Ibid., стр. 151 (речь делегата Лескова).

самим Филипповым объясняется тем, что „стремление со стороны рабочих участвовать в выборах было несомненно. Нам предстояло или стоять в стороне от предвыборной агитации, или показать на деле фальшивость и обманчивость“ бюрократической политики. Таким образом, настроение широких масс не складывалось в пользу бойкота выборов, что и вызвало колебания среди „большевиков“ и помешало им сыграть активную роль в этом эпизоде петербургских событий.

„Меньшевики“, напротив, с радостью ухватились за возможность организовать широкие рабочие массы и вступить в тесное общение с ними на почве выборов в комиссию. Поэтому, с самого начала они выступили против „бойкота“ и стали указывать массам на необходимость провести организованно выборы уполномоченных и бороться за право провести эти выборы свободно и независимо от давления администрации и предпринимателей. Заграничная „Искра“ шла дальше и настаивала на том, что эксперимент с комиссией дает социал-демократии удобный случай не только широко вести агитацию, но и положить начало прочному организационному сплочению рабочих. Газета указывала на возможность при помощи сети „уполномоченных“ внести организующее начало в экономическую борьбу и двинуть вперед дело профессионального об'единения. Она советовала провинциальным комитетам повести агитацию за то, чтобы местные рабочие требовали включения в комиссию своих представителей. Кое-где—в Харькове, Одессе—такие требования рабочими отдельных заводов были правительству пред'явлены. Словом, центр тяжести вопроса „Искра“ склонна была видеть в возможности положить начало длительной открытой организации масс вообще и профессиональной организации в особенности.

Эта тенденция „Искры“ шла, однако, в разрез с преобладающими настроениями не только „большевистых“, но и „меньшевистых“ рабочих и массы партийных деятелей. Политически-агитационная точка зрения всецело господствовала среди них—точка зрения использования всякого нового факта общественной жизни для расширения и углубления агитации против падающего режима. Задача организационного закрепления успехов массового движения игнорировалась одними, другими же сплошь и рядом приносилась фактически в жертву агитационной задаче. В этом отношении „меньшевики“, лишь в том,—очень важном, впрочем,—отношении шли впереди „большеви-

ков“, что, далекие от упрощения самых задач политической агитации, они легче „большевиков“ схватывали жизненный нерв возникавших в массе стихийных процессов и без труда усваивали ту конкретную форму, в которую могла вылиться агитация в связи с новыми фактами. Поэтому петербургская меньшевистская „группа“, в состав которой в то время входил ряд видных партийных работников, быстро ориентировалась в положении и отвергнув мысль о „бойкоте“ выборов в комиссию Шидловского, с успехом бросила в массы лозунг организованных переговоров рабочих с сенатором относительно самых условий выбора членов комиссии и ее будущего функционирования. Таким образом, с.-д. агитация естественно заострилась на вопросе о предоставлении рабочим свободы собраний и слова для выборов делегатов, о нестеснении деятельности последних и о их неприкосновенности. В рядем итингов рабочие формулировали соответствующие требования и, выбирая уполномоченных первой степени, давали им соответствующие инструкции. Предъявленный выборщиками Шидловскому ультиматум, содержавший упомянутые требования, был правительством, как известно, отвергнут, и выборщикам оставалось лишь отказаться от избрания членов комиссии. Последняя была „сорвана“, бойкот комиссии фактически осуществлен, несмотря на участие в выборах. Такой ход кампании примирил с нею и „большевиков“, которые приняли участие в выборной агитации. Длительная кампания во всероссийском масштабе, рисовавшаяся „Искре“, таким образом, не осуществилась, но дружные выборы рабочими массами почти исключительно „левых“ уполномоченных, их стойкое выступление с требованиями свободы собраний и неприкосновенности личности, наконец, проведенный меньшевистской группой в собрании уполномоченных манифест, формулировавший мысль о непримиримости интересов пролетариата с существованием абсолютизма, — все это вместе образовало внушительную и яркую политическую манифестацию, оказавшую, несомненно, сильное влияние на развитие самосознания петербургских рабочих масс. В то же время опыт открытой организации массовых выборов в связи с комиссией сыграл свою роль в деле подготовки столичного пролетариата к тем формам организации, из которых в октябре выросли „Советы рабочих депутатов“, а выдвинувшиеся во время этой агитации влиятельные рабочие, по различным причинам стоявшие вне подпольных

партийных организаций (напр., покойный П. А. Злыднев), стали с этого именно времени играть роль важного фактора в с.-д. движении.

Вызванная январьскими событиями, волна экономических забастовок зародила впервые среди широких слоев русского пролетариата мысль о постоянной организации своих сил на профессиональной почве. „Меньшевики", всегда придававшие большое значение развитию зачатков профессиональной организации, а после 9 января стремившиеся использовать все, что могло бы внести организующее начало в взбудораженные массы, обратили внимание на это новое явление.

Возникающие в течение первой половины 1905 года в Петербурге профессиональные союзы работников печатного дела, конторщиков и бухгалтеров, фармацевтов, приказчиков, часовщиков, портных, сапожников—организуются при более или менее деятельном участии отдельных социал-демократов-меньшевиков. 3 мая 1905 года, под впечатлением неудачи, которую потерпела меньшевистская организация в своей попытке вызвать в день 1 мая крупную политическую манифестацию, собрание входивших в эту организацию агитаторов городского района, связывая данную неудачу с недостаточным вниманием, оказывавшимся со стороны партии экономической борьбе, постановляет:

„В виду того, что в настоящее время одна подпольная работа не обеспечивает массе участия в партийной жизни и отчасти ведет к противопоставлению массы, как таковой, партии,—необходимо последней взять в свои руки ведение рабочим классом профессиональной борьбы на легальной почве, строго связывая эту борьбу с с.-д. задачами... Для этой цели партии необходимо не только принять самое деятельное участие в существующих уже профессиональных союзах, кассах и т. п., но и брать на себя инициативу в деле создания таких организаций".

Под влиянием инициаторов этой резолюции [1]), в течение лета 1905 г. „меньшевиками" велась в Петербурге усиленная работа по организации профессиональных союзов, частью действовавших на основе „захватного права".

Первоначальное отношение „большевиков" к профессиональному движению было существенно отличным от того, которое

---

[1]) Сомов-Пескин, Гриневич, наборщик И. Желудков.

было проявлено „меньшевиками“. Стремясь концентрировать силы социал-демократии на активной политической борьбе, которая в этот период представлялась в виде тщательно подготовленных все более активных по форме выступлений, „большевики“ не придавали существенного значения процессу профессионального объединения рабочих масс и ценили его только, как подготовительную школу, через которую отсталые слои пролетариата приходят к политической борьбе. Поскольку же профессиональное движение, не вмещаясь в рамки подполья, стремилось к открытой организации, постольку большевики считали нежелательным активное участие социал-демократии в этом движении, как могущее ослабить боевой характер партийной организации. Поэтому, в своем органе „Вперед“, появившемся в конце 1904 года в Женеве, они, признавая неизбежность и прогрессивность возникающих в массах процессов профессионального объединения, предлагали предоставить организационную инициативу в этом движении „либералам“, т.-е. действующим на легальной арене демократическим элементам. Однако, среди русских практиков-„большевиков“ эта точка зрения не везде встречала полное признание, и они, увлеченные стихийной тягой масс к профессиональной организации, принимали местами активное участие в основании профессиональных союзов.

В течение весны и лета 1905 года в Москве, по инициативе „меньшевиков“, рабочие различных отраслей производства стали объединяться на профессиональной почве.

К сентябрю 1905 года в Москве насчитывается уже 26 более или менее оформленных профессиональных объединений. В Харькове социал-демократы поддерживали стремления прогрессивной части влиятельного „Общества взаимопомощи“ сделать это общество центром боевой профессиональной организации. Им удается увлечь общество на путь открытой поддержки забастовок и отдельных политических оказательств. Еще крупнейшим успехом было решение „Общества“ — единственного в то время легального союза рабочих, независимого от полиции и предпринимателей — взять на себя инициативу Всероссийского профессионального съезда. В различных профессиях Харьковскому с.-д. комитету удалось организовать постоянные выборные „комиссии“, явившиеся общепризнанными центрами стачечной борьбы и, в качестве таковых, во многих случаях санкционированные властями и предпринима-

телями. Эти же комиссии послужили ядрами для начавших организовываться осенью 1905 года открытых профессиональных союзов. В подобном же направлении работали социал-демократы в Нижнем-Новгороде, Саратове и других городах. Во многих местах делались попытки преобразовать и втянуть в классовую борьбу легальные организации взаимопомощи печатников и приказчиков, созданные в свое время под патронатом капиталистов и всегда консервативно настроенные. В Москве удалось придать социалистический характер деятельности некоторых, уцелевших от общего развала, „зубатовских" обществ.

С другой стороны, некоторые комитеты основывали нелегальные партийные профессиональные союзы. Таковы союзы железнодорожников в Москве, Туле, Харькове, печатников в Саратове и т. д. Основанный еще в конце 1903 года в Москве с.-д. союз печатников продолжал работать и в 1905 году.

Вся эта работа социал-демократии в течение 1905 года объясняет в значительной мере тот факт, что после 17 октября профессиональные союзы стали повсюду расти, как грибы после дождя, и в короткое время охватили свыше 200 тысяч рабочих.

Немедленно после 9 января в лагере социал-демократов возникают страстные споры о дальнейшем ходе событий и о соответствующей им тактике самой партии.

Перчатку бросила редакция „Искры". В первом же номере газеты, выпущенном ею после 9 января (№ 84), она пишет: „Какой урок тем утопистам „конспиративной" организации, которые считали возможным во имя привычки к повиновению, помимо формально-организационной дисциплины, механическим рычагом „агентуры" двигать по своему усмотрению миллионную армию рабочего класса". Противопоставляя планам „подготовки" решительной битвы старому режиму идею „развязывания" стихии народного возмущения путем открытой агитации, газета дает технический лозунг: широкие организации— на улицу, к массам!

„Январьская эпопея", говорится в № 85, „сразу создает для нашей работы такой широкий базис, какого у нас еще никогда не было... Чтобы наша работа шла успешно и чтобы „дух Маркса" никогда не отлетал от нее, она должна итти в том же *направлении*, в каком она развивалась последние месяцы. Темп должен быть неизмеримо более быстрым, мас-

штаб практических целей каждого дня уже стал более крупным, но принципы тактики и ее методы остаются теми же самыми... Мобилизацию масс мы... совершаем путем сплочения и организации передовых пролетариев в сознательно „самостоятельно выступающую во всех событиях общественной жизни пролетарскую партию“.

В основе этого и аналогичных рассуждений лежит признание того, что непосредственное практическое руководство выступающими в событиях массами не может и не должно быть обязательной задачей партии и притом партии, втиснутой в рамки нелегальной организации; что партия должна сохранять за собою лишь возможность политического влияния на массы и *политического* руководства их выступлениями. Эта тенденция „Искры“ покоится на убеждении в том, что в наступающих событиях субъектом действия явится отнюдь не один лишь, проникнутый социал-демократизмом, пролетариат, но широкие демократические массы, не могущие быть объединенными одним партийным знаменем. Необходимость для социал-демократии отказаться от официального руководства общенародным движением подсказывалась интересами развития самого движения, как такового, объективно-историческое содержание которого носит не пролетарски классовый, не социалистический, а только буржуазно-демократический характер. „Нелепо молчать о монополии активной роли“ в грядущих выступлениях,—говорится в том же № 85. Эта „монополия“ на активную и руководящую роль в движении представлялась многим социал-демократам неизбежно вытекающей из плохой организованности всех других, кроме социал-демократии, партий, из оторванности буржуазно-демократических групп от народа, из преобладающей роли пролетариата в движении и его сильного тяготения к социалистическому знамени. „Искра“ считала нужным предостерегать от преувеличения силы социал-демократии. „Пусть горячее течет кровь по жилам“, читаем в передовой № 86, „пусть чаще бьется охваченное гневом и радостной надеждой сердце, пусть злобно сжимаются кулаки... Но пусть не кружится голова! Тот не политический деятель, не слуга пролетариата, кто в минуту высокого душевного подъема теряет из вида ту положительную цель, которая ярко светила нам на всем протяжении нашего пути“. Эта цель — буржуазный переворот, демократическое преобразование государственного строя, осуществляемое всеми социально-прогрес-

сивными силами страны при возможно более значительном влиянии на них партии пролетариата. Такая формулировка ближайшей политической цели соответствовала всем традициям русской социал-демократии, программным заявлениям „Группы Освобождения Труда“ и программе принятой на 2-м съезде.

В статье „Врозь итти, вместе бить“, помещенной в № 87 „Искры“ Г. В. Плеханов проводит ту мысль, что тактика, расчитанная на решение политического вопроса путем открытого соизмерения сил, предполагает со стороны руководящей партии сознательное стремление изолировать реакцию и обеспечить, если не сотрудничество, то, по крайней мере, нейтралитет всех потенциально-прогрессивных или только в данный момент оппозиционных групп. „Партия пролетариата может обеспечить себе поддержку прогрессивных элементов „общества“, ни на волос не изменяя самой себе. Нам нужно только на виду у всех ясно и отчетливо поставить свою ближайшую политическую задачу и решительно воздерживаться от тех бестактных выходок, которые принимаются иными за проявления крайнего социалистического радикализма, но на самом деле более всего вредят именно последнему“

Борьба с растущими внутри самой социал-демократии бунтарско-заговорщическими тенденциями сконцентрировалась немедленно после 9 января на вопросе об отношении к так-называемым „частичным выступлениям“ рабочих масс. Импульс, данный петербургскими событиями, вызвал во всех концах России и особенно среди слоев пролетариата, наиболее отсталых, ряд забастовочных движений на экономической почве, естественно переходивших в данных условиях в движения политические. „Искра“ дала по отношению к этим движениям лозунг: „развязывать революцию“, т.-е. способствовать расширению этих частных движений, несмотря на их взаимную некоординированность, как факторов, усиливающих общую дезорганизацию реакционных сил и втягивающих в начатую в столице решительную борьбу новые слои народных масс. „Захват“ волнующимися массами тех прав, в которых растерявшиеся власти не решались им отказывать, указывался, как самый верный при данных условиях метод прочной и широкой организации народа в процессе борьбы за изменение политической структуры страны. Эта, рекомендованная „Искрой“, тактика опиралась на стихийные тенденции самого движения, как в политической, так и в экономической сфере: „захватным“

порядком рабочие крупных городов отвоевали себе некоторую свободу митингов, фабричное представительство и т. д., и тем же порядком с февраля 1905 года крестьянское движение стало ломать исторически сложившиеся аграрные отношения, тогда как на окраинах начала совершаться, рядом с аграрной, „муниципальная революция“. Лозунг „революционного самоуправления“, даваемый при этих условиях „меньшевиками“, верно схватывал общую тенденцию переворота, определявшуюся многообразием общественно-политических условий страны и сравнительно слабой централизованностью политической жизни, и в то же время отвечал задаче развития максимальной активности широких народных масс, которых вековая история отучила от общественной самодеятельности..

Уязвимым пунктом этой тактики являлся сознательный отказ от задачи организационного объединения народных движений, признание такого организационного объединения технически невыполнимым при отсутствии объединяющего государственного центра политической борьбы, при наличных условиях деятельности социалистической партии и при невозможности для последней, поскольку она выполняет определенную идейно-политическую миссию, раствориться в боевом объединении всех активно-руководящих элементов революции. Доверяясь стихии революционного развития, тактика „меньшевиков“ вызывала сомнения относительно того расточения народных сил в частных движениях, которое в их представлениях должно было парализоваться процессом организации „самочинного“ самоуправления, на практике, однако, сильно отстававшего от процесса разрушения старых общественных устоев, благодаря именно слабому развитию в массах навыков к общественной самодеятельности.

Эта слабая сторона единственно возможной для рабочей партии в данных исторических условиях тактики, вызвала не только резкую критику ее со стороны „большевиков“, но и откол от меньшевистского литературного штаба видного его деятеля Н. Троцкого и примыкавшего к меньшевикам Парвуса. Оба эти писателя уже во время спора „Искры“ с большевиками о „земской кампании“ разошлись с меньшевистским органом, усмотрев в его тактических указаниях тенденцию втиснуть развивающееся движение пролетариата в русло, пролагаемое борьбой буржуазной демократии. Толчек, данный событием 9 января, возбудил их к дальнейшему политическому

самоопределению. Парвус подверг критике идею „развязывания“ событий во имя необходимости организовать стихийно-развертывающийся процесс. Взаимоотношение общественных сил — подавляюще - руководящая политическая роль пролетариата, аморфность крестьянства и отсутствие последовательно демократической революционной струи в движении непролетарской городской демократии—делают одну лишь партию пролетариата силой, способной организовать стихийный процесс не только политически, но и технически, подготовив общий штурм, который, благодаря отсутствию на политической сцене серьезных конкурентов, неминуемо ей передаст бразды правления. К тому же выводу пришел и Троцкий в статьях, подобно статье Парвуса, напечатанных в „Искре“. Для Троцкого в России нет общественных сил, которые были бы достаточно могущественны, чтобы, развивая народное движение, в то же время направить ход событий в сторону какой-либо иной развязки, кроме самого радикального разрешения политического кризиса: крестьянство распылено, неспособно к самостоятельной организации и играет роль лишь фактора разрушения; прогрессивные элементы городской демократии вынуждены выбирать между следованием за пролетариатом или поддержкой буржуазного либерализма, являющегося контр-революционным. Если, таким образом, с появлением на политической авансцене пролетариата, задача коренного переворота становится в порядке дня, то и технически после 9 января стихийное движение „масс“, разбитых в уличной манифестации и политической забастовке, „упирается“ вплотную в „решительное выступление“. Поэтому рабочая партия должна сделать это последнее центральным пунктом своей агитации и своей организационной работы.

Неорганизованность и стихийность движения зашевелившихся в городе и деревне широких народных масс являются для обоих рассматриваемых авторов доводом не против возможности в близком будущем успешного решительного выступления, но против предположения, что в последнем может играть руководящую роль какая-нибудь другая общественная сила, рядом с относительно организованным и достигшим значительно большей политической сознательности пролетариатом. Но при таких условиях решительная победа народа над старым режимом должна будет передать политическую власть в руки пролетариата. Парвус и Троцкий делают этот вывод и в дальнейшей полемике по этому вопросу естественно дополняют его

положением о том, что, став у власти, пролетариат ее использует не для совершения только демократического преобразования, но и для превращения последнего в непосредственный пролог коренного преобразования социального. Тем самым оба автора совершенно порывали с официальной программой партии, поскольку сходили с лежащего в ее основе признания неизбежности в России „буржуазной революции“ и поскольку диктатуру пролетариата переводили из программы-максимум в программу-минимум (точнее, отказывались от последней).

Иную постановку вопрос о ближайшем этапе движения приобрел у литераторов „большевистского“ направления. И в их представлениях исходным пунктом, как и у Троцкого и Парвуса, являлся колоссальный скачек вперед, сделанный пролетариатом 9 января, и одним ударом поставивший этот класс значительно впереди всех втянутых в борьбу общественных сил. Воспринятый еще ранее „большевиками“ взгляд на народные движения, как могущие быть всецело управляемыми централизованной конспиративной организацией, диктовал при создавшемся после 9 января положении дел задачи „технической подготовки“ решительного выступления, в котором пролетариат частью прямо поддерживается другими демократическими массами, частью пользуется дезорганизацией защитного механизма старого режима, производимой стихийными движениями этих масс. В отличие от Парвуса и Троцкого, Н. Ленин и другие большевистские идеологи рассматривают эти движения непролетарских масс не как стихийно разрушительный лишь фактор, могущий быть просто, как пассивный объект воздействия, использованным сознательной силой пролетариата. В гораздо большем соответствии с действительной картиной соотношения общественных сил в 1905 году, Ленин и его единомышленники предвидят появление на политической авансцене громадной, по классовому своему характеру мелкобуржуазной, демократии, объединяющей революционные непролетарские элементы города с крестьянскими массами и, именно, поэтому долженствующей в ходе событий стать не простым лишь придатком к пролетарскому движению, как полагали Парвус и Троцкий, а самостоятельной политической силой, налагающей свою определенную печать на характер переворота.

Эта схема отличалась, по сравнению с схемою Парвуса—Троцкого, значительно большей реалистичностью и более глу-

боким проникновением в сущность исторического момента. Она предусматривала то быстрое оформление крестьянского движения и пропитания его интеллигентско-демократическими элементами, которое имело место в течение 1905—1907 гг.: быстрое развитие крестьянского союза, появление трудовой группы, превращение партии с.-р. из технико-заговорщической организации в обширную и влиятельную политическую партию. И, благодаря своей реалистичности, она могла до поры до времени не порывать,—по крайней мере, в субъективном сознании ее авторов, — с теоретической традицией партии, определившей историческое содержание перелома русской жизни, характеристикой его как „буржуазной революции“ Для Н. Ленина именно предстоящее активное и политически самостоятельное выступление мелкобуржуазной демократии является залогом того, что социальное содержание переворота не выйдет за пределы буржуазной европеизации русских общественных отношений; но в то же время это ее активное и политически самостоятельное выступление создает объективную возможность того, чтобы эта европеизация и с ее социальной, и с ее политической стороны совершалась в полной мере и в самых крайних формах; чтобы мелкобуржуазная демократия преодолела сдерживающие влияния имущего либерализма, заинтересованного в компромиссном, „соглашательском“ решении политических и социальных проблем буржуазной революции. Тесный союз пролетариата и мелкобуржуазной демократии и упорная борьба с либеральным движением за полное освобождение демократии из-под его влияния, становятся основным тактическим принципом „большевизма“, раздел политической власти между пролетариатом и крестьянской демократией—вероятным и желательным исходом политического кризиса. Отсюда в рассматриваемый период характерно для „большевиков“ тяготение к сближению с партией социалистов-революционеров и энергичная их борьба против всех слоев буржуазной демократии, не становящихся сразу и решительно на точку зрения коренного политического переворота и являющихся в глазах „большевиков“ политической опорой главного соперника в борьбе за власть—„либерально-монархической буржуазии“. Соответственно этому, большевики выдвигают на первый план в практической деятельности укрепление партийной организации, выделение специальных боевых организаций и вооружение рабочих, обращают особое внимание на агитацию среди воен-

ных, высказываются против массовых экономических движений, возникших после 9 января, как могущих раздробить силы пролетариата и затормозить дело организационной подготовки повсеместного и единовременного решительного выступления. Ими же поднимается вопрос о пересмотре аграрной программы партии, как не могущей удовлетворить подымающиеся крестьянские массы.

Надо, однако, заметить, что на практике деятельность той и другой фракций во многих пунктах складывалась значительно более сходно, чем можно было бы ожидать, судя по резко противоположным тактическим формулам, дававшимся в партийной литературе. Так, задачи вооружения, образования боевых дружин, потребность в которых непосредственно вызывалась необходимостью самообороны против контр-революционных погромщиков—и особенно „военных“ организаций с неменьшей энергией осуществлялись в этот период и меньшевистскими комитетами. Существенное различие было только в понимании той роли, которую партия уделяет этим специфическим организациям. Равным образом, обе фракции с начала 1905 года одинаково энергично распространяют влияние своих организаций за пределы города и усиливают свою деятельность в деревне, до сих пор находившейся под воздействием почти исключительно одних с.-р. В Тверской, Нижегородской, Самарской, Саратовской губерниях, в Белорусском районе, в Малороссии, Херсонской, Таврической губерниях, на Северном Кавказе и в Грузии, а также в Прибалтийском крае с.-д. работа в деревне приобрела значительные размеры. И, если на Кавказе руководимое социал-демократами крестьянское движение развивалось преимущественно, как движение арендаторов, а в Прибалтийском крае и юго-западных губерниях, как движение сельскохозяйственного пролетариата, то в остальных районах социал-демократы обеих фракций, встречаясь с захватным движением типичного русского крестьянства, на практике выходили из рамок программы 1903 года и вели агитацию во имя передачи крестьянству всей земли.

В начале февраля 1905 года на квартире у писателя Леонида Андреева, в Москве, были полицией задержаны почти все члены Ц. К. (ныне умершие Дубровинский и В. Н. Носков, В. Крохмаль, В. Карпов, Е. Александрова, В. Розанов). Оставшиеся на свободе члены комитета, в сознании его слабости и невлиятельности между двух фракций, вступили в пе-

реговоры с „Бюро большинства“ о совместном созыве экстренного съезда. Но право созыва последнего, по уставу партии, принадлежало ее совету (составленному из представителей Ц. К. и редакции партийного органа „Искры“, под председательством Г. В. Плеханова). Совет обязан был созвать съезд при наличности требования со стороны 2/3 правомочных комитетов. „Бюро“ утверждало, что требование со стороны такого большинства имеется. Совет оспаривал это утверждение, ссылаясь на опротестование решений отдельных комитетов со стороны „периферийных“ групп соответствующих местных организаций. При переговорах между советом и Ц. К. первый предложил компромисс—созыв съезда в течение ближайших месяцев с тем, чтобы выборы делегатов производились под контролем агентов совета, как учреждения, в котором представлены сторонники обеих фракций; только этот способ, по мнению совета, мог устранить подозрения в подтасовке съезда. Ц. К., связанный ультимативным требованием „Бюро большинства“, грозившего, в случае отсрочки, созвать съезд от своего имени, отклонил компромисс. Произошел полный разрыв. Совет опубликовал постановление о недействительности созываемого съезда. Ц. К. и фракция большевиков резко выступили против „заграничного“ совета, обвиняя его в узурпации партийной власти.

Меньшевистские комитеты отказались послать делегатов на съезд и, по приглашению редакции „Искры“, делегировали своих представителей на „обще-партийную конференцию“. Съехавшись за границей, меньшевистские делегаты обратились к одновременно (в мае 1905 г.) собравшемуся съезду с предложением слить оба совещания в одну конференцию, решения которой—в отличие от решений, созванных на основе партийного устава съездов, — не имели бы формально обязательной силы. Предложение это большевистскими делегатами было отвергнуто, и их совещание конструировалось в „III съезд партии“.

На этом съезде были представлены организации преимущественно городов северной и центральной России, Урала, Поволжья. Съезд объявил себя законным представительством всей партии, а отрицающие его компетентность группы—стоящими вне партии, пересмотрел устав партии, изменив его в том смысле, что уничтожил учреждение „Совета“, а всю партийную власть сосредоточил в руках центрального коми-

тета, которому всецело была подчинена назначаемая им же редакция центрального органа. „Искра“ была объявлена органом оппортунистическим и лишалась звания центрального органа, а взамен ее постановлено основать орган „Пролетарий“. § 1 старого партийного устава, определявший членство партии, изменен в духе отстаивавшегося Ленинин более узкого определения понятия членства.

В своих тактических решениях большевистский съезд санкционировал совершавшуюся после 9 января эволюцию во взглядах этой части социал-демократии в смысле признания очередной задачей организационную подготовку всеобщего решительного выступления пролетариата во главе всех демократических элементов и в борьбе с „либерально-монархическими“ слоями общества. Целью этого общего выступления признавалось временное завоевание власти и намечались условия вступления с.-д. в центральные органы власти. В дебатах об отношении к движению крестьянства проявились различные оттенки взглядов—от признания необходимости самого тесного союза с крестьянством до опасений, что всякое сближение с крестьянским движением ослабит пролетарский характер партийной деятельности. Съезд остановился на признании своевременным поддержать все стремления крестьян к захвату помещичьей земли. По вопросу о предстоявших бюрократических экспериментах с созывом совещательно-представительного органа, на съезде проявились значительные колебания: доминировала бойкотистская нота, но часть вождей, с Лениным во главе, не решалась связывать фракцию в этом отношении и допускала возможность активного участия в выборах. Определенного решения принято не было.

В отношении к другой части партии, несмотря на участие в его составе некоторых „примиренских“ элементов, съезд занял резко-нетерпимую позицию, отвергнув всякое сближение с нею, как равноправной стороной.

На меньшевистской конференции, представлявшей Петербург, Ригу, Москву, Сормово, Вильну, Смоленск, Николаев, Одессу, Киев, Харьков, Ростов, Донецкий бассейн, Крым, Кавказ и Сибирь, решено было официально констатировать распад партии на две совершенно обособленные части, дабы устранить раз навсегда спорные вопросы о компетенции учреждений, попавших в руки той или иной фракции, и вопрос о восстановлении единства освободить от всех наслоений. С

этой целью конференция постановила признать потерявшим всякое значение совет партии, констатировала, что сама она объединяет лишь часть с.-д. и что „Искра“ не может считаться официальным органом всей партии, а лишь органом ее определенных организаций, и отказалась, подобно „большевистскому“ съезду, назначить „центральный комитет“: взамен последнего она создала „организационный комитет“ [1]), поручив ему вступить в переговоры с большевистской фракцией о восстановлении единства. Этими решениями остался недоволен Г. В. Плеханов, обвинявший конференцию в санкционировании распада партии; в знак протеста он вышел из редакции „Искры“ и до средины 1906 года оставался в стороне от „меньшевиков“.

Конференция высказалась против заговорщических представлений об „организации восстания“ и „захвате власти“ социалистами, подчеркнув, что, если бы внешние обстоятельства навязали пролетариату обладание властью, он вынужден был бы пытаться ее использовать не для демократического лишь, но и социалистического преобразования; установила прогрессивный характер крестьянского движения и обязанность с.-д. поддерживать его захватные тенденции, отметила важное значение создающихся в процессе ломки старого режима „временных неоформленных организаций рабочих“ полулегального характера, как ячеек будущей более широкой классовой организации, и подчеркнула необходимость развивать такие ячейки, призвала к строительству профессиональных союзов и определила условия политических соглашений с буржуазно-демократическими партиями в духе резолюции Староверa 1903 г., но с повышенными требованиями в смысле более значительного минимума демократических гарантий. В области организационной конференция рекомендовала постепенную демократизацию подпольной организации. Однако, принятые ею в этой области постановления не удовлетворили широкие круги партийных рабочих своей нерешительностью и незаконченностью, поскольку не доводили реформы до логического конца — выборности всех местных партийных центров совокупностью членов партийных организаций.

---

[1]) В состав его входили: А. А. Тарасевич, В. Гутовский (Е. Маевский), Гринцер, Л. Хинчук и М. Панин.

Немедленно после съезда и конференции, организационный комитет обратился к „центральному“ с предложением обсудить вопрос о возможности соглашения обеих фракций. Предложение было отвергнуто. Однако, в течение летних месяцев нарастающая политическая волна вынуждала местные организации задуматься о постоянной связи между двумя лагерями. Сначала между местными комитетами, а потом между Ц. К. и О. К. создались федеративные отношения, и осенью 1905 года „федеративные комитеты“ все чаще руководили общими выступлениями.

В течение весны и лета 1905 года деятельность с.-д. организаций получила чрезвычайное развитие в связи с все разраставшимся брожением в широких народных массах. В Петербурге меньшевистская „группа“ пыталась организовать широкое выступление рабочих в день 1 мая, предполагая его в виде уличных манифестаций и заводских митингов, причем рабочим рекомендовалось давать отпор в случае решительных действий со стороны властей. По инициативе группы, организованные рабочие заблаговременно обратились к различным общественным организациям с требованием поддержать предстоящее выступление пролетариата путем предоставления своих помещений под рабочие митинги, выражения солидарности с политическими лозунгами рабочих и направления к администрации требования о непрепятствовании пролетариату манифестировать. Эти обращения имели известный успех; в союзе писателей, где предложения с.-д. встретили отрицательное отношение большинства, произошел на этой почве раскол. Но самая манифестация 1 мая совершенно не удалась, вопреки всем ожиданиям подготовлявших ее „меньшевиков“ (большевистский комитет относился к ней отрицательно): на улицы вышли только сотни организованных рабочих. Массы, очевидно, после январьского столкновения опасались выступать на улицу и, несмотря на то, что находились в состоянии глубокого брожения, выжидали для такого открытого оказательства более благоприятных условий. Эта неудача петербургской организации чрезвычайно красноречиво показала, как неприспособлен нелегальный партийный аппарат к организационному руководству массовыми движениями и даже только к правильному информированию партии о процессах, происходящих в массах. Этот опыт оказал значительное влияние на формирование организационно-тактических взглядов „меньшевиков“

и, в частности, на их отношение к выдвигающейся „большевиками“ задаче организационно-технического руководства надвигающимися событиями.

В провинции 1 мая прошло также тихо. Только в Польше партийные организации вызвали грандиозные массовые манифестации.

Из наиболее крупных проявлений с.-д. деятельности в течение весенних и летних месяцев 1905 года надо упомянуть: 1) руководство крестьянским движением в Гурии и других местах Закавказья, где в это время произошло фактическое отстранение местных властей и введение революционного самоуправления; социал-демократическим организациям приходилось выполнять функции судебных учреждений, органов охраны порядка и т. п. Партия руководила крестьянством в его организованных политических выступлениях в ответ на попытку правительства внести успокоение через посредство объехавшего Гурию либерального бюрократа Крым-Гирея; она же организовала манифестации демократических масс в ответ на устройство наместником совещаний по вопросу о введении на Кавказе земств и руководила всем аграрным движением, принудительно регулировавшим аренды и отменявшим сохранившиеся пережитки крепостного права. Во время произведенной татарами резни в Тифлисе она стала во главе объединившихся для прекращения кровопролития общественных сил и подчинила своему влиянию городское самоуправление. 2) В Баку, продолжая, вместе с другими социалистическими организациями, играть роль фактора, сдерживающего проявления национального фанатизма, с.-д. в лице „Союза бакинских рабочих“, организовала, вопреки бойкотистской агитации большевиков, „дрошакистов“ и соц.-революционеров, участие рабочих масс в созванном в Петербурге нефтепромышленном съезде, на который были посланы делегаты с мандатом защищать, рядом с коренным изменением условий быта промысловых рабочих, определенные политические требования. 3) В начавшемся в мае в Одессе широком забастовочном движении с.-д. организации вскоре явились руководящим центром и сделали попытку придать движению характер политического восстания путем вовлечения в него местных войск и команды прибывшего в Одессу броненосца „Князь Потемкин“, во главе которой стали члены местной „группы“ Кирилл и Фельдман. 4) Самая вспышка на броненосце „Потемкин“, сопровождав-

шаяся присоединением к восставшим команд некоторых других судов, явилась результатом интенсивной агитационной деятельности „Крымского союза“ партии и входившей в его состав организации моряков. Последняя, охватывая десятки матросов на всех боевых единицах черноморского флота, вопреки сдерживающим влияниям „Союза“, лихорадочно подготовляла общее восстание во флоте. Как это обыкновенно бывает с заговорами в военной среде, агитация, питавшаяся недовольством нижних чинов против офицерства и общим падением дисциплины, вызвала такое стихийное движение, овладеть которым было не под силу тайной организации. Обыденное столкновение нижних чинов с офицером на „Кн. Потемкине“ вызвало „бунт“, в результате которого броненосец очутился в руках команды. Тогда находившиеся в ее составе социал-демократы образовали комитет для политического руководства восставшими, чтобы вызвать на черноморском побережье всеобщее движение. Попытка эта не увенчалась, как известно, успехом, но ее агитационное значение было громадно. Еще до того, такая же неожиданная для руководителей движения попытка военного восстания имела место в лагере при Новой Александрии и была подавлена в самом зародыше. Здесь также действовала примыкавшая к с.-д. партии „военно-революционная организация“, член которой с.-д. солдат Буробин был убит во время попытки; остальным удалось скрыться [1]). 5) Массовое забастовочное движение в мае в Иваново-Вознесенске превратилось под руководством местных с.-д. в грандиозную политическую манифестацию, всколыхнувшую отсталый пролетариат этого района и закончившуюся кровавыми столкновениями с войсками. 6) Такое же движение, в виде всеобщей забастовки, в Лодзи в июне, под руководством с.-д. организации, сопровождалось постройкой баррикад и еще большим, чем в Иваново-Вознесенске, кровопролитием. 7) В Нижнем-Новгороде и Сормове в течение всего лета социал-демократия организовала непрерывные массовые политические митинги, с которыми администрация оказалась бессильна бороться и которые создали здесь атмосферу „дней свободы“ еще до октябрьского манифеста. Контр-революционные силы организовали в ответ погромное движение, в свою очередь, вызвав-

---

[1]) Организатором попытки был меньшевик, молодой офицер Овсеенко (Антонов), приобревший такую известность в качестве большевистского лидера в 1917 году.

шее новые революционные демонстрации и давшее толчек организации в сравнительно широких размерах боевых дружин в Сормове. 8) Вообще, в этот период погромное контр-революционное движение дает сильный толчек вооружению социал-демократических масс, в особенности в местах „черты оседлости“, где отряды „самообороны“ становятся довольно внушительной силой. Так, например, перед Троицей, в виду слухов о погроме, слабая партийная группа в Чернигове организовала „самооборону“ в 200 человек, в том числе 45 рабочих-христиан. В Мариуполе около того же времени самооборона насчитывала 100 человек; киевская группа „Бунда“ организовала в „самооборону“ 150 рабочих и 100 студентов; рижская—200 рабочих и 100 интеллигентов; житомирская организация, имевшая „боевой отряд“ из 80 человек, собрала во время погрома для борьбы с громилами 350 человек, кое-как вооруженных; кишиневская организация имела в „самообороне“ 350 человек и т. д. Вызванные преимущественно потребностями самообороны, боевые организации в отдельных местах (Кавказ, Прибалтийский край) начинают играть самостоятельную активную роль (террористические акты на Кавказе, массовое освобождение заключенных из рижской тюрьмы и т. д.).

Указ 6 августа о созыве „Булыгинской“ законосовещательной Думы концентрировал внимание всех партий и общественных организаций на вопросе об отношении к выборам в это учреждение. В то время, как „освобожденцы“ не без колебаний высказались за участие в выборах, в целях проведения оппозиционных кандидатов в Думу, в более левых кругах проявилось определенно бойкотистское настроение, формулированное „Союзом союзов“ В социал-демократической партии это бойкотистское настроение отлилось в лозунг „активного бойкота“ и „срыва“ законсовещательной Думы во имя требования немедленного созыва Учредительного Собрания. В то время, как еще майский съезд большевиков оставил открытым вопрос об участии в выборах в уже провозвещенное законосовещательное учреждение, теперь большевистская фракция энергично агитировала за бойкот, предлагая объявить войну всем общественным элементам, готовым участвовать в выборах; отношение к выборам в Думу должно было резко разграничить два лагеря внутри оппозиции: революционный и „соглашательский“; большевики, согласно своей схеме революционного

развития, стремились на этом именно вопросе сплотить вокруг выкинутого пролетариатом знамени решения политической проблемы вооруженным восстанием все решительно демократические элементы и противопоставить их либерально-демократическим „соглашателям“. Подобно большевикам, решали вопрос и самостоятельные национально-социал-демократические организации. В районе „Бунда“ были случаи разгона предвыборных собраний оппозиционных избирателей рабочими.

Предыдущие тактические споры уже подготовили „меньшевистскую“ часть партии к попыткам в иной форме реагировать на предстоящее политическое событие. Созыв законосовещательной Думы и предвыборный период „меньшевики“ стремились „использовать“ для широкой организации демократических сил и резвития того, что на газетном жаргоне в то время называлось „революционным самоуправлением“ и „захватным правом“—самочинного расширения гражданских вольностей и систематического парализования органов власти. С этой точки зрения, „бойкот“ выборов отвергался: бойкот пассивный, в смысле воздержания,—как сохраняющий распыленное состояние масс; бойкот активный,—как отводящий движение демократических элементов от непосредственной борьбы с реакцией в русло борьбы с обывательской массой, ищущей выхода из кризиса в использовании первой уступки правительства. Во внутренней России „меньшевики“ звали рабочих к образованию агитационных комитетов, к предъявлению собраниям избирателей требований о поддержке лозунга Учредительного Собрания, к попыткам самочинно расширить круг избирателей. На Кавказе, где с.-д. господствовала среди крестьян и мелкой буржуазии и, следовательно, не была исключена из круга избирателей, партия готовилась принять в выборах непосредственное участие.

Редакция „Искры“ выступила решительно против бойкота, доказывая, что пролетариат одинаково критически должен отнестись к обеим тактикам, наметившимся в рядах либерально-демократического блока, охватывающего разнородные элементы—от земцев-конституционалистов до „Союза союзов“ и партии с.-р. Если для либералов участие в выборах есть шаг к возможному „соглашению“, то для левой интеллигенции бойкот есть отказ от борьбы с умеренно-либеральными влияниями на той почве, где впервые в сферу активной политики могут быть втянуты широкие массы народа и преимуще-

ственно крестьянства. Этот отказ объективно означает готовность „левых“ удовлетвориться ролью только крайнего фланга единой оппозиции, своими боевыми действиями лишь дополняющего и подкрепляющего ту основную работу перестройки государственного механизма, которую будет выполнять организующееся на почве выборов и приобревшее на этой почве влияние на массы ядро имущей оппозиции. В противоположность обеим тактикам, пролетариат должен выступить, как самостоятельная политическая сила, поддерживающая всю оппозицию в деле борьбы за свободу выборов, но в то же время требующая права на участие в выборах для себя и стремящаяся подчинить своему влиянию как слагающиеся в ходе выборов коллегии уполномоченных и выборщиков, которые могли бы, подобно избирательным коллегиям 1789 года во Франции, стать центрами народного движения, так и самую Думу, если она будет избрана и завоевана оппозицией. В статье П. Б. Аксельрода („Народная Дума и рабочий съезд“) развивался план всесторонней работы в указанном направлении, кульминационными пунктами которой, в случае ее полного успеха, явились бы, с одной стороны, самочинный созыв собрания, избранного всем народом и противопоставленного олигархической Думе, с другой—организация всероссийского рабочего съезда, подготовленного самодеятельным участием рабочих в выборной кампании и залагающего основы открытой классовой рабочей партии, в которой растворились бы выросшие в конспиративных рамках и интеллигентские по своему составу фракции-секты [1]).

На состоявшейся конференции представителей центров всех организованных, как отдельные фракции, частей социалдемократии (Ц. К., О. К., центральные учреждения латышской, польской и украинской партий и „Бунда“) тактика бойкота была санкционирована всеми делегатами, кроме делегатов организационного комитета, внесших особое мнение в пользу участия в выборах.

Сторонники „бойкота“ расчитывали, что предварительная агитация против булыгинской Думы позволит социалистическим партиям подготовить народные массы к новому общему

---

[1]) Развитый *Парвусом* в „Искре“ же план с.-д. участия в выборах, основанного на соглашениях с законными цензовыми избирателями о проведении определенных социалистических кандидатур, сочувствия среди меньшевиков не встретил.

решительному выступлению в момент, когда начнутся выборы в Думу. В виду этого, среди „бойкотистов“ наблюдалась тенденция удержать массы, в ожидании этого момента, от открытых выступлений. В Петербурге „большевистская“ организация пыталась (см. корреспонденции в женевском „Пролетарии“) задержать обозначившееся в октябре движение на заводах, вызванное московскими событиями и началом стачки железнодорожников, убеждая массы в том, что было бы рациональнее отложить политическую забастовку до выборов в Думу.

Но события шли более быстрым темпом. Тактический спор о „бойкоте“ не успел затронуть массы, когда перед ними открылась возможность в новой форме проявить свое растущее стремление к политическим действиям.

Правительство открыло двери высших учебных заведений, обещав им автономию и приглашая давно уже бастовавшее студенчество возобновить занятия. Носившаяся в воздухе идея „бойкота“ подсказывала студентам отказ от прекращения забастовки в виду политического ее характера и в целях подчеркнуть солидарность с политическими требованиями демократии. Революционные организации первоначально также склонялись к тому, чтобы призывать студентов к „бойкоту автономии“. Против этого выступила „Искра“, указавшая, что изменение политической обстановки превращает бойкот в фактор застоя общественного движения, тогда, как прекращение академической забастовки может, напротив, сильно подвинуть его вперед. Следует только продолжать в „автономных“ учебных заведениях, опираясь на автономию, борьбу, целям которой до сих пор служила забастовка.

Для этого студенчество должно быть призвано социал-демократией к тому, чтобы „открыть залы университетов для народа“, предоставить рабочим и городской демократии помещения для митингов и тем содействовать мобилизации и организации распыленных сил демократии.

В момент, когда пассивная забастовка значительно утомила студенческие массы и грозила пойти на убыль при непримиримости студенческого авангарда, эта идея [1]), развитая „Искрой“ и поддержанная „меньшевиками“ в России, счастливо откры-

---

[1]) Инициатива ее принадлежала В. И. Засулич, а план разработан Ф. Даном.

вала исход жаждущим дальнейшей борьбы элементам учащейся молодежи и, вместе с тем, указывала народным массам новые точки приложения для организации своих сил и оформления своей политической борьбы. „Бойкот“ учебных заведений, еще поддерживавшийся с.-р., был отвергнут. „Большевики“ и солидарная с ними в вопросе о бойкоте Думы часть социал-демократии после колебаний присоединились к новому лозунгу. Превращение аудиторий высших учебных заведений в своего рода народные политические клубы придало новый широкий размах движению и, когда в октябре началась железнодорожная забастовка, эти аудитории стали центрами воздействия на зашевелившиеся массы.

Некоторые цифры — далеко неполные, ибо регистрация партийной работы в условиях подполья никогда не могла вестись систематически—могут дать представление о размерах агитационной деятельности социал-демократии в течение года, предшествовавшего октябрьским событиям.

Выходивший за границей орган „Искра“ (ежедвухнедельно, а одно время—еженедельно) печатался в 10—15 тысячах экземплярах и отдельные №№ его перепечатывались в России, что, в виду объема газеты, само уже свидетельствовало о сравнительно высоком развитии организационной техники. Кроме „Искры“, меньшевики с конца 1904 года выпускали, за границей же, популярно-пропагандистский „Социал-Демократ“ Большевики имели органом „Вперед“ и позднее „Пролетарий“— оба за границей; с лета 1905 года их Ц. К. стал выпускать в России орган „Рабочий“. На юге меньшевиками (Одесской группой) выпускалось „Пролетарское Дело“, в Тифлисе (на грузинском языке) — „Борьба Пролетариата“, ряд других местных органов издавался обеими фракциями, а украинская „Спілка“, входившая в состав Р. С.-Д. Р П., издавала (по-украински) „Правду“ Центральный орган „Бунда“, выходивший в России („Arbeiterstimme“) весьма регулярно, дополнялся местными периодическими листками и выходившими за границей „Judischer Arbeiter“ и „Последние Известия“ (по-русски). Центральные органы латышской („Zihna“) и польской с.-д. („Czerwony Sztandar“) выходили также регулярно. Во второй половине 1905 года социал-демократам удается кое-где взять в свои руки органы легальной печати, в которых, конечно, точка зрения партии могла проводиться лишь неполно („Южный Курьер“ в Керчи, „Коммерческая Газета“

в Одессе, „Северо-Западный Край“ в Минске, журнал „Правда“ в Москве). Одновременно по инициативе частных лиц возникают издательства („Молот“ Алексеевой, „Буревестник“ и др.), выпускающие на рынок в значительных количествах дотоле запрещенные переводные брошюры из библиотеки научного социализма. Издательство Парамонова в Ростове на-Дону также выпустило множество с.-д. брошюр, распространявшихся в значительном числе экземпляров.

С начала войны редакция „Искры“ периодически выпускала прокламации, посвященные текущим событиям политики, более или менее непосредственно связанных с войной. Перепечатка этих прокламаций типографиями местных комитетов централизовала эту главную форму партийного воздействия на массы. Некоторые воззвания „Искры“ были переиздаваемы в десятках мест в 100—200 тысячах экземпляров и более.

За январь 1905 года местными организациями было выпущено:

Киевским комитетом	26	лист.	70.000	экз.
Одесской группой	23	„	80.000	„
Севастопольской организацией	23	„	16.410	„
Симферопольск. организацией	23	„	17.000	„
Томским комитетом	23	„	11.000	„

За январь и февраль:

Астраханским комитетом	—	лист.	15.150	экз.
Казанским комитетом	40	»	27.810	»
Северным комитетом	6	»	28.000	»

За январь—апрель:

Рыбинской группой	—	»	37.960	»
Комитетом Крымского союза	19	»	232.000	»
Армавирской группой	18	»	7.690	»
Киевским комитетом	24	»	103.600	»

За 3 месяца (декабрь 1904, февраль и апрель 1905 гг.):

Бакинским комитетом	55	»	176.000	»

За апрель—июнь:

Мариупольской группой	—	»	17.645	»
Комитетом Донецкого союза	11	»	69.080	»

За март:				
Самарским комитетом	6	лист.	28.000	экз.
За февраль—апрель:				
Тверским комитетом.	23	»	70.000	»
За май:				
Московским комитетом	—	»	84.020	»
Одесским комитетом.	23	»	28.340	»
Северным комитетом	8	»	39.500	»
Астраханским комитетом	11	»	13.160	»
К 1 мая:				
Центр. комитетом «Бунда»	—	»	130.000	»
За июнь:				
Одесской группой	23	»	28.340	»
За полугодие 1 января—1 июня:				
Северным бюро при центр. ком. . . .	22	»	50.000	»
Союзом комит. Кавказа	7	»	91.000	»
За июль:				
Рижским комитетом	8	»	48.000	»
Самарским комитетом.	7	»	35.600	»
Московским комитетом.	7	»	56.810	»
Тульским комитетом.	6	»	9.650	»
Ярославским комитетом	3	»	40.000	»
За май—июль:				
Комитетом Крымского союза	27	»	209.000	»

и т. д., и т. д.

Из этих, в достаточной мере случайно выбранных, данных видно, что партийная агитация выражалась *миллионами* прокламаций, распространявшимися в народных массах. Такие комитеты, как комитет Крымского союза, комитет Донецкого союза, Екатеринославский, Киевский, Бакинский, Московский, Кубанский, Тифлисский, группы Петербургская и Одесская, Сибирский союз, центральные комитеты „Бунда“ и латышские партии и др. выпускали регулярно из месяца в месяц десятки тысяч воззваний всякого рода.

Такими же, по необходимости отрывочными и неполными, данными может быть охарактеризована организационная сторона деятельности с.-д. партии по *бюджетам* ее организаций. По этим цифрам можно составить себе некоторое представление о размахе партийной работы, если принять во внимание ее подпольный, конспиративный характер.

Если мы возьмем „большевистскую“ часть с.-д., то для сильнейшего из местных комитетов— *Московского* — за 1-е полугодие 1905 года средняя цифра ежемесячного прихода равнялась 4.243 р. 14 к. *Петербургский* комитет за третью треть января 1905 г. собрал 4.001 р. 50 к. (+1.111 р. 83 к. на помощь стачкам); за половину июля —1.610 р.; *Бакинский* комитет в течение зимы 1904—1905 гг. имел средний ежемесячный приход 1.184 р. 88 к. Бюджет остальных комитетов был значительно более скромный: *Казанский* комитет—414 р. 16 к., *Ярославская* группа—261 р. 37 к., *Тульский* комитет—104 р. 10 к., *Самарский*—361 р. 92 к., *Костромская* группа—394 р. 61 к., *Тверской*—279 р. 57 к., *Борисоглебская* группа—95 р. 46 к., *Либавская* группа—136 р. 24 к., *Вологодская*—45 р. 70 к. и т. д.

В „меньшевистской“ части партии выделялись по значительности бюджета: *Петербургская* группа, которая за первые 4½ месяца 1905 г. насчитывала в приходе 9.045 р. 50 к. (в среднем в месяц 2.010 р. 11 к.) и собрала в стачечный фонд 11.580 р. 72 к., *Одесская* группа имела в среднем за период лета 1905 г. ежемесячно 1.722 р. 2 к., *Батумский* комитет, за первое полугодие 1905 г.,—ежемесячно 923 р. 78 к., комитет *Сибирского* союза за то же время—1.248 р. 75 к., *Киевский* — ежемесячно 1.414 р. 71 к., комитет *Крымского* союза—459 р. 38 к., *Рижская* группа—429 р. 22 к., *Донской* комитет—531 р. 75 к. *Астраханский* —660 р. 68 к., *Иркутский*— 570 р. 41 к., *Воронежский*— 261 р. 37 к., комитет *Донецкого* союза—216 р. 85 к., *Мариупольская* группа—147 р. 55 к., *Черниговская*—117 р. 01 к., *Томский* комитет—152 р. 73 к., *Прикамская* группа—91 р. 15 к. и т. д. Бюджет центрального учреждения этой части партии („Орг. ком.“) составлял от 2 до 3 тыс. руб. ежемесячно.

Центральный комитет *„Бунда“* за 10 месяцев (с 1 октября 1904 г. по 1 августа 1905 года) собрал 26.380 руб. Из местных организаций „Бунда“ имели приходный бюджет (в среднем на 1 месяц) комитеты: *Варшавский*—1.240 р. 25 к., *Лодзин-*

ский 964 р. 31 к., *Ковенский*—295 р. 04 к., *Гродненский*—315 р. 99 к., *Киевская* группа—1.284 р. 33 к., *Могилевский* комитет—256 р. 42 к., *Гомельский*—214 р. 41 к., *Бобруйская* организация—184 р. 58 к., *Либавская* организация — 188 р. 33 к., *Кишиневская*—285 р. 66 к., *Белостокская*—170 р. 58 к., *Житомирская*—182 р. 60 к., *Сувалкская*—141 р. 87 к., *Прилукская*—228 р. 10 к. *Ровенская*—227 р. 55 к., *Невельская*—120 р., *Пинская*—149 р., *Борисовская*—100 р., *Поневежская*—91 р. 10 к. и т. д. Заграничный комитет „Бунда" за 1904 год собрал 65.458 франков.

В бюждете организаций *членские взносы*, хотя бы и не регулярные, играли совершенно незначительную роль. Так, например, в отчете *Бакинского* комитета за февраль 1905 г. из 1.382 р. 86 к. прихода, „от рабочих" поступило всего 38 р. 93 к. (около 3%); в отчете *Рижской* группы за август 1905 г. из 558 р. 79 к. прихода на рубрику „от рабочих" приходится 143 р. 47 к. (22%); вдвое больший % (44) эта рубрика занимает в кассовом отчете *Форштатского* района той же группы. В отчете *Севастопольского* комитета членские взносы дают 14%, *Мариупольской* группы—33%; более значительный процент находим в пределах, собственно, русской части с.-д. лишь у *Иваново-Вознесенской* организации (53%). Более благоприятное отношение встречается в организациях „Бунда", латышских и кавказских (в Грузии). В *Лодзинской* организации „Бунда" 50% дохода составляли членские взносы, а бюджеты небольших групп „Бунда" в уездных городах и местечках, не превышавшие обыкновенно 30—50 р. в месяц, почти целиком составлялись из членских взносов.

Ничтожная—особенно в крупных городах—доля членских взносов от рабочих бросает известный свет на характер и структуру организаций с.-д. партии. В течение всего 1905 года в печати не перестает обсуждаться вопрос о слабости партийных организаций и невозможности укрепить ее на прочном базисе. Полицейские преследования, делающие невозможными большие собрания, вынуждают создавать множество мелких групп для того, чтобы организационно охватить всю массу примыкающих к партии рабочих. Получается крайне громоздкая, разветвленная и иерархически-расчлененная организация, которой крайне трудно руководить из одного центра и через все этажи которой почти невозможно проводить. обсуждение встающих перед партией проблем. Благодаря этому, нижние ячейки организации хиреют, их деятельность не удовлетворяет более зрелую часть

рабочих и они отходят в сторону от организации. В таких городах, как Петербург, где в течение 1905 года фактически открылась возможность активной деятельности на широкой арене (митинги, профессиональные союзы, делегатские организации на заводах и т. д.), в партийной организации остаются лишь рабочие-„профессионалы“, выполняющие центральные организаторские функции, и рабочая молодежь, вступающая в партийные кружки в целях саморазвития. Более зрелый политически слой рабочих остается формально вне организации или только числится в нем, что самым отрицательным образом отражается на связи организации и ее центров с массами. В то же время массовый прилив интеллигенции к партии, при большей приспособленности форм ее организации к условиям быта интеллигентов, по сравнению с рабочими (больший досуг и возможность затрачивать значительное количество времени на „конспирацию“, жизнь в центральных частях города, более благоприятных для ускользания от надзора), делает то, что все верхние ячейки организации, живущие более полной организационной жизнью и сохраняющие более устойчивый характер, заполняются именно интеллигенцией, что, в свою очередь, питает психологическую их оторванность от массового движения. Отсюда — непрерывающиеся конфликты и трения между „центрами“ и „периферией“ и растущий антагонизм между рабочими и „интеллигенцией“, частью осложняющие фракционную борьбу, частью дающие содержание ей, поскольку „меньшевизм“ связал свою критику бланкистско-заговорщицких тенденций другого крыла с отрицанием „интеллигентской гегемонии“ в партии и исторически сложившихся форм ее организации. Эти трения и конфликты, часто вызывающие местные расколы, в свою очередь, парализовали рост и укрепление организации и усиливали текучий ее характер.

9 января, показавшее в действии громадную рабочую организацию, управляемую одним, посторонним пролетариату, человеком, рядом с которым, однако, стояли десятки влиятельных рабочих, сильно обострило тенденцию рабочих членов партии к последовательному проведению в жизнь принципов организационного демократизма. Но партийная организация оказала этой тенденции упорное и успешное противодействие. Ее к этому побуждал непреодолимый фактор — необходимость конспирации. Чем шире раздвигались под влиянием массового

подъема, рамки организации, тем доступнее становились ее нижние ячейки для сомнительных или просто малоизвестных верхам организации элементов. И поскольку эти верхи исторически сложились в виде особого интеллигентского мирка, внутренне спаянного общими бытовыми условиями, тесным взаимным знакомством и вытекающим отсюда взаимным доверием, — постольку в отношении к внешнему для него миру этот тесный мирок фатально должен был обнаруживать крайнее недоверие и крайнюю осторожность, побуждавшие его, во имя организационного самосохранения, оставлять в своих руках безапелляционный контроль за притекающими к организации новыми,—следовательно, преимущественно рабочими,—элементами. У „большевиков" эта тенденция, в соответствии с их общим мировоззрением, мотивировалась интересами охранения принципиальной чистоты и боевой способности организации и не могла вызывать острого недовольства в ее низах, ибо тяготевшие к ним элементы пролетариата сами были настроены соответствующим образом и отсутствие действительного организационного демократизма воспринимали, как необходимую оборотную сторону той „строго-выдержанной" партии—боевой руководительницы движения, идеал которой они себе усвоили [1]. У меньшевиков же, выдвинувших принцип доверия к классовому движению и подчеркивавших факт исторически сложившейся организационной и духовной опеки революционной интеллигенции над рабочими, это, навязываемое внешними условиями, противодействие всесторонней демократизации организационного аппарата, вызывало острое противоречие между принципом и практикой и порождало постоянное недовольство рабочей „периферии". Некоторые представители последней — Бойков („Кузнец"), Драханов и другие на юге, И. Желудков в Петербурге—пытались изменить это положение, организуя рабочую „оппозицию" для того, чтобы добиться коренной организационной реформы. На меньшевистской конференции в апреле 1905 года вопрос об этой реформе был поставлен, но состоявшее из интеллигентов большинство делегатов сочло возможным лишь провозгласить полный демократизм организации

---

[1]) До тех пор, пока окончательная организационная размежевка на местах между обеими фракциями не произошла, борьба против антидемократического строя организации приводила к отколу от большевистских комитетов их организационной „периферии" и присоединению их к „меньшевикам".

конечной целью организационной реформы, в качестве же ближайшего, теперь же осуществимого, ее этапа установить выборность городских комитетов ближайшей к ним низшей организационной ячейкой — совокупностью районных комитетов, которые уже сами пополняются на основе не выборного начала, а кооптации. Так как в крупных центрах движения зачастую эти районные комитеты сами в значительной мере (хотя и меньше, чем городские комитеты) были интеллигентскими по составу, то эта реформа далеко не удовлетворила рабочих и трения на почве требований полной реорганизации не прекращались.

Меньшевистская литература, в свою очередь, считаясь с теми организационными противоречиями, которые были заложены в строении партии ее интеллигентским происхождением и питались конспиративными условиями ее существования, указывала рабочим на необходимость подняться над вопросом об юридических нормах, регулирующих организационную жизнь, и искать решения задачи в коренной реформе самой тактики социал-демократии, в ее приближении к массовому движению и полном освобождении от заговорщических традиций и тенденций, а, вместе с тем, и в принципиальном изменении отношения партии к складывающимся рядом с нею иного рода организационным образованиям (профессиональные союзы, различные „неоформленные организации“, стачечные комитеты и т. д.). Эта постановка вопроса обосновывалась в статьях П. Б. Аксельрода, А. Н. Потресова и других сотрудников „Искры“; на меньшевистской конференции она нашла свое выражение в практических резолюциях о „неоформленных организациях“ и профессиональных союзах и лежала в основании деятельности „меньшевиков“ в октябрьские дни, когда ими была удачно разрешена задача образования „Советов рабочих депутатов“

В менее крупных центрах, где не так часто организации подвергались внешним потрясениям и где задача организационного сплочения партийных элементов, благодаря меньшему размаху работы, была сама по себе легче, этот организационный кризис чувствовался не так остро. В Грузии, Прибалтийском крае и районе „Бунда“ положение дел, вообще, было иным, благодаря иным бытовым условиям и менее „интеллигентскому“ составу организаций. Здесь местные организации носили более массовый, прочный и стройный характер.

При таких условиях определение реальной силы партии, как организованного целого, весьма затруднительно. Данные о количественном составе отдельных организаций, встречающиеся в литературе, часто противоречивы и субъективно окрашены. Принимая в расчет только более надежные из этих данных, мы получим такую картину организованных сил партии (очень приблизительную).

На *Севере*. — В *Петербурге* в течение первой половины 1905 года безусловно сильнейшей из с.-д. организаций была меньшевистская „группа", насчитывавшая от 1.200 до 1.300 организованных рабочих. Большевистский комитет объединял несколько сот рабочих. Ко времени октябрьской забастовки обе организации, повидимому, сравнялись в силах. К каждой из них примыкали многочисленные кружки „интеллигентов", выполнявших пропагандистские и технические функции, и еще более многочисленные организации учащихся во всех высших учебных заведениях. В *Риге* также имелись две организации Р. С.-Д. Р. П., „большевистский" комитет и „меньшевистская" группа; каждая имела за собой около 300 организованных рабочих. Кроме того, имелись организации в *Ревеле*, *Нарве*, *Либаве*, *Пскове*, *Великих-Луках* (65 человек), *Новгороде*, *Вологде*, *Архангельске*.

В *Центральном* промышленном районе.—В *Москве* комитет большевистский) с несколькими стами организованных рабочих и более слабая меньшевистская „группа". В *Иваново-Вознесенске* комитет с 600 организованными рабочими (больш.), *Костромской* к-т — 150 орган. раб. и 200 учащихся (больш.), *Ярославский* — 100 орган. раб. и 100 учащихся (больш.), *Тверской*—100 орган. раб. (больш.), *Тульский* к-т около 100 раб. (больш.), *Калужский*—300 орган. раб. в городе и губернии (меньш.), *Нижегородский* к-т около 400 орган. раб. (больш.), *Сормовская* организация (меньш.) при основании в начале 1905 года имела 60 организованных рабочих, но в течение лета во много раз выросла: *Нижегородская группа* (меньш.). Кроме того, группы в Вышнем-Волочке (60), многих селах Тверского и Новоржевского уездов, Рыбинске, Ростове (Ярославском), Кинешме, Кохме (30 чел.), Шуе (30 чел.), Тейкове, Середе (30 чел.), Вичуге, Орехове-Зуеве, Богородске, Коломне (100 чел.), Кимрах, Егорьевске, Серпухове, Васильсурске и селах Нижегородской губернии. В большинстве группы эти примыкали к большевистской фракции.

В *Центральном* черноземном районе.—2 организации (обеих фракций) в *Воронеже*, организации в Брянске (100), Борисоглебске (100), Тамбове (40), Орле, Пензе, Симбирске. Большинство групп—большевистской фракции.

В *Северо-Западном* районе. — Группы в Вильне (200 орг. раб.), Сморгони (175), Минске (200 раб. и 150 учащихся), Бобруйске (75), Витебске (200), Двинске (300), Копысе (120), Гомеле, Могилеве, губ., и еще 9 пунктах Полесского края, в Смоленске, Рославле, Невеле (35), Велиже (25) и различных сельских районах Минской и Витебской губерний. Большинство групп — меньшевистской фракции. К последней же примыкала военная организация в Польше, в солдатских кружках которой находилось несколько сот человек.

На *Юге*. — Киевский комитет (500 организованных рабочих), Уманьская организация (150), Кременчуг (300). Полтавский (400), Харьковский комитет (300), Курская группа (120), Николаевский (200), Одесский комитет (больш. — 300 чел.), Одесская группа (меньш.—700 орган.), Екатеринославский комитет (около 1 000 орг. раб.), Александровская группа (250), Каменская группа (250), Донской комитет (300 чел.), Кишиневская организация (200 чел.), *Крымский союз* с организациями в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте, Евпатории, Керчи, Бердянске, Мелитополе (около 1.000 орган. раб. и несколько сот матросов), *Донецкий* союз с организациями в Юзове, Луганске, Петровске (30 чел.), Енакиеве (40), Бахмуте (50), Константиновке, Юрьеве и др. пунктах (около 300 чел. сверх того, группы в Чернигове, Конотопе, Новозыбкове, Стародубе, Бердичеве, Житомире, Елизаветграде, Херсоне, Ромнах, Лубнах, Новомосковске, Новочеркасске, Таганроге и пр. У „большевиков" имелись небольшие сепаратные организации в Ростове на-Дону, Екатеринославе, Киеве и Харькове. Значительное большинство южных организаций примыкало к меньшевистской фракции.

На *Востоке России*.—Казанский комитет, Самарский, Саратовский, Астраханский, Камышинская организация, группы в Вольске, Царицыне, Уфимский комитет, Златоустовская группа, Вятская группа (40 орган. раб. и 125 учащихся), крестьянские группы в Самарской, Саратовской и Вятской губерниях, Прикамская организация, Пермский комитет, Екатеринбургский комитет и организации на некоторых уральских заводах. В большинстве организаций преобладали „большевики".

На *Кавказе.* — Комитеты и организации: в Новороссийске (435 орган.), Ейске (20), Тихорецкой (20), Ставрополе (100), Екатеринодаре (80), ст. Кавказской (150), Майкопе (40), Армавире (210), Минеральных Водах (100), Казачья кубанская группа (55 чел.), группы в Петровске и Грозном, комитеты в Батуме, Тифлисе, Баку, Кутаисе, во всех селениях Гурии, во многих пунктах Имеретии и Мингрелии, в Гори, Сухуме, в Поти, Баку (большевистский „комитет“ и меньшевистский „союз“). Закавказские организации охватывали несколько тысяч рабочих и крестьян. Преобладающее направление — „меньшевистское“.

В *Сибири и Ср. Азии.*—Сибирский союз имел комитеты и группы: в Томске, Барнауле, Тюмени, Красноярске, Иркутске, Чите, Благовещенске, Харбине, Владивостоке и ряде железнодорожных пунктов. В городах рабочие организации были слабы, но к „союзу“ примыкали большие организации учащихся и военные. В *Ташкенте* имелась организация (150 раб.); кроме того, группы в Петровске, Черняеве, Самарканде, Асхабаде, Чарджуе, Кизил-Арбате, Красноводске (много военных). Преобладали „меньшевики“

Организации «*Бунда*» существовали буквально во всех городах и местечках Литвы и Белоруссии и в значительном количестве пунктов Царства Польского, Малороссии, Новороссии и Прибалтийского края. Такие организации, как Варшавская, Лодзинская, Виленская, насчитывали членов тысячами; крупные организации имелись также в Белостоке, Минске, Витебске, Двинске, Кишиневе, Ковне, Гродне, Бердичеве. В гор. Борисове, Минской губ. было 460 организованных, в Креславле—325, Либаве — 300, Слониме — 180, Полоцке — 200, Игумене—110, Сувалках—100. Примыкающий к Киеву район заключал в 45 городах и местечках 2.000 орг. членов. В Стародубе было 200 организованных, в Екатеринославе — 150, в Одессе—300. Организации „Бунда“, по общему праву, носили более прочный характер, чем с.-д. организации внутренней России, и во многих местах охватывали почти все наличное еврейское рабочее население. Такой же массовый характер начинали принимать и организации латышской социал-демократии.

В общем и целом, в течение периода, предшествовавшего октябрьским дням, социал-демократия объединила в своих нелегальных организациях несколько десятков тысяч рабочих и

несколько тысяч учащихся, солдат и крестьян; сфера же ее непосредственного влияния охватывала сотни тысяч городского и сельского населения. Громадно было ее политическое влияние на население западных окраин [1]) и части городов Кавказа; очень значительно в Сибири и весьма заметно в городах всей южной России.

ГЛАВА VIII.

Социал-демократия в течение „дней свободы".

В событиях, разыгравшихся к началу октября 1905 года, социал-демократические организации приняли самое непосредственное участие.

Как только железнодорожная забастовка начала охватывать одну линию за другой, с.-д. комитеты перестали колебаться между немедленным действием и отсрочкой выступления до дней выборов в Г. Думу и провозглашали всеобщую стачку в городе. Открытые уже в сентябре для митингов аудитории высших учебных заведений были широко использованы для политической агитации и объединения забастовки одними и теми же лозунгами.

В Петербурге социал-демократической „группе" (меньшевики) в самом начале забастовки удалось осуществить ту идею „широкой беспартийной классовой организации", которая встала бы непосредственно во главе пролетариата и стала бы руководящим центром общенародного движения. По призыву „группы" рабочие забастовавших заводов выбрали делегатов, составивших знаменитый „Совет рабочих депутатов". Его первым председателем был избран член группы Л. Зборовский, ряд влиятельных рабочих-меньшевиков, во главе с П. А. Злыдневым, были избраны в его „Исполнительный комитет". В Петербурге в период октябрьской забастовки социал-демократии уже приходилось выступать под прикрытием „Совета", ставшего общепризнанным центром рабочих.

В Москве и провинции влияние с.-д. организаций на ход событий проявлялось более непосредственным образом. Как в столицах, так и в провинции, социал-демократы рядом с расширением движения, преследовали цель закрепления его успехов в своего рода „муниципальной революции". Повсюду го-

---

[1]) В Польше оно разделялось ею с п. с. п. (р. р. s.)

родским думам предъявлялось—и во многих случаях удовлетворялось—требование предоставления общественных помещений под митинги. Требование об организации городом милиции или самообороны, предъявлявшееся обыкновенно после черносотенного погрома или военного расстрела, также удовлетворялось во многих случаях, но городские самоуправления, давая свою санкцию организации милиции, лишь редко затрачивали городские средства в достаточном для действительного вооружения размере. В Севастополе организованная с.-д. и признанная думой милиция распустилась, когда дума отказалась выдать деньги на ее вооружение. В Одессе с.-д. ушли из „комитета общественной безопасности", когда он отказался издать воззвание к народу. В Москве, Нижнем-Новгороде, равным образом, произошел разрыв между с.-д. и крупно-буржуазными элементами городских дум, не желавшими сойти с почвы легальности. Наибольшего временного успеха в деле вооружения населения достигли с.-д. в Тифлисе, где, напуганные черносотенной агитацией и междунациональной борьбой, местные власти вступили в официальные переговоры с с.-д. комитетом о передаче ему нескольких сот ружей для организации городской охраны. Ружья были предоставлены будущему с.-д. депутату I Думы И. Рамишвили, но этот шаг наместника вызвал контр-революционное движение в местном офицерстве, руководимом ген. Грязновым, и социал-демократы сочли нужным удовлетворить требование офицеров и оружие вернуть [1].

Одновременно на городские думы оказывалось давление в целях добиться от них предъявления правительству и местным властям требований об амнистии, об уводе войск, об удалении определенных представителей власти. Во многих случаях думы шли по указанному пути. В Севастополе городская дума требовала суда над виновниками расстрела манифестантов, удаления войск и т. д. В Томске дума потребовала, по приглашению с.-д., увольнения полицеймейстера, освобождения „политических" и постановила прекратить выдачу денег на полицию и содержание казачьих казарм. В некоторых случаях городские думы соглашались вводить в свой состав делегатов народа или революционных партий (Севастополь). В Иркутске дума сама передала все свои полномочия стачечному комитету.

---

[1]) Впоследствии ген. Грязнов был убит рабочим социал-демократом Джорджиашвили (казнен).

В Томске была сделана попытка избрать „революционную думу“ из 25 членов, избранных на большом митинге (выбраны все 25 кандидатов с.-д. комитета). В Прибалтийском крае рабочие и крестьяне ввели во многих уездах революционное самоуправление, уничтоженное лишь в декабре.

Волна контр-революционных погромов встретила повсюду организованное сопротивление революционных партий и, главным образом, социал-демократов. Кое-где им удалось восстановить порядок; в большинстве же случаев силы рабочих вооруженных отрядов были раздавлены сильнейшим противником. Целый ряд партийных деятелей погиб в эти дни жертвой черносотенных зверств: известный деятель социал-демократии Ник. Ев. Бауман и швейцарец П. Грожан убиты в Москве, один из старейших рабочих с.-д. ткач Федор Афанасьев и Ольга Генкина (последняя уже в ноябре) были растерзаны черносотенцами в Иваново-Вознесенске, А. Г. Дубровин—в Борисоглебском уезде, куда он явился внести организованность в разгромное движение крестьян. Члены партии И. Дмых и В. Кадиков погибли в огне при сожжении Томского железнодорожного управления, Прасковья Дугенцова была зверски замучена в Армавире.

Попытки перехода от политической стачки к более активным формам борьбы имели место в Харькове, где „Комитет борьбы“, образованный с.-д. и с.-р., организовал баррикадное сопротивление, окончившееся почетной и бескровной капитуляцией войскам, и в Екатеринославе, где при защите баррикад „дружинники“ с.-д. комитета бросали в казаков бомбы, взрывом которых несколько казаков были убиты. В Чите с.-д. рабочие насильственно освободили политических каторжан—матросов черноморского флота и других.

По примеру Петербурга, с.-д. организации во многих центрах провинции вызвали к жизни „Советы рабочих депутатов“, которые здесь находились в более тесной органической связи с комитетами партии (кроме Белостока, где „Совет“ был в руках с.-р. и анархистов). Такие „Советы“ возникли в Твери, Костроме, Харькове, Киеве, Екатеринославе, Одессе, Ростове на-Дону, Луганске, Новороссийске, Баку и др. городах. В Москве образование „Совета“ означало для социал-демократии отделение пролетариата от интеллигентско-мелкобуржуазных элементов, организованных в образовавшемся во время забастовки „стачечном комитете“, в котором гегемония

принадлежала демократам и социалистам-революционерам. Это отделение удалось с.-д. осуществить уже в ноябре.

Провозглашение манифеста 17 октября вызвало у социал-демократии стремление воспользоваться первой крупной уступкой для завоевания и укрепления существенных для народа позиций, для чего необходимо было продлить забастовку, несмотря на начавшееся явное колебание примкнувших к движению буржуазных и мелкобуржуазных элементов. Этому помешала погромная волна. Из наступающей стороны организованный пролетариат превратился в обороняющуюся. В пункте наибольшей дезорганизации реакционных сил—в Петербурге—ген. Трепов счел возможным оказать энергичное сопротивление дальнейшему росту движения и воспретил назначенную С. Р. Д. грандиозную манифестацию — шествие к тюрьмам. Совет, объявивший продолжение забастовки, счел себя вынужденным отступить, а затем призвал к прекращению падавшей уже забастовки и к систематической подготовке нового выступления. Провинция последовала за этим лозунгом и повсюду социал-демократия, несмотря на удары, нанесенные ей погромами, отступила в полном порядке, призывая к широкой организации народных сил на почве провозглашенных в „Манифесте“ уступок.

Начавшийся период открытой массовой организации и агитации знаменуется появлением широкораспространяющейся с.-д. прессы.

27 октября вышел в Петербурге № 1 „Новой Жизни“,— органа, который „ставил своей задачей выражать политические и экономические интересы рабочего класса“. Издательницей газеты была московская артистка М. Ф. Андреева, редактором—поэт Н. Минский, сотрудниками—П. Румянцев, А. Луначарский, Н. Ленин, А. Богданов, Н. Рожков и другие представители „большевизма“ на-ряду с Максимом Горьким и рядом беллетристов, поэтов и публицистов, до тех пор стоявших в стороне от социализма (К. Бальмонт, Тэффи, Г. Чулков, Леонид Андреев, Е. Чириков, Л. Галич, З. Венгерова). В приложении к 1-му № газеты была издана программа Р. С.-Д. Р. П., немедленно конфискованная комитетом по делам печати.

Одновременно в руки социал-демократов перешла бесцветная копеечная „Русская Газета“ г. Дучинского. Ею руководили Парвус и Н. Троцкий, сотрудничали в ней „меньшевики“

Тираж ее, и ранее значительный, сильно возрос и отдельные экземпляры расходились в 100 и более тысяч №№.

Несколько позже (с 13 ноября) стало выходить „Начало“. Перебравшееся после 17 октября в Петербург, большинство редакции „Искры“ соединилось для основания руководящего органа с Парвусом и Троцким. Издателем „Начала“, объявившего себя открыто социал-демократическим органом, был С. Н. Салтыков (будущий депутат II Думы, сосланный на каторгу), редактором—Д. М. Герценштейн, сотрудниками были Парвус, Троцкий, А. Мартынов, Ф. Дан, А. Петресов, Л. Мартов, Л. Дейч, Н. Иорданский, Е. Смирнов, Д. Кольцов, М. Балабанов и др. В № 1 газеты было помещено заявление Орган. Комиссии о том, что, по соглашению с редакцией „Искры“ и „Социал-Демократа“, эти заграничные органы приостанавливаются, а взгляды, отстаивавшиеся ими, будут представлены „Началом“. Изданная в приложении к № 4 программа Р. С.-Д. Р. П. была конфискована.

В Москве большевики стали издавать „Борьбу“ (изд. С. Скирмунт), меньшевики—„Московскую Газету“ (в качестве ее фактического редактора был впоследствии осужден П. Маслов). В провинции также сделан был ряд попыток издавать легальные с.-д. газеты.

Первым вопросом, вставшим перед с.-д. партией после прекращения октябрьской забастовки, было определение ее отношения к „Совету Рабочих Депутатов“, ставшему действительным центром не только петербургского рабочего движения, но и всех революционных сил страны вообще. Организованный, как упомянуто, по инициативе с.-д. меньшевиков, Совет по самому характеру своего образования, как включающий в свой состав представителей всего рабочего класса, являлся беспартийным. По мысли инициаторов, равно как и ставшего во главе совета Хрусталева, он должен был и оставаться формально-беспартийным и вполне независимым по отношению к создавшей его социал-демократической партии. Эта формальная нейтральность подчеркивалась тем, что Совет в свой состав и в состав своего Исп. К-та ввел официальных представителей обеих партий (с.-д. и с.-р.), в лице их центральных учреждений и местных комитетов. Но эта формальная политическая нейтральность не мешала тому, что в составе Совета большинство делегатов примыкало к социал-демократии,

а в составе Исполн. К-та значительное большинство состояло из известных деятелей социал-демократии.

Формально-нейтральная позиция и беспартийность „Совета“ вызвали крайнюю тревогу в рядах большевистской фракции. Она, вообще, с самого начала косо смотрела на возникновение „Совета“, как на осуществление знакомой ей „меньшевистской“ идеи о (партийно и организационно) „неоформленных классовых организациях“, в которых меньшевики видели естественные центры классового сплочения пролетариата на открытой арене и зародыши коммунального, захватным путем образующегося, самоуправления, долженствующего стать основой и исходным пунктом новой демократической организации общества. В этом представлении большевики усматривали, во 1-х, отказ от идеи захвата власти в ее центре путем одного или повторных ударов; во 2-х, отказ с.-д. партии, как организованного дисциплинированного целого, от непосредственного практически-организационного руководства народным движением и непосредственного претендентства на участие в новой власти. Не без основания, кроме того, большевики полагали, что покоящаяся на непосредственном объединении класса организация в своем практическом отношении к другим общественным силам, участвующим в движении, будет руководствоваться не столько резолюциями партийных съездов прошлого, сколько непосредственными потребностями борьбы, почему и опасались, что в этой борьбе руководимый Советом пролетариат сможет перешагнуть через ту грань, которая была намечена ему схемой, требовавшей концентрации вокруг последовательно-демократической программы одних лишь антибуржуазных элементов и их резкого противопоставления теперь же всем, правее стоящим, общественным группам. И, наконец, политическая личность Носаря-Хрусталева, некогда участвовавшего в с.-д. организациях, затем в средине 1905 года принимавшего участие в попытках „освобожденцев“ организовать несоциалистическую рабочую партию, а теперь ставшего почти диктатором стотысячной рабочей массы и средостением между нею и анонимным коллективом с.-д. организации, вызывала опасение относительно того, в какую сторону этот политический деятель захочет направить сконцентрированную в его руках силу при первом повороте событий.

Все эти события и соображения привели к тому, что „большевики“ начали определенную кампанию против Совета

Рабочих Депутатов. Им удалось склонить „федеративный совет“, составившийся из представителей местных комитета (большевиков) и „группы“ (меньшевиков), предъявить Совету Рабочих Депутатов требование „стать под руководство Росс. с.-д. раб. партии“ Однако, это решение не получило требовавшейся для него санкции собрания членов районных комитетов обеих фракций. На этом собрании, состоявшемся 26 октября, „меньшевики“ отказались голосовать вынесенную федерат. советом резолюцию. „Большевикам“ пришлось вести кампанию против Сов. Раб. Деп. собственными силами при противодействии „меньшевиков“. Уже 24 октября они провели на митингах Семянниковского и Металлического заводов резолюции, требовавшие от „Совета“ признания программы и тактики с.-д. партии. Организационное бюро приказчиков социал-демократов постановило запросить Совет об его политической физиономии. 29 октября Невский районный комитет объявляет о недопустимости участия с.-д. в „рабочем парламенте“, каким имеет тенденцию стать Совет. Ту же мысль высказывает резолюция, принятая на митинге завода Семенова. В № 6 „Новой Жизни“ некто Н. Менделеев излагает взгляд коллегии пропагандистов и агитаторов района Петербугской стороны. Согласно этому взгляду, „Совет должен стать чисто-профессиональной организацией или перестать вовсе существовать“. Если Совет захочет быть политической организацией, социал-демократы должны добиваться, чтоб он принял с.-д. программу; но, в случае ее принятия, получится новая, параллельная официальной, с.-д. организация, что недопустимо, а потому партийные социал-демократы должны будут выйти из нее или добиваться скорейшего ее разрушения. Редакция газеты оговорила, что не во всем согласна с автором. Между тем, агитация против „Совета“ не прекращалась. Заводский комитет снаряжательного отдела „постановил выразить недоверие Совету Раб. Деп., как политическому руководителю, и предложил ему стать Союзом профессиональных организаций“ Однако, новые успехи „Совета Р. Д.“—особенно удачное проведение им второй (ноябрьской) политической забастовки—и явное тяготение его большинства к тактике социал-демократии обезоружили постепенно „большевиков“ и они на практике стали склоняться к идее, выраженной в „Начале“ (№ 2, статья А. Мартынова), согласно которой организация типа Совета—естественный результат отсутствия открытой массовой

организации, и, пока она необходима, дело партии—приобрести максимум влияния на нее: задачей же партии является реформироваться так, чтобы „сделать ненужным С. Р. Д.“ Систематическая кампания против Совета прекращается, хотя постоянно происходят мелкие конфликты между отделами (районными собраниями делегатов) Совета и районными секциями большевистской организации на почве соперничества при сборе денег на стачки, вооружение и т. д. В провинции при образовании Советов „большевики“ стремятся с самого начала поставить их под официально-признанную опеку партийного комитета, что отчасти им и удается в некоторых северных центрах.

Взгляд „меньшевиков“ на Совет далеко не покрывался упомянутой дипломатической статьей А. Мартынова. Значительная их часть видела в Совете не только естественный временный политический центр движения, но и арену, на которой только и смогут выработаться кадры широкой рабочей партии, становившейся возможной при изменившихся политических условиях.

Начиная с ноябрьской забастовки, партийные организации, таким образом, отказываются от стремления оттеснить „Совет“ от практического руководства движением или от непосредственного подчинения лидеров Совета партийным центрам. Их усилия направляются к тому, чтобы поддерживать вокруг „Совета“ ту идейно-политическую атмосферу, которая обеспечивала определенный курс его деятельности.

Прекращение октябрьской забастовки означало, по общему мнению демократических кругов, лишь отсрочку более решительных битв до более благоприятного для демократии момента. Резолюция Московскоого комитета с.-д. от 22 октября постановляет: „немедленно готовиться к новой решительной битве“. Эта подготовка, по мнению обеих фракций социалдемократии, включала в себя: 1) усиленную организационную и агитационную работу среди пролетариата на почве завоеванной в октябре сравнительно-широкой свободы; 2) расширение работы по вооружению масс; 3) сближение рабочего движения с крестьянским; 4) сближение его с армией; 5) борьбу с попытками остановить развитие революции на полпути во имя компромисса со старой властью и „прекращения анархии“

Организация и агитация. Митинговая и печатная агитация во всех слоях пролетариата и демократии проведена была со

всей энергией. Самые отсталые слои трудящихся—почтово-телеграфные служащие, мясники, домашняя прислуга, чернорабочие—подвергались агитационному воздействию с.-д. ораторов. Митинги за митингами каждодневно происходили в Петербурге и Москве, Киеве и Одессе, Риге и Варшаве, Саратове и Ростове, Нижнем и Вильне. В менее значительных центрах эта агитация велась подчас не менее интенсивно. На этих митингах социал-демократы почти не сталкивались с политическими соперниками—кроме „социалистов-революционеров" Кое-где им противостояли национально-революционные, окрашенные в мелкобуржуазный социализм, группы. Буржуазный же либерализм и радикализм почти не пытался противопоставить свою программу воздействию социалистов на массы. Не только его представители почти нигде не являлись возражать на устроенные с.-д. митинги, но почти не пытались сами созывать политические собрания. Политическая растерянность, овладевшая после 17 октября буржуазной оппозицией, объясняет это ее отсутствие на арене широкой агитации отнюдь не монополизированной, как это иногда потом пытались изобразить—крайними левыми при помощи каких-либо махинаций. И это отсутствие, конечно, лишь облегчило сплочение широких городских масс вокруг социал-демократии. Ее борьба с социалистами-революционерами, которые, обладая многочисленными кадрами интеллигенции, энергично взялись за митинговую агитацию, вертелась вокруг вопроса об отношении социализма к крестьянству, сильно волновавшего рабочие массы, благодаря их непорвавшейся связи с деревней. Стремление с.-р. затушевать грани, разделяющие объективные интересы мелких хозяев и пролетариата, встречали, в общем и целом, сочувствие в рабочих массах и борьба с „эс-эрами" в Петербурге и Москве давалась социал-демократам нелегко, несмотря на то, что основное требование крестьянского движения — передача земли крестьянам — в той или иной форме к этому моменду уже санкционировалось всеми социал-демократами.

Организационная работа социал-демократии прежде всего должна была направиться на создание профессиональных союзов. Верный классовый инстинкт толкал рабочие массы в сторону образования прочных профессиональных соединений. Вожди Петербургского „Совета Р. Д.", в лице Хрусталева, Симановского, Сверчкова-Введенского, Вайнштейна-Звездина и

других, лично связанные с профессиональным движением и после-январского периода, всячески поощряли эти организационные попытки, хотя на деле самое существование Совета— этого всеобъемлющего центра и руководителя движения—мешало всестороннему развитию профессиональных организаций. Из социал-демократов „меньшевики“, как нами выше указывалось, имели за собою уже известный опыт в профессиональном движении и определенную позицию в нем. Они и явились главными инициаторами строительства союзов в Петербурге, Москве, Саратове, Нижнем-Новгороде, Баку, Одессе и других центрах движения. Союзы повсюду принимают классовый социал-демократический характер (попытки „с.-р.“ в Киеве добиться включения в союз мелких хозяйчиков терпят поражение), но остаются формально-беспартийными, против чего пытаются кое-где бороться „большевики“ В середине ноября на большом митинге в московском театре „Олимпия“, посвященном вопросу о профессиональной организации, сторонники внепартийности союзов одержали победу над защитниками тактики большевистского Московского комитета, основавшего несколько определенно партийных профессиональных союзов (булочники, техники, столяры). В Поволжье и на Юге основывались непартийные союзы. В Западном крае „меньшевики“ боролись с „Бундом“, отстаивавшим подчинение професс. союзов официальному руководству организации. Позиции руководящих органов обеих фракций в данном вопросе сходились довольно близко. Хотя Н. Ленин (в № 27 „Новой Жизни“ от 2 декабря), как бы подводя итоги своей борьбе с Советом Рабочих Депутатов, выступает в самой общей форме против „беспартийности“ в рабочем движении, провозглашая, что „беспартийный рабочий“ так же не существует для классовой борьбы пролетариата, как и беспартийный крестьянин, но в той же газете Ю. Адамович (№ 25) указывает на задачу социал-демократии путем пропаганды внутри широких профессиональных союзов способствовать их превращению в союзы социал-демократические. В № 8 „Начала“ Д. Кольцов развивает аналогичную позицию „меньшевиков“, лишь ставя большое ударение на признании целесообразности и полезности формальной беспартийности союзов в данный момент.

Резкий перелом, наступивший в условиях деятельности социал-демократии после 17 октября, остро ставил вопрос о реорганизации самой партии. Стимулом к быстрому и корен-

ному решению этого вопроса для „большевиков“ служил особенно факт концентрации руководства движением в руках подозрительного, с их точки зрения, „беспартийного“ Совета. Чтобы быть в состоянии померяться с ним во влиянии на массы, партия сама должна была стать близкой к массам и открытой. Это почувствовали агитаторы большевистской фракции и от систематической осады Совета Раб. Депутатов обратились к политической и профессиональной организации масс. Но здесь им приходилось преодолевать психологическое противодействие „верхов“ своей фракции. После 17 октября женевский ее центр не спешил ликвидировать свое существование. Было выпущено еще 2 номера газеты „Пролетарий“, в которых делались попытки удержать революционную стихию в пределах заговорщической „осмотрительности“ и конспираторского недоверия к открытой деятельности и создаваемым ею опасностям. Но политический центр тяжести переходил из Женевы в Петербург, во главе большевистской фракции становилась „Новая Жизнь“. Эмигранты подчинились необходимости, но с характерной для умонастроения вождей осторожностью объявили, что „Пролетарий“ переносится из-за границы в Россию и сохраняется в качестве органа, выходящего нелегально, в чем при „захваченной“ свободе печати не было, повидимому, никакой надобности, но в чем вполне очевидно выражалось стремление вождей фракции иметь законспирированный организационный „резерв“ не столько против врагов революции, сколько против более широких и разношерстных политических и литературных коллективов, которые после 17 октября стали реально во главе организации. Напротив, меньшевистская фракция подчеркивала свой разрыв с организационными формами вчерашнего дня, когда, как мы выше упоминали, публиковала о переходе функций „Искры“ к „Началу“. Ее официальный центр—Орган. Комиссия—в этой газете публиковал свои решения и через газету восстановлял свою связь с местными организациями.

В борьбе против инерции организационных навыков большевистские агитаторы в ряде широких массовых собраний призывали к выходу на арену открытой организации. „Долой подполье! Мы долго задыхались в нем“ — провозглашал на одном из таких собраний популярный агитатор Абрам [1]) (см.

[1]) Н. В. Крыленко.

отчет в № 6 „Н. Ж.“). Параллельно с проповедью открытой организации шла пропаганда ее демократизации. В том же направлении работала мысль „меньшевиков“. Демократизация районных организаций путем проведения снизу доверху выборного начала и создание более широких с.-д. *клубов*, охватывающих и организующих все элементы, тяготеющие к с.-д., стали проводиться обеими фракциями с большой энергией. Первый (меньшевистский) клуб в Петербурге был открыт 15 ноября на Балтийском заводе. Присутствовало 120 человек. 16 ноября открылся клуб Выборгского района (объединенный) при наличности 300 человек; 20-го — клуб Нарвского района: 4-го — клуб Московского района (2.240 чел.). Еще раньше клубы стали организовываться в провинции. Нижегородский объединившийся комитет организовал клубы во всех районах города. В Смоленске с.-д. клуб имел при основании 200 членов.

Одновременно более тесная партийная организация начала функционировать в новых формах. В основе ее в Петербурге лежали районные союзы, обнимавшие всех, платящих членский взнос, местных членов. (Невский союз — меньшевиков — имел при открытии 100 членов). Рядом с ними иногда при многолюдности района выступают „заводские собрания“. Так, заводское собрание с.-д. завода Лесснера насчитывало 70 членов. Представители районов составляли выборный и ответственный перед общегородской конференцией местный центр. Тот же тип организации складывался в провинции. В Астрахани 27 октября открыл свою деятельность с.-д. союз в составе 240 членов. „Легализация“ организаций (явочным путем) происходила не только в крупных центрах. Так, *Лохвицкая* группа в № 16 „Нов. Жизни“ публикует о своем решении легализовать организацию.

Новые формы организации не успели кристаллизоваться и упрочиться до нового перелома, наступившего в декабре. В дальнейшем внешние условия вынудили партию, сохраняя формально-демократическую основу организации, подчинить ее проведение соображениям конспирации: массовые собрания не терпелись полицией, и выборное начало, как и участие организации в выработке тактики, могли осуществляться лишь путем многостепенной процедуры, что создало в 1906—1907 гг. крайне громоздкий и малоподвижный партийный аппарат.

Демократизация партийного аппарата не решала организационного вопроса для меньшевиков, которые в предыдущий период построили свою критику партийного развития на констатировании „интеллигентского“ вырождения партии и факта концентрации значительной части пролетарской интеллигенции вне формальных рамок партийной организации. Возникновение „Советов“ и быстрый рост профессиональных союзов еще более—для русской части партии—раздробил с.-д. элементы пролетариата, оставляя в партийной организации лишь часть их, группировавшуюся вокруг основного ее интеллигентского ядра. Перед „меньшевиками“ стоял вопрос: удастся ли демократизирующейся партийной организации поглотить при новых условиях все эти элементы и, таким образом, установить в своих рядах более нормальное отношение между интеллигентской и пролетарской частью партии? Политические перспективы ближайшего будущего были очень неясны, и постольку нельзя было предвидеть, какой окончательный вид примет партийная организация. При таких обстоятельствах среди меньшевиков обнаружился организационный разброд: в то время, как часть их пошла вместе с большевиками по пути непосредственной реформы партийной организации в целях собрать в ее рядах всю наличную социал-демократию, другая искала в Советах Рабочих Депутатов и профессиональных союзах рычагов для более широкой перестройки организационных форм на новых основаниях.

Лозунг „рабочего съезда“, выдвинутый П. Б. Аксельродом в связи с проектом Булыгинской Думы, указывал один из возможных путей такой перестройки в процессе организованного политического выступления пролетариата. „Меньшевики“ пытались осуществить эту идею, побудив Харьковское „общество взаимопомощи“ взять на себя инициативу съезда рабочих обществ. После 17 октября этот съезд в представлении его организаторов принял естественно форму съезда профессиональных союзов. Но руководящие элементы меньшевистской фракции, стремясь использовать эту организационную попытку для более коренной задачи, не желали ограничивать ни программы съезда, ни его состава рамками профессионального движения. Доступ на созывавшийся съезд должен был, по их мнению, быть открыт и для Советов Рабочих Депутатов, и для непосредственных представителей всей рабочей массы определенного предприятия, и для политических объединений (клубов и

т. п.). Здесь в представлениях меньшевиков задачи профессионального объединения, образования охватывающей с.-д. партии переплетались между собою, и это переплетение тормозило практическое осуществление каждой. Декабрьские события отодвинули в далекую перспективу съезд рабочих организаций. Внушенная меньшевиками же Петерб. Совету Р. Д. идея созыва конференции „Советов" для подготовки общего политического выступления (после ноябрьского локаута) также не успела реализоваться.

В № 6 „Начала" появилась статья, подписанная „Ф—", под названием „К вопросу об объединении", автор которой пытался отвлечь меньшевистскую мысль от организационных планов, занимавших ее в это время, в сторону до-октябрьских меньшевистских начинаний. Констатируя, что вновь поднявшийся в это время вопрос об объединении фракций до сих пор не мог быть практически решен в силу общих недугов партии, вскрытых меньшевистской критикой, Ф. предлагал воспользоваться переломом в условиях движения для того, чтобы созвать не объединительный съезд б-ков и м-ков, а общерабочий *учредительный* съезд с участием как партийных организаций, так и Советов Раб. Деп. (автор предлагал приглашать не только определенно-марксистские организации, но и п.-п.-с., сделавшую шаг к социал-демократии отказом от сепаратистской программы). Однако, эта статья шла уже настолько вразрез с настроением руководящих меньшевистских групп, что ее появление в „Начале" без редакционных оговорок вызвало резкий протест Организационной Комиссии. Последняя принудила редакцию газеты поместить заметку о несогласии с некоторыми мыслями Ф. Последние дальнейшего развития в печати не получили.

Реформа организации в ее прежних рамках стала на ближайший период в центре внимания меньшевиков. Этому способствовало то обстоятельство, что с наступлением октябрьских дней принципиально-тактические споры о завтрашних перспективах прекратились в силу поглощения внимания практиков организацией масс и текущей агитацией. Вместе с окончательным отказом большевиков от противодействия выборному началу и ослаблением их прямой борьбы против „Советов", слабело недоверие к ним со стороны меньшевиков; в свою очередь, неопределенная во многих пунктах тактики линия „Начала", обусловленная союзом меньшевиков с близкими в неко-

торых отношениях к большевизму Троцким и Парвусом, облегчала большевикам сближение с другой фракцией. „Объединительное“ движение резко обозначилось сейчас же после октябрьских дней и выразилось в давлении организационных низов на фракционные центры. В середине ноября одесские социал-демократы на общем собрании (1.500 чел.) постановили слить обе организации на основе демократического устава и призвать всю партию последовать их примеру. То же было сделано в Саратове и Перми. В столицах местные комитеты и „группы“, федерировавшиеся перед октябрьскими днями, разработали план постепенного объединения организаций; однако, и в Петербурге один район — Выборгский — осуществил „самочинно“ полное слияние до того, как выработанный сообща местными вождями организационный план получил общую санкцию. Ц. К-т большевиков и Орг. Комиссия меньшевиков, также федеративно объединенные, обсуждали план окончательного общего слияния фракций. Каждая из них должна была созвать свой съезд или конференцию и, обсудив организационный вопрос, постановить созыв сообща „объединительного“ съезда на однородных основах. Состоявшиеся в конце ноября конференции обеих фракций приняли соответствующие решения; большевики приняли организацию на основе выборного начала, меньшевики отказались от § 1 старого партийного устава (1907 г.), который исключал строгую партийную оформленность всей организации (не обязывая всех членов портии вступать в определенные партийные коллективы) [1]).

Поворот в организационной политике меньшевиков выразился в спорах, которые на конференции вызвали предложение о приглашении, на равных с организациями партии основаниях, представителей Петербургского Совета Рабочих Депутатов и центрального бюро профессиональных союзов. Предложение это демонстративно было выдвинуто делегатами закавказских и северо-кавказских организаций (в том числе будущими депутатами 2-й Думы А. Джапаридзе и Г. Ломтатидзе), обличавшими руководителей фракции в „примиренстве“ и отказе от меньшевистских традиций. Напротив, делегаты южных центров (Киева, Харькова, Одессы, Екатеринослава)— главных пунктов влияния меньшевизма — и обеих столиц, по-

---

[1]) Меньшевистская конференция состоялась в Петербурге, большевистская—в Финляндии.

следовательно отстаивали возможно большее сближение с „большевиками“ и резкое отграничение от непартийных центров. Конференция решила пригласить Хрусталева и председателя центрального бюро профессиональных союзов Смелова (Гриневича), с совещательными голосами.

Начавшаяся в обеих фракциях демократизация организации сама по себе удовлетворяла ту часть рабочих с.-д., которая в предыдущий период тяготилась гегемонией интеллигенции в партии. Теперь в реформированных партийных комитетах, в Советах Рабочих Депутатов и профессиональных союзах активные элементы пролетариата находили применение своим силам. Однако, общая политика партии, складывавшаяся под давлением ее долголетних традиций, еще всецело определялась руководящими идеями, выработанными в течение подпольного, чисто „интеллигентского“ периода ее развития. Постольку в передовых кругах рабочего класса—особенно в Петербурге—тенденция, враждебная партийной традиции, продолжала существовать и проявляться. Ее кристаллизации вокруг или внутри ставшего самостоятельной политической силой „Совета Рабочих Депутатов“ помешала политическая беспечность его вождя, Хрусталева-Носаря, который, после некоторого периода выжидания, предпочел выйти из позиции партийного нейтралитета, объявить о своей солидарности с меньшевистским крылом партии, и проводить — с известной степенью самостоятельности—на практике тактическую линию социал-демократии. Поэтому, элементы, настроенные „анти - интеллигентски“ и неудовлетворенные не внешними только формами, а общим направлением деятельности с.-д. партии в прошлый период, пытаясь сгруппироваться под знаменем „чисто-рабочего“ движения, делали это не вокруг „Совета“, а *против него*, заостряя свою критику против резко-политических тенденций Совета и „якобинского“ характера его воздействия на широкие массы. Такова была позиция некоторых элементов в союзе рабочих печатного производства, которые, во главе с И. Желудковым, П. Васильевым и Н. Горшковым [1]), основали еженедельник „Рабочий Голос“, как издание „группы рабочих социал-демократов“ с девизом: „Освобождение рабочих — дело

---

[1]) В числе сотрудников газеты был и печатник Дементьев, ставший в после-революционный период одним из влиятельных деятелей меньшевизма.

самих рабочих". К ним примкнули деятели прежних течений с.-д. мысли, отброшенных в сторону победой „Искровского" направления: В. Акимов, Токарев, В. Поссе, а также бывший „рабочеделец", присоединившийся к „меньшевикам" и влиятельный в Совете Рабочих Депутатов, профессионалист Сомов, и лидер „анти-интеллигентских" элементов харьковского „Общества взаимопомощи" А. А. Евдокимов. Впрочем, Сомов вскоре отошел от газеты. Последняя, начав с критики Совета и с.-д. интеллигенции, пришла к выставлению „революционно-синдикалистского знамени" и успеха в рабочих массах не имела. Впоследствии И. Желудков свою борьбу с социал-демократией повел под флагом буржуазной демократии в основанной к.-д. дешевой газете „Реформа". Аналогичная анти-партийная и революционно-синдикалистская струя, но с значительно большим успехом, развивалась в Баку лидером местного Совета Рабочих Депутатов и с.-д. „Союза Бакинских рабочих", Львом Шендриковым, пользовавшимся значительной популярностью в рабочей среде и демагогически проводившим „чисто-рабочую" политику [1]).

Боевая деятельность с.-д. организаций выражалась в усиленной вербовке „дружин" и заготовке для них оружия. В Прибалтийском крае, на Кавказе и частью в Москве, в этой области были достигнуты некоторые результаты, но, в общем, то, что было сделано, давало возможность успешной самозащиты против черносотенных банд, но не агрессивных революционных действий.

Агитация в армии, принявшая широкие размеры к концу войны, теперь велась с значительной энергией. В Сибири с.-д. комитеты, при посредстве железнодорожных рабочих и служащих, взяли на себя трудную работу по эвакуации маньчжурских войск и тем привели их к своему делу. Повсюду, при вспыхивавших то здесь, то там, солдатских беспорядках, социал-демократы выступали в роли агитаторов. Во время серьезной военной вспышки саперов в Киеве с.-д. комитет вызвал для поддержки ее всеобщую забастовку. То же сделал Харьковский комитет во время солдатских манифестаций 18—19 ноября. Во время севастопольского восстания „Очакова" местная с.-д. организация приняла энергичное участие

[1]) Позднее он был обличен в негласных переговорах с представителем наместника и отвергнут рабочими.

в агитации и руководстве движением. Ее члены Генькин, Вороницын и Канторович впоследствии были осуждены на каторгу по процессу лейт. Шмидта.

Агитация в деревне приняла значительные размеры в Прибалтийском крае, Тверской, Нижегородской, Самарской, Саратовской губерниях, в Белоруссии, юго-западных и малорусских губерниях, в Закавказье. Корреспонденция № 11 „Новой Жизни" отмечает попытку Саратовской крестьянской группы с.-д. организации овладеть аграрным движением в Николаевском городке и, парализовав влияние „социалистов-революционеров", устранить из него террористический элемент и ввести в русло революционного самоуправления. В Гурии, Лифляндии, Курляндии и Эстонии социал-демократы стояли во главе всего агрессивного движения.

Крестьянский вопрос живо обсуждался в с.-д. литературе. Его выдвигали как бурный подъем стихийного аграрного движения, так и рост влияния народнической агитации на городские массы. Решения большевистского („третьего") съезда и меньшевистской („майской") конференции выдвинули принцип поддержки социал-демократией крестьянских требований, вплоть до требования „всей земли". В большевистской печати Н. Ленин явился сторонником безоговорочной поддержки этих требований во имя направленного против старого порядка и против буржуазии боевого союза крестьян и рабочих; соответственно этой позиции он склонялся к требованию национализации земли, настаивая лишь на необходимости „разоблачать" народнические иллюзии относительно мнимо-социалистического характера этого требования. Против такого „крестьянофильства" вождя фракции выступил П. Ларионов (№ 28 „Новой Жизни"). В свою очередь, Н. Рожков отрицал возможность для социал-демократии ввести в *программу* партии требование „всей земли", настаивая на том, что партия лишь условно может поддерживать это крестьянское требование, пока оно может играть прогрессивную роль в развитии народного движения („Н. Ж.", № 16), а Б. Авилов резко высказался против национализации земли, которая „в буржуазном государстве" означает увеличение силы и влияния правительства, т.-е. в конечном счете буржуазии" („Н. Ж." № 11).

В „Начале" принцип решительной поддержки крестьянского движения отстаивался с оговорками о нецелесообразности „захватной" тенденции в этом движении, шедшей об

руку с его аполитическим характером. В № 11 газеты намечается аграрная программа для социал-демократии: для культурных имений предлагается отстаивать муниципализацию, для остальных—раздел в собственность крестьян. В выпускавшемся за границей „Дневнике Социал-Демократа“ Г. В. Плеханов резко выступал против попыток ввести в с.-д. программу требование национализации земли, являвшееся, с его точки зрения, политически-реакционным и санкционирующим „китайские“ традиции русской истории, тесно связанные с государственным закрепощением крестьянства и всепоглощающим абсолютизмом.

Борьба за дальнейшее развитие революции, написанная на знамени с.-д., прежде всего столкнула ее после 17 октября с либерализмом. Под непосредственным впечатлением того общественного сочувствия, которым была встречена октябрьская забастовка и которое выразилось в революционном тоне либеральной печати в первые „дни свободы“, „Новая Жизнь“ сначала изменяет установившейся большевистской традиции и в № 1, отмечая призывы либералов к объединению всех прогрессивных сил, отвечает на него формулой Плеханова:— „врозь итти, вместе бить“, в свое время направленной им против тактической позиции большевиков. Но уже в № 6 газета возвращается к точке зрения женевского „Пролетария“, одинаково враждебной не только анти-демократическим проявлениям либерализма, но—едва ли не еще более—проявлению в нем „воли к власти“ в борьбе с реакцией. В статье Ю. Каменева (№ 6), носящей характерное заглавие: „Они становятся решительнее“, разбирается идея газеты „Русь“ о назначении временного правительства земско-городским съездом, в виду неспособности гр. Витте обеспечить реализацию манифеста 17 октября. Автор заявляет: „задумано без хозяина“ и пророчит, что такое временное правительство пролетариат свергнет. В № 7 Н. Минский по второстепенному поводу пишет: „Между буржуазной политикой и социал-демократической нет и не может быть даже внешних и формальных точек соприкосновения“. В № 13 „Галерка“ предсказывает „близость момента торговой сделки бюрократии с земским либерализмом“, как величайшую опасность для революции, а в № 15 П. Румянцев констатирует совершение этой сделки в факте решения съезда земских и городских деятелей обещать правительству содействие, при условии декретирования

всеобщего и равного избирательного права, отмены усиленной охраны и осуществления „свобод". „Пролетариат,—заявляет П. Румянцев,—помешает сделке на такой основе". Наконец, Н. Ленин, опять возвращаясь к плану „Руси", признает, что после отказа гр. Витте удовлетворить требования земцев, „либеральная буржуазия, под давлением пролетариата, делает шаг влево" („Н. Ж.", № 18), но из этого факта делает только тот вывод, что пролетариат не должен пускать во временное правительство „ненадежные элементы".

Для большевиков, в полном соответствии с взглядами, выработанными ими в течение предыдущего года, отношение к буржуазной оппозиции определялось уверенностью, что страна стоит перед решительной победой над старым порядком и что эта победа даст диаметрально противоположные результаты в зависимости от того, попадут ли ее плоды в руки „либерально-монархической буржуазии" или в руки революционных партий, выражающих интересы пролетариата и крестьянства. В первом случае развитие России пойдет „по-прусски", во-втором—„по-американски" А потому, чем относительно большие уступки демократизму готов бы сделать либерализм, чем, следовательно, более популярным мог он стать в стране, тем он становился опаснее и борьба с ним необходимее.

Сложнее и лишенной внутренней цельности оказалась в вопросе об отношении к либерализму позиция „Начала", в котором представители „меньшевизма" объединились с Парвусом и Троцким, расценивавшими буржуазный либерализм и буржуазную демократию не выше, чем большевики. В редакционной статье № 1, писанной Парвусом и носящей следы его личных взглядов на характер предстоящего переворота, с полной ясностью формулирована обычная меньшевистская позиция: „в интересах пролетариата содействовать буржуазии в ее либеральной оппозиции. Мы не боимся успехов либерализма; напротив, они—условие наших дальнейших успехов" Борьба с либерализмом становится необходимой, когда он начинает отступать в борьбе с реакцией.

С этой точки зрения было вполне естественно, что „Начало" с крайней резкостью, с умышленным сгущением красок, атаковало еще окруженного ореолом штутгартской славы П. Б. Струве, когда он за собственный счет вступил в дипломатические переговоры с гр. Витте. Здесь речь явно шла о

могущей лишь деморализовать общественное движение попытке перекинуть мост между умеренными его элементами и правительственной властью. „Начало“ назвало Струве „агентом Витте“, что вызвало взрыв негодования в среде бывших „освобожденцев“, нашедший свое выражение в негодующем письме за подписями С. Н. Прокоповича, Н. Ф. Анненского, В. Хижнякова, Е. Д. Кусковой, Е. Репьевой, Л. Куприяновой, Л. Гуревич, В. Богучарского и Г. Ландау. Правота политической прозорливости и демократической стойкости оказалась не на стороне группы протестантов, пытавшихся обелить акт оппортунистического партизанства, который открывал собою эру двусмысленных отношений между реакцией и представителями либеральной оппозиции.

Но, когда „Начало“ в статье Е. Смирнова (№ 3), в виду обнаруживаемых либерализмом после 17 октября шатаний, объявляет, что либералы изменили народу раньше, чем этого ожидали, раньше, чем добыта действительная свобода,—оно делает несомненную уступку большевистской постановке вопроса, игнорируя тот факт, что объективные условия еще не созрели для такой „измены“ либерализма и, что, пока перемещения реальной власти не произошло, строить всю тактику передовой партии на борьбе с тенденциями к „измене“, значит,—как это доказывали „Искра“ и Плеханов,—вести азартную политическую игру. Еще большую политическую ошибку и еще большее уклонение от прежней полиции газета обнаружила, помещая в том же № 3 статью В. Звездина, направленную против народнического „Сына Отечества“ и назвавшую „реакционным“ требование земско-городского съезда передачи в руки органов самоуправления полиции и образования „комитетов общественного спасения“. Усматривая в этом требовании попытку узурпации имущими классами власти в ущерб демократии, Звездин видит в шаге земцев акт контр-революционной борьбы против народа, а не необходимый и важный этап в деле борьбы против старого порядка. Либерализм, — вопреки взгляду „Искры“, — рассматривается, как сила, уже ставшая объективно контр-революционной, уже не играющей другой роли, кроме роли союзника бюрократии и дворянства. В передовой статье № 8, по поводу отказа кадетской партии от требования суверенного Учредительного Собрания и признания необходимости монархической санкции для конституции, „Начало“ заявляет:

„Революция прошла свой первый фазис. Земская оппозиция откололась и стала контр-революционной силой". Эта формула настолько не соответствовала традиционному представлению „меньшевизма" о взаимоотношении классов в период еще несломленного политического господства старых сословий, что уже в следующем (9-м) номере газеты мы опять—по поводу отказа гр. Витте удовлетворить требования земского съезда—читаем призыв к либералам о поддержке народного движения. Но в следующем же (10-м) номере Парвус, подобно большевику Каменеву, выражает крайнюю тревогу по поводу именно такого—не шедшего далее столбцов „Руси"—политического плана, который, будучи реализован, означал бы поддержку народного движения имущими классами в наиболее решительной форме: плана самочинного образования „временного правительства" или, точнее, центрального органа общественных организаций для давления на старую власть. Парвус опасается, что создание такого органа перенесет руководство народным движением из Совета Рабочих Депутатов в смешанную по составу организацию и тем ослабит движение. И, так как, в отличие от „большевиков", Парвус не обольщался возможностью искусственно и резко разделить в этой стадии движения буржуазный либерализм и буржуазную демократию и, притянув последнюю к пролетариату, противопоставить их союз либеральным имущим классам, то он с логическим бесстрашием приходит к выводу о том, что пролетариат может, в полном смысле слова, сам себе довлеть. Пролетариату, заявляет он, не нужна поддержка буржуазной демократии не только для завоевания власти, но даже и для остановки производства. Таким образом, если до 17 октября тактика, расчитанная на политическую „изоляцию пролетариата", особенно резко критиковалась в „Искре" и была отвергнута на различных конференциях „меньшевистских" организаций, то теперь оно принимается, как неизбежный факт действительности. В 16-м (последнем) номере „Начала" делается попытка обосновать тот окончательный разрыв с буржуазной оппозицией, которая газета связывала с подменой лозунга „Учредительное Собрание" у к.-д. партии лозунгом: „Дума с учредительными функциями". Газета соглашается, что практически политическое значение этой разницы формулы не так уже велико и может быть сглажено в ходе воплощения одного из них в жизнь; дело не в том, объявляется ли созываемое

Собрание с самого начала полновластным или его полновластие достигается в результате борьбы между реакционными и прогрессивными силами. Принципиальное значение имеет вопрос: *кто созывает* и, в зависимости от этого, созывается ли Собрание при условии предварительно обеспеченного революционного давления *сверху* или нет, и именно по этой линии должна происходить в данный момент размежевка между контр-революционными и прогрессивными элементами. Такая постановка вопроса являлась по существу присоединением к тактической формуле большевистского „третьего“ съезда и плохо вязалась с тактическими резолюциями меньшевистской конференции, исходившей из необходимости для пролетариата не разрывать окончательно с буржуазной оппозицией до момента перехода власти в ее руки и отвергавшей, в качестве единственного допустимого для демократии пути, путь к „временному правительству“. Она как бы признавала уже совершенно законченной ту стадию общественного кризиса, в которой разыгрывалась борьба за власть между буржуазной и дворянской частями имущих классов и законченной на условиях полной капитуляции первой перед второй, — ту стадию, для всего протяжения которой „меньшевизм“ в „Искре“ тщательно разработал и марксистской теорией обосновал целесообразную тактику. Известная аберрация политического зрения произошла в этом отношении и извиняющим „меньшевиков“ обстоятельством являлись не те шатания и измены либерализма, которые имели место в течение всех „дней свободы“ и в которых не было ничего неожиданного, но то его исчезновение с политической арены, как политического фактора, борющегося за влияние на массы, которое является характерной чертой этого периода, и которое, в конечном счете, объяснялось совершившимся в течение этого времени процессом ликвидации *земско-дворянских* основ либерализма и необходимостью для либеральной партии перестраивать свои ряды на иной классовой основе. Поразительная беспомощность либеральной партии и сдача ею „левым“ почти без боя всех позиций в *народном* движении создавала возможность той иллюзии, будто на политической арене непосредственно соприкасаются два лагеря: правительственный и социалистический, между которыми лишь путаются бессильные кучки буржуазных идеологов.

Эта иллюзия должна была фатально отразиться на изменении традиционного взгляда на самое историческое значение

и социальное содержание переживаемого кризиса. Уже, как мы видели, после 9 января Троцкий и Парвус разделались с программным признанием этого кризиса „буржуазной революцией“, а „большевики“ вступили в непримиримое противоречие между этим признанием и провозглашением завоевания власти пролетариатом—необходимым залогом успешности общественного движения. В период „дней свободы“ обе фракции своей тактикой толкались к более решительному пересмотру этого программного тезиса.

В программной статье № 1 „Начала“, принадлежащей перу *Парвуса*, эта „ревизионистская“, по отношению к программе, тенденция сказывается только в двусмысленном термине „рабочая демократия“; которым автор обозначает политическую цель движения. Объясняя этот термин, он указывает, что соответствующий ему политический строй формально покрывается ходячим термином „буржуазной демократии“, т.-е. конституции, всецело покоящейся на народном суверенитете и политическом равенстве; только в этой конституции, в отличие от типичных мещанских демократий, особо ограждены, благодаря давлению сознательного рабочего класса, специальные его интересы неограниченных политических „свобод“, полная свобода коалиций, ограничение рабочего дня и т. д. С № 7 газеты начинают яснее слышаться ноты такого „ревизионизма“. В передовой статье № 7, посвященной крестьянскому вопросу, указывается, что не исключена возможность такого затяжного хода общественного кризиса, при котором буржуазный переворот непосредственно превратится в социалистический. Характер переворота лишь косвенно определяется степенью развития производительных сил: он ею определяется через посредство борьбы классов, а в последней известную роль играет элемент относительно „случайный“. Здесь, не договаривая, автор повторял то, что говорила резолюция майской меньшевистской конференции о „захвате власти“: последняя указывала, что перипетии гражданской войны могут передать власть пролетариату и в ходе буржуазного переворота и настаивала на том, что, не стремясь к получению власти, пролетариат, если-б такая комбинация имела место, был бы вынужден итти до конца и пытаться осуществлять полностью свою программу. Принимая эту резолюцию против взглядов „большевиков“ и Парвуса-Троцкого, „меньшевики“ подчеркивали *трагический* характер такой перспективы, которая могла бы стать реаль-

ностью лишь при условии слабости и недозрелости тех слоев буржуазии, политическое господство которых предопределялось данной степенью развития производительных сил. Перед ними носилась перспектива новой Парижской Коммуны и они подчеркивали, что марксистская партия не может ставить себе целью овладение государством при условиях неизбежности финала Коммуны. В № 7 „Начала" эта оборотная сторона медали оставляется в тени, из „нужды" делается почти „добродетель" и перспектива верного поражения изображается так, как если бы говорилось об обеспеченной победе. В № 10 Н. Троцкий делает дальнейший шаг и говорит о „непрерывной революции", как принципе, лежащем в основе социалистической тактики. Эта непрерывность понимается отнюдь не как простое, присущее каждой передовой партии, стремление довести переворот до его „логического конца", определяемого основной исторической задачей, вытекающей из данного состояния производительных сил. По Троцкому, „непрерывность революции", являющаяся „законом самосохранения пролетариата", заключается в том, что „между ближайшей и конечной целью устанавливается революционная непрерывность". В № 23 „Новой Жизни", в свою очередь, шедшей от теории „третьего съезда" о „временной диктатуре пролетариата и крестьянства" к идее непосредственного социалистического переворота, мысль Троцкого подвергается конкретизации. „Революция будет непрерывной; концом же ее, несомненно, будет диктатура пролетариата" „Политическая демократия", — прибавляет газета,—„только этап".

Словно нарочно, чтобы подчеркнуть отступление русских социал-демократов от теоретических основ их программы, в том же 10-м номере „Начала", где с наибольшей необузданностью развиты утопические идеи Троцкого и Парвуса, помещена, переведенная из „Die Neue Zeit", статья Фр. Меринга о „непрерывной революции", в которой немецкий марксистский теоретик, впервые применивший к русским событиям этот термин К. Маркса из эпохи 1848 года, точно и ясно формулировал соответствующее духу научного социализма понимание этой идеи. „Русские рабочие,—заявляет Меринг,—не властны перепрыгнуть через ступени исторического развития и перейти. по мановению руки, от абсолютизма к социалистическому строю. Но они могут сократить и сгладить путь своей борьбы за окончательное освобождение... Они не могут вписать в консти-

туцию пункт о диктатуре пролетариата, не могут добиться всеобщего избирательного права, права коалиций, законодательной нормировки рабочего дня, неограниченной свободы слова и печати". И самая „непрерывная революция", по Мерингу, заключается в том, что „пролетариат ни на минуту не сложит оружия и не допустит, чтобы буржуазия сделала хотя один шаг вперед без того, чтобы и сам он не продвинулся вперед на один шаг" Это значило, что расширение ближайших целей пролетариата ставилось в прямую и определенную зависимость от широты размаха движения буржуазии: чем дальше она пойдет по пути ломки старого порядка, тем больше сможет отвоевать для себя пролетариат. Но такая концепция, вполне покрывавшая меньшевистские взгляды до октябрьского времени, решительно противоречила идеям самого „Начала" о „непрерывной революции", предполагавшим, напротив, что, чем меньше „шагов вперед" сделает буржуазия по пути буржуазного переворота, тем дальше пролетариат умчится в направлении к своей конечной цели. В № 15 „Начала" эта мысль выражена в условнов форме в статье „Революция—творец". „Революция,—говорится здесь,—может оказаться непрерывным процессом, идущим вплоть до социалистического преобразования, если демократия окажется бессильной утвердить свое господство" Здесь опять бессилие буржуазной демократии должно было вести не к краху всего движения, а к его вящшей и более полной победе. Так, даже у „меньшевиков" в конце 1905 г., как у „большевиков" и Парвуса-Троцкого в начале его, обнаруживался „рецидив" того социально-революционного субъективизма, который за 25 лет до того обнаруживали Л. Тихомиров и другие „народовольцы", когда, констатируя безнадежное, на их взгляд, отсутствие социально-экономических предпосылок для торжества буржуазного парламентаризма в России, делали отсюда вывод не о малых шансах немедленной победы над старым порядком, но о неизбежности непосредственного перехода от него к социализму.

Если „меньшевиков" к отступлению от их прежней позиции толкало отсутствие, как активной силы, буржуазного претендента на власть в момент наибольшего успеха общественного движения и наибольшего развала старой государственности,—то „большевикам" такое отступление навязывало аналогичное отсутствие на политической арене той сильной крестьянской партии, которая, по их представлениям, должна

была в союзе с рабочей партией итти к власти против дворянства и буржуазии одновременно. С 23-го номера „Новой Жизни“ начинаются попытки перекинуть мост от „диктатуры пролетариата и крестьянства“ к непосредственно-социалистическому преобразованию. А. Луначарский доказывает неизбежность обобществления главных отраслей производства.

В конечном счете, шаткость теоретической позиции обеих фракций в „дни свободы“ определялась той мертвой точкой, к которой пришло в данный момент общенациональное движение, одержавшее 17 октября крупнейшую принципиальную победу при условиях, делавших невозможной реализацию этой победы в полной мере. Политическая слабость буржуазной оппозиции и медленность нарастания крестьянского движения и особенно политической его организованности, ставили пролетариат в изолированное положение на той аванпостной позиции, на которой ему приходилось отстаивать от организующейся контр-революции завоевания предыдущего движения. И, в свою очередь, шаткость теоретической позиции, при отсутствии нормально функционирующей массовой организации у партии, мешала ей явиться по отношению к находившимся в авангарде массам в роли организатора тех движений и маневров, которые являлись необходимыми для подготовки будущих битв и для предотвращения их наступления в условиях, неблагоприятних для победы.

Партия поняла, что залог дальнейших успехов—в использовании развала полицейской государственности для широкой организации сил пролетариата. Работа в этом направлении велась громадная. Но ее благотворные результаты парализовались политической беспомощностью социал-демократии перед теми стихийными порывами, в которых проявлялось *метание* пролетарских масс, их инстинктивное сремление продолжать во что бы то ни стало раз начавшееся движение, идя по линии наименьшего психологического сопротивления. Невозможность в данный момент брать с бою новые *политические* позиции была ясна массам; они бросались в сторону непосредственно-экономической борьбы, внося в нее те приемы, которые в период с января по октябрь успешно были применены в борьбе политической. С конца октября в Петербурге обозначается „захватное“ движение для немедленной реализации восьмичасового рабочего дня. Перед социал-демократией оно ставило вплотную вопрос, в какой мере это движение соответствует

политической задаче, формулированной при прекращении октябрьской забастовки,—задаче подготовки следующей крупной политической битвы. Носившиеся в воздухе представления о „непрерывной революции“ в том утопическом смысле, в котором эту идею развил Н. Троцкий, располагали в пользу признания этого „захватного“ движения средством углубления социально-революционного содержания общественного кризиса. Но и меньшевистские представления о преждевременности самоизоляции пролетариата в начальной стадии борьбы, и большевистские стремления к тому, чтобы не расточать энергии масс в частных движениях в период подготовки „решительного выступления“, одинаково восставали против этого синдикалистского уклона рабочего движения. И, действительно, вожди социал-демократии в глубине души опасались последствий этого шага пролетариата. Но неясность их общей политической позиции и упрощенность революционной агитации, которою сама партия поддерживала в это время брожение в массах, помешали им реализовать свое влияние на Совет Рабочих Депутатов для противодействия стихийным тенденциям. С.-д. пресса приняла движение, как факт, не пытаясь его предотвратить. В „Совете“ представители партии не поддержали голоса немногих рабочих, поставивших вопрос о том, что „сначала надо справиться с одним врагом, а потом начинать борьбу против другого“. Движение было развязно и получило партийную санкцию. Оно кончилось крупным—первым в 1905 году—поражением пролетариата: был объявлен организованный по инициативе бюрократии стотысячный локаут. Капиталистическая буржуазия из состояния все еще благожелательного политического нейтралитета перешла к прямой поддержке реакции, силы столичного пролетариата были страшно ослаблены, буржуазные массы впервые с 9 января, увидевшие поражение и отступление рабочих, укрепились в недоверии к силе революции, а „Совет Раб. Деп.“, по справедливому замечанию Н. Череванина [1]), из нападающей стороны превратился в обороняющуюся. Социал-демократии пришлось взять на себя санкцию отступления и объяснять массам необходимость отсрочить дальнейшую борьбу за 8-час. раб. день. Но, связанная своей общей позицией, она делает это в достаточно половинчатой форме. Политические результаты про-

[1]) См. „Борьба обществ. сил“. Москва, 1907 г., выпуск 2-й.

игранного сражения не подчеркиваются, необходимость принимать бой лишь на той арене, где при наличных условиях пролетариат не останется изолированным. не выясняется массам. Взамен того, партийная печать и Совет ограничиваются лишь выяснением необходимости выжидать, организуясь, более благоприятного момента для нового нападения, когда укрепится и расширится крестьянское движение, и не поддаваться на контр-революционную провокацию, стремящуюся преждевременно вызвать общее выступление пролетариата.

Эта половинчатость позиции партии фатально вела к тому, что рано или поздно подобное выступление должно было произойти при условиях, когда подготовленность пролетариата могла лишь *технически* оказаться выше, чем она была в октябре-ноябре. Ибо весь опыт общественного движения учил тому— и в этом пункте сходились все оттенки социал-демократии— что *инициативной* политической роли крестьянское движение, во всяком случае, играть не будет и что, следовательно, политическая инициатива и в дальнейшей борьбе должна принадлежать городу. Но, если так, то, советуя пролетариату собирать свои силы и подготовлять условия более успешного наступления, социал-демократия должна была приурочить последнее к тому фазису общественного кризиса, когда отступившие после 17 октября на задний план городские элементы снова придут в движение. Этот фазис намечался сам собою в предстоящих выборах в Государственную Думу, которые должны были снова призвать к активности различные слои городской демократии и буржуазии и дать мощный толчек политическому оформлению сельской демократии, ускоряя темп движения последней. „Задерживающая" пропаганда, которую с средины ноября ведет социал-демократия, тем самым получила бы политическую цель и политическое оправдание. Но этого вывода партия не делала. Лишь в № 14 „Начала" встречается определенное заявление о том, что партия „примет участие в избирательной кампании". Это заявление остается совершенно изолированным и явно противоречит общей линии газеты, рисующей, если не на ближайшее, то на близкое время перспективу решительного столкновения между старым порядком и одной лишь левой демократией с пролетариатом во главе.. Но при такой постановке задач самая позиция „задерживания" масс и подготовки условий успеха наталкивалась на внутренние противоречия, о которые и разбилась. Получи-

лось, то, что всегда случается с „подготовкой решительного боя“ в условиях самоизоляции общественной силы, ведущей подготовку: она, оказывается, не в состоянии выдержать тактику выжидания, ибо удары, нанесенные ей противником, фатально воспринимает, как удары, нанесенные самому тому делу, в интересах которого пропагандируется выжидание, и начинает опасаться того, что при дальнейшем выжидании растеряет одну за другой свои боевые позиции. Это именно и случилось с социал-демократией. Начав с увещания не поддаваться на провокацию контр-революционных сил и демонстрацией своего собственного одиночества, поощрив эти силы контр-революции к усиленной провокации, она вскоре же очутилась перед перспективой добровольного отступления с главных занятых ею организационных позиций, и, усмотрев в этой перспективе опасность лишиться главных орудий подготовки будущего наступления, бросила тактику выжидания и открыла бой при условиях, далеких от гарантий успеха. На разгром Совета Депутатов и закрытие левых газет она ответила отказом от дальнейшего удерживания масс и призывом к новой всеобщей забастовке, которая, как говорилось в объединенном „Северном Голосе“, сменившем закрытые „Начало“ и „Нов. Жизнь“, должна была не прекращаться до удовлетворения всех демократических требований и превратиться в вооруженное восстание. Этим призывом партия лишь санкционировала движение, которое началось бы без нее в силу всей логики создавшегося для пролетариата положения, из которого он, убежденный в неизбежности и спасительности изоляции его движения от других общественных сил (кроме крестьянства), не видел иного выхода, как в выступлении до того момента, когда все организованные им центры будут по одиночке разбиты.

Она его санкционировала, далекая от уверенности в возможности политического успеха при данном соотношении сил— без энтузиазма и самообмана.

В декабрьском движении организации партии повсюду играли активную роль и добросовестно следовали везде, где имели для этого силы, паролю стремиться перевести его в „высшую форму“ прямой вооруженной борьбы. Это участие партии в восстаниях переполнило каторжные тюрьмы сотнями ее членов и стоило жизни десяткам других—особенно в Коломне, Прибалтийском крае, Гурии, Донецком бассейне и Восточной Сибири. В Коломне, между другими, был расстрелян

пом. пр. пов. Тарарыкин, в Забайкалье—бывший офицер Костюшко-Валюжанич, рабочий Ив. Бабушкин и многие др., в Екатеринославе, спустя еще 4 года, по приговорам военных судов, были казнены десятки рабочих—членов с.-д. партии.

Разумеется, ближайшим результатом стачки-восстания был разгром с.-д. местных организаций, закрытие клубов, союзов и газет. Но уже очень скоро обнаружилось, что партия менее всего может считаться разбитой на голову. Уже в феврале 1906 года организационная жизнь (в несколько менее открытых формах) кипела ключем. И именно этот факт засвидетельствовал ту политическую аберрацию, в которой пребывали в декабре вожди партии, когда думали, что имеют пред собой, в виде ареста Сов. Р. Д. и закрытие с.-д. газет, начало обдуманного систематического похода, имеющего целью и могущего разбить рабочую организацию по частям. Контр-революция, несмотря на декабрьскую победу, не чувствовала себя в силах пытаться устранить социалистические партии с политической арены,—тем менее ставила она себе эту цель, арестуя С. Р. Д. Шквал полицейских репрессий, пронесшийся в декабре по всей стране, не коснулся легально живших политических руководителей социал-демократии—ее литературного штаба—и почти открыто существовавших ее организационных партийных центров. Таким образом, есть основание утверждать, что в начале декабря руководители партии переоценивали не только силы, которые стояли за ними, но и степень той необходимости, которая, по их мнению, толкала рабочую партию на немедленное выступление.

ГЛАВА IX.

От декабрьского поражения до созыва 1-ой Думы.

Как сказано, с.-д. организации относительно быстро стали оправляться от декабрьского разгрома, хотя последний и вырвал из их рядов тысячи работников. Открытые политические клубы и „Советы Рабочих Депутатов“ исчезли, но часть профессиональных союзов уцелела, а тайные собрания членов партии могли кое-как продолжаться. Ежедневные партийные газеты прекратились, но отдельные периодические издания, вроде большевистского „Вестника Жизни“ и меньшевистских „Откликов Современности“ в Петербурге, продолжали выхо-

дить. На первом плане среди забот партии стояла теперь задача созыва „объединительного“ съезда, решенного на ноябрьских конференциях обеих фракций. Последними был образован „Объединенный центральный комитет“ в составе шести членов (по 3 от фракции) [1]), который и занялся подготовкой съезда. Этому же центральному комитету пришлось решать вставший перед всей прогрессивной частью общества вопрос о выборах в 1-ую Госуд. Думу.

Этот вопрос снова в острой форме вызвал к жизни разногласия между фракциями, затихшие во время „дней свободы“. Традиция меньшевиков, сложившаяся в период „Булыгинской“ Думы, была враждебна „бойкоту“. „Мы примем участие в избирательной кампании“, писало „Начало“, в самый разгар своих надежд на близкую радикальную победу освободительного движения. Лишь в небольшой части „меньшевиков“ в провинции наблюдалось „бойкотистское“ настроение. Напротив, как среди большевиков, так и в национальных с.-д. организациях бойкотизм царил всецело. На большевистской конференции в ноябре 1905 года Ленин и другие лидеры склонялись к признанию желательности участия в выборах, но сочли полезным уступить делегатам Центра и Урала, резко противопоставлявшим участие в выборах принципу непримиримой борьбы с реакцией за полную демократизацию. После декабря для этой фракции вопрос о бойкотировании выборов и Думы стал вопросом об оправдании ноябрьско-декабрьской тактики. Народ, говорили ее представители, не разбит в декабре: напротив, декабрь обнаружил стремление пролетариата перейти к „высшей форме“ непосредственной борьбы. Генерализация этого стремления, его распространение на всю демократию, является очередной задачей, выполнению которой непримиримо противоречит участие в „комедии выборов“ в мнимо-конституционное учреждение, имеющее целью обман народа путем контр-революционной сделки между старой властью и буржуазией. Участие в выборах может лишь плодить „конституционные иллюзии“ и тем тормозить дело мобилизации народных сил для прямой борьбы.

При этом такое участие демократии в выборах может лишь укрепить контр-революционную партию народной свободы, так как социалисты окажутся не в состоянии вести свободно аги-

[1]) Л. Красин, А. Лалаянц и И. Саммер от большевиков, В. Крохмаль А. Тарасевич и И. Иорданский—от меньшевиков.

тацию и самый призыв их к участию в выборной кампании может оказаться „провокацией". Разговоры о самостоятельном участии в выборах останутся фразой, и рабочим придется своими голосами поддерживать к.-д., чтобы помешать победе черной сотни. Надежды на прогрессивную роль самой Думы неосновательны: правительство „сделает" выборы так, чтобы в лучшем случае допустить в качестве невлиятельной крайней левой кучку к.-д. Поэтому участию в выборах должен быть социал-демократией противопоставлен бойкот их, имеющий целью вырыть пропасть между лженародным представительством и народными массами, отделить контр-революционные „соглашательские" элементы буржуазного либерализма от демократии, способной к дальнейшему движению, и сплотить последнюю вокруг пролетариата.

Эту именно позицию защищал Н. Ленин в статье о бойкоте, помещенной в № 2 „Партийных Известий", изданных объединенным комитетом. Противоположную точку зрения развил, в том же листке, Ф. Дан. С поражением декабрьского движения политический центр переходит к Госуд. Думе. Вокруг нее сконцентрируются все оппозиционные силы и, в частности, неизрасходованные еще в битвах „дней свободы" силы крестьянства и городской демократии, только начинающие пробуждаться. В меньшинстве или в большинстве, оппозиция в Думе станет узловым пунктом еще неоформленных социально-политических движений. Ее борьба за власть или за уступки народу будет политически развивать отсталые массы. Участвуя в самом процессе выборов, социал-демократия соберет вокруг выдвигаемых ею крайних демократических лозунгов те общественные элементы, которые переросли политику „соглашательства", и организует, таким образом, политическую силу, способную двигать будущую Думу влево и не дать ей заключить со старой властью контр-революционное соглашение. В создаваемых многостепенной избирательной системой коллегиях уполномоченных и выборщиков общественное движение получает новые естественные центры сплочения, могущие, как в 1789 г. во Франции, сыграть большую роль в деле борьбы за политическую свободу; для рабочего же класса эти коллегии могут стать, подобно октябрьским „Советам", его признанным классовым представительством.

Дабы облегчить дело соглашения с другой фракцией, меньшевики оставляли открытым вопрос о том, должно ли

участие в выборах завершиться попыткой провести в Думу кандидатов партии, или должно быть использовано исключительно в организационных и агитационных целях? Как возможность, Ф. Дан и другие публицисты допускали, что дело ограничится участием с.-д. в коллегиях уполномоченных и выборщиков, которые откажутся выбирать в Думу, предъявляя требование созыва суверенного и демократического представительного органа. Эта уступка была проведена еще дальше представителями меньшевиков в объединенном Центральном Комитете, который в циркулярном письме предложил организациям проводить на местах один из двух, равно рекомендуемых, планов: либо бойкот с начала до конца, либо участие во всех стадиях выборов, кроме последней, с отказом выставлять кандидатуры в самую Думу. Тем самым меньшевистская тактика лишалась законченности и весь план повисал в воздухе. Благодаря этому, громадное большинство партийных организаций избрали большевистский план, как более цельный и простой, — там же, где меньшевики отвергали бойкот, они либо с самого начала ставили себе целью „дойти до конца", либо, втянувшись в избирательную кампанию с намерением оборвать ее по избрании выборщиков, были вынуждены, считаясь с желаниями избирателей, нарушить партийный запрет.

Дискуссия об участии в выборах и бойкоте оживила партийные круги и способствовала возрождению разбитых организаций. В то же время она заставила обе стороны формулировать свои взгляды на более широкие тактические проблемы. „Меньшевики" пересмотрели свою линию поведения в „дни свободы" и выправляли ее в соответствии с прежней традицией: борьбу за крайние лозунги демократии они теперь не противоставляли естественному ходу общественного кризиса, ставившего в политическом центре орган созываемого старой властью представительства, а пытались вести, опираясь на этот процесс. Соответственно этому они вернулись к дооктябрьской тактике в отношении к буржуазной оппозиции и подчеркивали возможность для демократии идти рядом с ней до известного пункта. Напротив, большевики формулировали партийную политику, как прямое и логическое продолжение декабрьской попытки, переведшей борьбу демократии в плоскость „гражданской войны", не допускающей ни хотя бы формального сотрудничества с силами реакции в легальных учреждениях.

ни хотя бы частного и временного согласования действий с буржуазией, стоящей на почве мирной борьбы.

Национальные с.-д. организации — польская, еврейская и латышская—целиком восприняли тактику бойкота.

Несмотря на официальное решение о бойкоте, отдельные рабочие-социал-демократы принимали избрание в уполномоченные и выборщики там, где массы желали участвовать в выборах. Так, по рабочей курии в Московской губернии из 17 выборщиков было избрано 8 социал-демократов, в Москве из 18 — 11 с.-д., в Киевской губ. из 7 — 2 с.-д. и т. д. В г. Киеве и некоторых других пунктах была проведена тактика „частичного бойкота", т.-е. участия в выборе уполномоченных и отказа от дальнейших выборов; здесь большинство уполномоченных оказались с.-д. В Екатеринославской губ. намечена была партийной организацией та же тактика, но избранные уполномоченные - социал - демократы не пожелали остановиться на первой стадии выборов и провели полный состав с.-д. выборщиков, а последние добились избрания в Думу своего представителя — горнорабочего М. И. Михайличенко. Вместе с ним в Думу попал целый ряд рабочих депутатов, более или менее тяготеющих к социал - демократии: Савельев—в Москве, Чурюков—в Московской губернии, Рогов—в Пензенской, Смирнов—в Костромской, Медведев — в Воронежской, Диденко—в Харьковской, Ильин — в Херсонской, Выровой—в Киевской, Ершов—в Казанской, Антонов—в Пермской. Крестьянин-социал-демократ Шувалов был избран в Самарской губ. Избрание всех этих депутатов было возможно лишь вследствие той избирательной победы, которую одержали во множестве губерний левые крестьяне, образовывавшие вместе с к.-д. большинство в коллегиях выборщиков и охотно уделявшие место представителю рабочих.

Хотя в Петербурге, Риге, Варшаве и целом ряде других городов демонстрация „бойкота" была проведена блестяще, результаты выборов явились наглядным свидетельством ошибки, принятой с.-д. партией тактики. Крестьянская и городская демократия, вопреки ожиданиям и надеждам „большевиков", сплотилась не вокруг социалистических партий, звавших к бойкоту, а вокруг кадетов, призывавших к участию в Думе. Столь долго ожидавшаяся партия левого крестьянства возникла не в ходе разрыва крестьянства с Думой, а напротив, — в лице „трудовиков", — в ходе приобще-

ния крестьянства к созданному созывом Думы новому политическому центру. Изолированной оказалась не „соглашательская“ буржуазная оппозиция, а социалистический пролетариат.

Происходившие в течение апреля выборы на партийный съезд отразили разочарование и недовольство „бойкотной“ тактикой: меньшевики получили перевес над большевиками как в Петербурге, так и во всей России. „Объединительный“ съезд признал необходимость партийного участия в выборах для тех губерний, в которых к тому времени они еще не были произведены, чем развязал руки кавказским организациям, с самого начала стремившимся всесторонне использовать избирательную кампанию. В Кубанской и Терской областях все уполномоченные по рабочей курии оказались с.-д. В Баку все 3 места выборщиков по рабочей курии были завоеваны социал-демократией; по городской курии—27 мест из 80-ти. В Тифлисе за кандидатов социал-демократии было подано 8.078 голосов против 4.173, поданных за все остальные партии, из 80 выборщиков 72 были с.-д.; ими в Госуд. Думу был избран лидер кавказской социал-демократии Ной Жордания. В Батуме с.-д. получили 2.477 против 1.031, поданных за другие партии. От Тифлисской губернии прошел в Думу с.-д. Церетелли. В Кутаисской губернии все выборщики от крестьян были социал-демократы. В г. Кутаисе за с.-д. кандидатов подано в среднем 983 голоса против 639, поданных за другие партии. На губернском собрании все 3 места депутатов были завоеваны социал-демократами (учителем Рамишвили, врачем Гомартели и адвокатом Джапаридзе). Везде на Кавказе избирательная кампания велась строго-партийно и с большим воодушевлением.

В Сибири избирательные успехи с.-д. выразились избранием в депутаты от Акмолинской губернии д-ра Ишерского большинством 14 выборщиков против 5.

В подготовительной работе к „объединительному“ съезду, рядом с вопросом об отношении к Госуд. Думе и тесно с ним связанным вопросом о политических перспективах ближайшего будущего, существенную роль играл вопрос *аграрный*. Если в течение 1905 года большей частью социал-демократии был воспринят принцип поддержки крестьянских требований вплоть до требования экспроприации всей помещичьей земли, то в вопросе о том, что делать с этой землей, мнения резко

расходились. Одни считали единственно приемлемым „раздел“ земли между малоземельными крестьянами в полную собственность. Эта программа вызывала возражения с точки зрения недопустимости для социалистической партии отстаивать расширение и укрепление частной собственности; ее сторонники указывали, что такое расширение при данных исторических условиях, во всяком случае, явится экономическим прогрессом, поскольку освободит земледелие от кабальных отношений. Н. Ленин, автор прежней аграрной программы с.-д., ограничивавшейся требованием передачи крестьянам „отрезных земель“, входивших до 1861 года в состав их хозяйства, теперь решительно выступил с требованием *национализации всей земли*, как отчужденной от помещиков, так и крестьянской надельной. Видя в национализации земельной ренты наиболее верный способ обеспечить капиталистический прогресс в земледелии, Ленин приурочивал ее к завоеванию политической демократии которой экономической базой она должна была явиться. Эта постановка вопроса явилась логическим выводом из теории „диктатуры пролетариата и крестьянства“, выработанной в 1905 году. Национализованная земля должна была явиться могучим оружием для удержания передовой партией той власти, которую ей, по мнению „большевиков“, вручит ход событий. Тенденция крестьянского движения, сплоченного вокруг требования земли, вновь распылиться и распасться на составные части, должна была быть парализованной посредством этой меры, тогда как переход помещичьей земли в частную собственность крестьян, удовлетворив последних, порвал бы их политическую связь с пролетариатом и сделал бы их опорой буржуазного режима. С критикой этих взглядов выступили П. П. Маслов и особенно Г. В. Плеханов. Последний в лозунге „национализации“ усматривал демагогическую спекуляцию революционной партии на те традиционные идеи русского крестьянства, которые, будучи выработаны вековым его *государственным закрепощением*, питали его политическую приниженность и его абсолютистские симпатии. Выдвигание лозунга „национализации“, во имя ее осуществления при условии полной демократизации государства, укрепляет в сознании народа „экономическую основу старого порядка“—принадлежность крестьянской земли государству. Всякая попытка реставрации нашла бы в институте национализации земли удобное средство приковать к себе

крестьянские массы. В противовес програме Ленина, Плеханов, допускавший, как меньшее зло, раздел помещичьей земли, отстаивал вместе с Масловым, выдвинувшим свой проект еще в 1902 году, програму „муниципализации“, то-есть передачи государственных и частновладельческих земель в руки демократических органов областного самоуправленяя с тем, чтобы социал-демократия требовала сдачи в аренду крестьянам этих земель за исключением капиталистически-организованных имений, в которых должно было вестись общественное хозяйство. Програма „муниципализации“ встречала особенную поддержку на Кавказе и в Юго-Западном крае, где с.-д. имела опору в сельском пролетариате и мелких арендаторах.

На основании соглашения, состоявшегося между центрами обеих фракций (Центр. К-т и Организ. К-сия), съезд для объединения партии был созван в Стокгольме весною 1906 г. Все организованные рабочие должны были принять участие в выборах делегатов с тем, чтобы 1 делегат представлял 300 избирателей. Выборы были обычно двухстепенными: собрание избранных от небольших собраний выборщиков назначили делегатов на съезд. Первичные выборы происходили „по платформам“: обе фракции выработали ряд проектов резолюций по порядку дня съезда и результаты дискуссии по этим резолюциям как бы давали императивный мандат избранному защищать определенную позицию во всех спорных вопросах. В известных пределах обеспечивалось право меньшинства. Выборы происходили под взаимным контролем обеих фракций, что не устранило, однако, оспаривания ряда мандатов на самом съезде. Представители Бунда, с.-д. Польши и Литвы, латышской и украинской с.-д. были приглашены на съезд с совещательными голосами для обсуждения на съезде вопроса об их вступлении в общую партию.

На съезде с решающими голосами было представлено 57 местных организаций 111 делегатами, а именно: из Северного района 15 (11 от Петербурга, 1——от Риги, 1—от Ревеля и 2—от финляндской военной орг-ции); из Западного—7 (Смоленск, Вильна, Витебск, Двинск, Сморгонь, Могилев, Минск); Центрального—26 (Москва—13, Московский округ—3, Тверь—1, Тула—1, Воронеж—1, Владимир—1, Иваново-Вознесенск—2, Кострома—1, Кинешма—1, Ярославль—1, Орел и Брянск—1); из Волжского—6 (Нижний Новгород—2, Самара—2, Астрахань и Саратов по 1); Южного района—25 (Киев—1,

„Спилка“—2, Курск—1, Чернигов—1, Полтава—1, Клинцы—1, Харьков—1, Екатеринослав—3, Донецкий район—5, Ростов—1, Феодосия—1, Мелитополь—1, Николаев—1, Одесса—3, Елисаветград—1, Кишинев—1); из Кавказа—25 (Тифлис—11, Гурия—3, Баку—3; Северн. Кавказ—3, Кутаис—2, Батум—1, Поти—1, Эривань—1); из Уральского района—4 (Пермь, Воткинский завод, Уфа, Тагинский завод); из Азиатских владений — 3 (Томск и Омск—1, Ташкент—1, Туркестан—1). Кроме того, представлены были с совещательными голосами организации Казани, Калуги, Самарканда и центров Сибирского союза и Южно-Русского района. Вместе с должностными лицами партии и гостями число участников съезда дошло до 156.

Выборы на съезд дали перевес в 12 — 15 голосов „меньшевистскому“ направлению. Это обстоятельство объяснялось, главным образом, опытом „дней свободы“, когда центрами движения стали „Советы рабочих депутатов“, воплотившие в себе пропагандировавшуюся меньшевиками идею открытых массовых организаций, и крахом тактики бойкота выборов, равно как образовавшейся, вопреки этой тактике, группой рабочих депутатов в I-й Думе. В то же время на местах замечалась известная реакция против общей тенденции к форсированию событий, проявленной центрами обеих фракций и подвергавшейся критике Плеханова. В частности, меньшевики овладели большинством представительства в Петербурге (6 из 11). Их главную силу составляли Юг и Кавказ, тогда как силу большевиков—центральный район и Урал.

В дебатах по аграрному вопросу, которыми начались занятия съезда, резко столкнулись точки зрения Н. Ленина, за которым, однако, шла лишь часть „большевиков“, и сторонников Плеханова и Маслова. Главным пунктом спора явился вопрос о политическом значении противопоставленных одна другой аграрных программ. Видя в „национализации“ одну из составных частей коренного демократического преобразования, проводимого силами пролетариата и крестьянства против всей буржуазии, Ленин и поддерживавший его Войнов обвиняли „меньшевиков“ в стремлении дать решение русского аграрного вопроса, могущее быть осуществленным и при неполной победе демократии. Сторонники „муниципализации“ в этом именно видели ее преимущество и жизненность. Кроме некоторых сторонников „раздела“, на съезде отдельные деле-

гаты обеих фракций высказывались против всякой аграрной *программы* вообще, настаивая на том, чтобы свое стремление поддержать требование крестьянства социал-демократия облекла в форму *тактической* резолюции, подчеркивая этим временный и условный характер ее выступления в пользу этих требований. В своем заключительном слове Плеханов, указав на связь проекта „национализации" с представлениями Ленина о „захвате власти", заявил: „17-е октября ничего не может изменить в нашей оценке идеи захвата власти. Так как предстоящее нам теперь преобразование может быть только мелко-буржуазным, то мы обязаны отказаться от захвата власти. Энгельс говорит, что кто после опыта 1848 года считает, что социалисты могут принять участие во временном буржуазном правительстве, тот или чрезмерно ограничен, или связан с революционным делом только революционной фразой... Но если мы считаем захват власти невозможным, то спрашивается, как мы должны относиться к тому проекту программы, который связан с этим захватом. Если мы отрицаем захват власти, то должны отрицать и эту программу. Те из вас, которые стоят на точке зрения марксизма, должны решительно отвергнуть проект т. Ленина. Он падает вместе с заговорщической идеей захвата власти" [1]).

При голосовании 83 голосами против 21 (при 6 воздержавшихся) был решен в положительном смысле вопрос о принятии аграрной программы. За проект программы, выработанный П. Масловым и несколько видоизмененный комиссией, голосовало 61 против 46, воздержалось 3. Вместе с программой принята резолюция об отношении к крестьянскому движению, объявляющая, что „крестьянское движение, по существу своему мелкобуржуазно", но в своей борьбе за землю имеет революционное значение, и, рядом с поддержкой аграрных требований крестьян и содействием их организациип, ровозглашающая необходимость самостоятельной организации сельско-хозяйственного пролетариата, борьбы против аграрного террора и поджога и перехода крестьянского движения к более решительным формам политической борьбы.

Дебаты по вопросу о современном моменте и классовых задачах пролетариата дали возможность фракциям подвести итоги своему опыту „дней свободы". Докладчик „меньшевиков".

[1]) Протоколы, стр. 118.

А. Мартынов, заявил: „Большевики изображают дело так, что мы поднимаемся со ступеньки на ступеньку: сначала была всеобщая стачка, потом наступила более „уплотненная“ форма борьбы — декабрьское восстание, теперь мы поднимаемся на 3-ю ступень — к победоносному решительному выступлению. Изображать так ход революции, значит, прятать голову в песок. Это—тактика Куропаткина. Спрашиваю товарищей-большевиков, входило ли в их стратегические расчеты наше отступление, входили ли в их расчеты карательные экспедиции, входило ли в их расчеты, чтобы мы были разбиты и были вынуждены уйти в подполье? Вы должны сказать решительно: революция не разбита, но минувший решительный натиск на старый режим закончился поражением“, ибо... „у нас не было еще налицо благоприятного соотношения общественных сил“. Именно: к моменту решительного натиска не сформировалась и не стала в центре движения буржуазная демократия потому, что „разложение абсолютизма шло гораздо быстрее, чем политическая организация общественных сил“. Между тем, общественный кризис, являющийся по историческому содержанию буржуазным, может увенчаться победой над старым порядком лишь при условии, что сформируется и в центре движения станет буржуазная демократия. Поэтому, исход октябрьских и декабрьских дней „был предопределен“. „Нам теперь указывают, что в эти дни меньшевики и большевики действовали вполне солидарно. Это более или менее верно; мы говорили себе: „le vin est tiré, il faut le boire“ [1]). Когда наступил решительный момент, надо действовать решительно, тогда уже поздно рассуждать о благоприятности или неблагоприятности условий борьбы; разница заключалась в том, что мы считали наше положение вынужденным, большевики же к такому положению стремились и считали его нормальным“. Политическая мобилизация буржуазной демократии еще впереди, она будет отныне совершаться в связи с Думой и, пока она еще впереди, буржуазному либерализму предстоит играть прогрессивную роль: поэтому, и бойкотистская тактика и радикальный разрыв с буржуазным либерализмом должны быть отвергнуты [2]).

Кутаисский делегат Картвелов говорил: „Московское восстание, по мнению большевиков, потому было поражено, что

[1]) Вино налито, надо его выпить.
[2]) Протоколы, стр. 163—165.

не было в техническом отношении подготовлено; меньшевики, наоборот, думают, что причину поражения нужно искать не в отсутствии технической подготовки, а совершенно в другом. После октябрьских событий на поле битвы остался один пролетариат, он был изолирован... На авансцену не были еще выдвинуты новые слои мелкой городской и сельской буржуазии... Для нас после декабрьского поражения стало ясно, что необходимо выдвинуть на сцену новые слои мелкой городской буржуазии и крестьянства, еще не затронутые движением. Этого можно было бы достичь, если бы наша партия использовала выборы в Г. Думу"[1]). Тактику бойкота защищал представитель „Бунда", Абрамович, говоря: „Наша тактика бойкота *еще теперь* не принесла непосредственно всех своих плодов; она еще оправдает себя в глазах народа, когда он прозреет. Теперь же,—говорил оратор,—надо подумать об использовании Думы"[2]). Большевистские ораторы обличали „меньшевиков" в отказе от надежд на радикальное разрешение кризиса и в стремлении к мирному конституционному развитию. „Плеханов,—говорил Войнов,—хотел бы поставить борьбу под знамя *старой веры*... Неужели под старой верой разумеют пугливое старообрядчество и неспособность подыматься до нового положения, какого с.-д. еще нигде не переживала?"[3]). „Плеханов,—говорил Н. Алексеев (Г. Алексинский),—рад, что его хвалят либералы, так как этим, по его мнению, изолируется реакция, но если либералы одобряли Плеханова, то, конечно, не за революционность его позиции, а за то, что он отдалялся от революции"[4]). „Меньшевики,—заявил Ленин,—исходят из предпосылок подъема революции и в то же время рекомендуют средства, которые соответствуют не подъему, а упадку ее. Этим они играют на руку кадетам"[5]). Развивая эту мысль, делегат Московской окружной организации, Васильев, сказал: „Наша партия бьется при попытках стать при теперешних событиях на надлежащую высоту, но шаблонные приемы организации на экономической и политической почве тянут ее книзу. Нам не дают ничего нового, нам повторяют призыв... организовывать пролетариат на почве экономической и политической борьбы. Нас привязывают этим

---

1) Ibid., стр. 177.
2) Ibid., стр. 135.
3) Ibid., стр. 168.
4) Ibid., стр. 169.
5) Ibid., стр. 202.

к старым шаблонам... Едва представились „легальные возможности“, вся наша партия бросилась по линии наименьшего сопротивления. Отвлекаясь от процесса организовывания в партийном масштабе масс пролетариата, по необходимости на нелегальной почве, мы бросились в об'ятия легальности, мы открыли наши ряды—и партийная организация начала расплываться. И нас снова зовут использовать все легальные возможности“ [1]).

Дебаты по „современному моменту“ не закончились принятием резолюции: большинство с'езда опасалось, что при вскрывшихся непримиримых разногласиях принципиальная резолюция могла бы глубоко расшатать налаженное объединение. За вынесение резолюции голосовали 44 делегата (большевики) против 62.

Дебаты по вопросу о „бойкоте“ возобновились при обсуждении пункта порядка дня „об отношении к Г. Думе“. Докладчиками выступили П. Аксельрод, Н. Ленин и Руденко [2]). В своем обширном докладе П. Аксельрод связал критику большевистских взглядов на методы борьбы за полную победу демократии с критикой отношения той же фракции к методам организации самого рабочего движения. „Резолюция большевиков,—говорил он,—требует абсолютно отрицательного, безусловно враждебного отношения к Думе, как к учреждению, способному лишь питать „конституционные иллюзии“ и, стало быть, служить тормозом для революции и для создания общественной атмосферы, благоприятной делу подготовки решительного выступления. Мы же исходили из убеждения, что Дума, хотя бы она очень короткое время просуществовала, послужит вольным или невольным орудием для того именно, чтобы рассеять в населении „конституционные иллюзии“ и подготовить условия, благоприятные для такого „выступления“ Большевики „потому не могут присоединиться к нашей резолюции, что не хотят признать применительно к данному случаю ее предпосылку, именно, что основным двигателем русской революции является непримиримый антагонизм насущных жизненных потребностей всего общества и национальных интересов капиталистического развития России с сословно-абсолютистским строем. Возлагая, поэтому, все свои надежды и

[1]) Ibid., стр. 191.
[2]) А. Ерманский.

расчеты на удачное вооруженное восстание, технически подготовленное заговорщическим путем, стремясь концентрировать все внимание и все силы нашей партии на такой подготовке, они тем самым бессознательно толкают ее на путь самого что ни на есть буржуазного революционизма". Ибо этот путь „ведет к политическому обезличению пролетариата, потому что, идя по нему, мы систематически готовили бы рабочие массы только к роли боевой физической силы, не имеющей собственной политической воли и организации. Последняя формируется наиболее успешно в атмосфере широкой социальной борьбы, в которой рабочие массы, руководимые с.-д., практически сталкиваются лицом к лицу с организованными силами других классов". С этой точки зрения, „с точки зрения развития классового самосознания и политической самодеятельности пролетариата, самый жалкий, даже каррикатурный парламентаризм,—беру на себя грех утверждать это,—представляет собою громадный плюс по сравнению с теми ничтожными средствами политического развития рабочих масс, которые до сих пор были в нашем распоряжении". Участие рабочей партии в избирательной кампании, придало бы последней более широкий размах и более глубокое содержание. „С вступлением в жизнь Г. Думы у нас впервые создается почва для действительно широкой политической борьбы. Уже по одному этому мы не можем относиться к Думе огульно отрицательно, т.-е. чисто-нигилистически... Мы сделали бы величайшую и грубую ошибку, если бы еще прежде, чем она успеет чем-нибудь проявить себя, устроили ей враждебную встречу со стороны рабочих масс. Хуже того, мы покрыли бы себя позором, если бы встретили вступление Думы в жизнь демонстрациями, возгласами в роде: ату ее! Реакционеры, разумеется, от души поблагодарили бы нас за такой акт наивной „принципиальной выдержанности" [1]). Докладчик отстаивал проект резолюции, выработанный им, Г. Плехановым и Ф. Даном и констатирующий, что созданная, как орудие „поддельного конституционализма", Дума объективными условиями будет вынуждена сыграть роль прогрессивного фактора, почему задачей с.-д. является использовать в интересах демократии как конфликты между правительством и Думой, так и конфликты внутри нее. При наличности в Думе социал-

---

[1]) Протоколы, стр. 229—234.

демократов, подчиняющихся партии, должна быть образована с.-д. фракция. К этой резолюции кавказские делегаты внесли дополнение, констатирующие, что бойкот выборов привел к самоустранению социал-демократии с политической арены, „к которой было приковано внимание широких масс“, и к приобретению к.-д. партией влияния на народные массы, и обязывающее партию выставлять самостоятельных кандидатов в тех местностях, где еще предстоят выборы.

Этой резолюции большевики противоставили свою, утверждавшую: 1) фактическую невозможность для социал-демократии участвовать в выборах, благодаря „избирательному закону 11 декабря и фактическим условиям выборов“, 2) неминуемость „затемнения строго классовой позиции пролетариата“, в случае участия в выборах, 3) правильность тактики бойкота, „давшей возможность с.-д. поддержать лозунг Учредительного Собрания, возложить всю ответственность за Думу на партию к.-д. и предостерегать пролетариат и крестьянскую демократию от конституционных иллюзий. Вследствие этого, резолюция признает вредной попытку образования с.-д. фракции в Думе, как могущую „скомпрометировать“ Р. С.-Д. Р. П., возложив на нее ответственность за особенно вредный тип парламентариев, средний между с.-д. и к.-д. Говоря об использовании конфликтов в Думе, резолюция, в отличие от меньшевистской, отмечает необходимость противопоставлять позицию социал-демократии позициям не всех вообще оппозиционных партий, а лишь кадетской [1]).

Защищая большевистскую позицию, Ленин в своем докладе заявил, что кадеты были совершенно правы, когда требовали, чтобы все оппозиционные избиратели голосовали за одних кандидатов, ибо выступление с.-д. с особым списком могло бы привести к торжеству правых, благодаря раздроблению голосов. Отсюда докладчик делал тот вывод, что при участии в выборах, рабочая партия, под угрозой сыграть в руку черной сотне, не могла бы выставлять самостоятельных кандидатур. Ссылку на то, что деятельность с.-д. в Думе создала бы им трибуну для широкой агитации, Ленин отводил вопросом: „чего стоят наши пожелания относительно широких и откры-

[1]) На съезде была также оглашена резолюция „Бунда“, признающая тактику бойкота правильной и рекомендующая „поддерживать только те действия оппозиционных элементов, которые направлены к ниспровержению Думы“.

тых заявлений перед массами, если у нас, как теперь, будут „Партийные Известия“ Центрального Комитета против бездны кадетских газет“. „Вы говорите, что правительство душит революцию, а забываете, что к.-д. тоже обнаружили уже вполне и всецело стремление душить революцию. Кадетская Дума не может не проявлять свойств кадетской партии“ [1]).

„По нашему, Дума стоит на столбовой дороге революции“, отвечал Ленину в дебатах Г. В. Плеханов: социал-демократия должна итти в то учреждение, с которым связали свои чаяния народные массы. „Тактика бойкота“, заявлял Негорев (Иорданский), была недопустима, она скомпрометировала, опозорила партию... Она нас поставила в хвосте к.-д.“...

„Зачем искать средства для агитации теперь, когда на каждом шагу есть 1000 средств? Если участие в Думе вам нужно только как способ для агитации масс, то у нас есть много других способов“, возражал меньшевикам представитель польской социал-демократии, Варшавский.

„Образование особой парламентской с.-д. фракции в теперешней Г. Думе считаю нежелательным и недопустимым“, говорил член Центрального Комитета Винтер (Красин), а его коллега Шмидт (П. Румянцев) рисовал картину, которая должна будет иметь место в случае вступления с.-д. в Думу: когда последняя решит заняться законодательствованием, „фракция должна будет протестовать и покинуть Думу: но для этого не стоит образовывать фракции“. Сергеев (А. Рыков) шел и дальше и заявил: „Я уверен, что рабочие назовут тактику Аксельрода провокацией в тюрьму, в ссылку, на виселицу“. „Логика жизни подводит меньшевиков к кадетам“.

При голосовании резолюция Плеханова, Аксельрода и Дана была принята 62 голосами против 46 при 3 воздержавшихся. При голосовании редакции отдельных пунктов жаркий бой возгорелся по вопросу об образовании думской с.-д. фракции. Этот пункт был принят 59 голосами против 33. Предложение же кавказцев о выставлении партийных кандидатов в тех округах, где еще не было произведено выборов, принято 77 голосами против 11 при 16 воздержавшихся, при чем часть большевиков, с Лениным во главе, голосовала за это решение: фактически ставившее крест на тактике бойкота.

[1]) Протоколы стр. 240—241.

По вопросу о „решительном выступлении“ съезд принял, после оживленных дебатов, 63 голосами против 40, резолюцию Плеханова, Череванина и Бериева, признающую, что политическое развитие ведет к решительной борьбе за власть и что предпосылкой успеха такой борьбы является участие в движении, рядом с пролетариатом, „широких слоев городской буржуазии и крестьянства“; что, поэтому, основной задачей партии является вовлечение в политическую борьбу широких масс „путем постоянного вмешательства социал-демократии и руководимого ею пролетариата во все проявления политической жизни страны“, что именно этим путем подготовляются благоприятные условия для решительной битвы и что „на обязанности партии лежит противодействие всем попыткам вовлечь пролетариат в вооруженное столкновение при неблагоприятных условиях, чем бы такие попытки не вызывались. Отказываясь от возбуждающего ложные надежды обязательства вооружения народа“, партия признает необходимость организация „дружин“. Отвергнутая контр-революция большевиков, признавая „решительное выступление“ „не только необходимым средством борьбы за свободу, но уже фактически достигнутой ступенью движения, открывающей переход от оборонительных к наступательным действиям“, рекомендует соответствующие практические меры подготовки к этим действиям [1].

В связи с резолюцией по этому вопросу, съезд принял резолюцию о так называемых „партизанских действиях“, которые, в виде террористических актов боевых дружин и экспроприаций, совершаемых в революционных целях, стали быстро распространяться под флагом социал-демократии после разгрома декабрьского движения и рассеяния по стране травимых полицией участников военных и рабочих восстаний. По этому вопросу съезду были представлены две противоположные резолюции. Меньшевистская, исходя из того, что „важнейшая сила революции заключается в ее морально-политическом влиянии на массы, на общество и армию, что... она ставит своей задачей не общественную анархию, а организацию общественных сил“ и что, напротив, задачей контр-революции является вызвать „борьбу каждого против всех и всех против каждого“, отвергает совершаемые партийными организациями

[1]) Внесенная на съезд В. Акимовым резолюция, принципиально отвергающая „вооруженное восстание“, собрала всего два голоса.

и отдельными лицами „экспроприации“. Резолюция большевиков, напротив, признает „партизанские действия“ дезорганизующими реакцию и являющимися неизбежным продолжением декабрьского движения; поэтому, резолюция рекомендует „боевые партизанские действия“ и экспроприацию казенных сумм „под контролем партии“ с тем, чтобы „интересы населения были возможно менее нарушаемы“. В комиссии съезда резолюция большевиков была снята ее авторами, и резолюция, отвергающая партизанские действия, принята почти единогласно. Без дебатов и единогласно была принята резолюция о профессиональных союзах, признающая задачу образования и укрепления этих союзов своевременной и рекомендующая всем членам партии вступить в союзы, „принимая активное участие во всей деятельности союза и постоянно укрепляя среди членов их классовую солидарность и классовое сознание, чтобы органически в борьбе и агитации связать союзы с партией“. „Борясь за полную свободу союзов партия должна, пользуясь всеми легальными возможностями и, в частности, законом о профессиональных союзах, непрерывно расширять рамки легальности“. Наконец, резолюция „решительно высказывается против принципа организации профессиональных союзов по национальностям“. Таким образом, принцип формальной непартийности был санкционирован. Точно также санкционировано стремление меньшевиков „принять“ временные правила 4 марта 1906 года путем регистрации союзов, образовавшихся „явочным порядком“, против чего в Петербурге и центрах профессионального движения боролись большевики.

Затем съезд утвердил договор о вступлении в партию социал-демократии Польши и Литвы на основе областной автономии этой организации, выработал такой же договор о вступлению в партию с.-д. Латышского края и „Бунда“ [1]), при чем первая также приобрела характер областной автономной организации и сохраняла право иметь собственную аграрную программу; „Бунд“ же признавался национальной организацией, „не ограниченной районными рамками“, и сохранял автономию в программе по национальному вопросу. На местах комитеты „Бунда“ должны были составлять общие комитеты с другими организациями партии. Однако, этот

---

[1]) Впоследствии эти организации, утвердив договор, вступили в Р. С.-Д. Р. П.

пункт договора в большинстве мест не был осуществлен. Часть „меньшевиков“, во главе с кавказскими делегатами, требовали более полного и тесного слияния „Бунда“ с партией, но осталась в меньшинстве.

Работы съезда закончились принятием устава партии, установившего ежегодный созыв съезда, избирающего Ц. К. и редакцию центрального органа; все организации должны строиться на „началах демократического централизма“.

Съезд выбрал Центральный Комитет в составе 10 членов [1]; к которым затем присоединились делегаты от Латышской с.-д. (1) и „Бунда“ (2) и редакцию центрального органа. В состав Центрального Комитета, рядом с 7 меньшевиками, избрано 3 большевика.

Формальным объединением партии отнюдь не закончилась внутренняя борьба в рядах социал-демократии. Она, напротив, вспыхнула с новой силой немедленно после съезда и первым поводом к ее возобновлению явились первые шаги партии в сфере Думской деятельности.

ГЛАВА X.

Социал-демократия в период 1-й Думы и непосредственно после ее роспуска.

Попавшие в Думу, при бойкоте ее с.-д. партией, рабочие депутаты вошли в тот пестрый конгломерат, который назвал себя „трудовой группой“. Первым их шагом к политическому самоопределению явилась выработка ими детальной программы по рабочему вопросу, которую они предложили трудовой группе. Программа была трудовой группой принята. Она требовала 8-часового рабочего дня, 42-часового недельного отдыха, охраны женского и детского труда, полного запрещения сверхурочных работ, воспрещения ночного труда, государственного страхования за счет предпринимателей, уголовной ответственности хозяев за нарушение законов об охране труда, реорганизации

---

[1]) В. Розанов, Л. Гольдман, Л. Хинчук, Бахметьев, В. Крохмаль, Л. Радченко, П. Колокольников, В. Десницкий (Строев), А. Рыков, Л. Красин. Позднее А. Рыкова заменил А. Богданов.

фабричной инспекции, бесплатной врачебной помощи, надзора местного самоуправления за гигиеническими условиями жизни рабочих, примирительных камер, обязательного внешкольного образования для рабочих, устройства при фабриках библиотек и читален, уничтожения штрафов, вычетов и обысков. Вместе с тем, программа указывала на необходимость повсеместного восстановления „Советов рабочих депутатов“ для подробной разработки мер по рабочему вопросу.

Одновременно рабочие депутаты, по инициативе Михайличенко, вступили в сношения с меньшевистскими партийными кругами в Петербурге и совещались с ними об образовании отдельной Думской фракции. В ожидании опубликования решений происходившего в то время съезда и результатов выборов на Кавказе, было решено отложить практическое решение этого вопроса, ограничиваясь пока охранением рабочей группы внутри трудовой группы.

Первое самостоятельное политическое выступление рабочих депутатов произошло 4 мая при обсуждении ответного адреса Думы. Херсонский депутат Ильин „от имени всего пролетариата“ протестовал „против всего адреса“ в виду того, что требованием рабочих является Учредительное Собрание. Это заявление повторил Михайличенко в ответ на речь лидера трудовой группы Аладьина, пытавшегося сбить рабочую группу фразой: „Учредительного собрания не требуют—его устраивают“ В виду того, что в печати появились сообщения о том, что ответный адрес принят единогласно, за исключением группы графа Гейдена, в № 6 „Невской Газеты“ появилось от имени „рабочей группы—15 человек“ письмо за подписью Михайличенка, Савельева и Диденка, разъяснявшее, что рабочая группа при этом голосовании воздержалась, но „не хотела только устроить из своего отказа демонстрацию, чтобы не смешаться с группой гр. Гейдена“.

Как только между Думой и правительством обозначился острый конфликт,—последовал ответ правительства на Думский адрес и выражено Думой недоверие кабинету,—рабочая группа обратилась с воззванием „ко всем рабочим России“. В этом воззвании рабочие призывались „поддержать Думу в ее столкновении с бюрократией“. Воззвание указывало, что „рабочий класс мог бы еще много прибавить к тому, что требовала Дума“, и выдвигало требование Учредительного Собрания, но

заявляло, что „подготовить“ созыв последнего сможет именно Дума, поддержанная народом.

Воззвание предостерегало рабочих от провокации и разрозненных вспышек.

Его подписали 14 депутатов: Савельев, Чуриков, Ильин, Диденко, Михайличенко, Смирнов, Рогов, Выровой, Лебедев (Владим. губ.), Ершов, Антонов, Жигиль (Полтавск. губ.), Остроносов (Черниг. губ.), Миронов (Тамбовск. губ.). Из них рабочие депутаты Жигиль, Остроносов и Лебедев впоследствии в состав с.-д. фракции не вошли, оставаясь в трудовой группе, а Миронов вскоре пытался объяснить свою подпись под воззванием недоразумением.

В ответ на воззвание группы, к ней из десятков мест стали обращаться рабочие массы с приветствиями, резолюциями о поддержке и наказами. Таким образом, рабочая группа, вошедшая в Думу в атмосфере бойкотистских настроений среди передовых рабочих и чувствовавшая себя, поэтому, в фальшивом положении, очутилась в центре некоторого массового движения, что ускорило процесс ее партийного самоопределения. С приездом в Петербург кавказских с.-д. депутатов вопрос об образовании партийной фракции подвинулся к разрешению. При участии Центр. К-та с.-д. партии был выработан устав организовавшейся с.-д. Думской фракции, делавшей ее „официальным органом партии, действующим в согласии с решениями партийных съездов под постоянным руководством и контролем ее центральных учреждений“ В состав фракции вошли, кроме 10 из депутатов, подписавших воззвание рабочей группы, еще депутаты: Медведев (Воронеж. губ.), Шувалов (Самарск.), Жордания (Тифлис), бывш. священник Церетели (Тифлис. губ.), Джапаридзе, И. Рамишвили и Гомартели (Кутаисск.), Ишерский (Акмолинск. обл.). Всего—18 человек.

Лишь 16-го июня новая фракция официально выступила в Думе с декларацией, в которой, мотивируя необходимость самостоятельного политического представительства рабочего класса его конечными целями и подчеркивая общедемократическую миссию рабочей партии, провозглашала Г. Думу „центром общенародного движения“ против старого порядка, а ее победу—„этапом в борьбе“ за полновластное представительство и обещала Думе поддержку „всех усилий подчинить себе государственную власть“. Но „пробным камнем серьезности стремлений разных партий“ к демократическому строю декла-

рация объявляла „их готовность содействовать массам в деле планомерной борьбы“ и обещала „всю свою силу направить против всяких стремлений затормозить народное движение обманом бумажных уступок, ложью примирения между хищниками реакции и демократией“.

При обсуждении запросов о Седлецком и Белостокском погромах новая фракция внесла резолюции о предании суду всего состава кабинетов Витте и Горемыкина и о самовооружении населения для самозащиты от погромов. Резко выступила она в лице депутатов Рамишвили, Джапаридзе и Жордания против ограничительных мер в внесенном в Думу к.-д. фракцией законопроекте о свободе собраний. В вопросе о продовольственной помощи населению голодающих губерний фракция предложила отказать правительству в каких-либо кредитах и сосредоточить продовольственное дело в руках самой Думы с образованием комитетов на местах, при чем для покрытия требуемых расходов указала на уничтожение секретных фондов, сокращение военных расходов, уничтожение политического сыска, доходы с кабинетских, церковных и т. п. земель и т. д.

По земельному вопросу фракция приготовила—но не успела внести в Думу—записку с критикой кадетского аграрного проекта и изложением основных начал аграрной реформы в духе программы, принятой Стокгольмским съездом.

В течение всей своей деятельности в І-й Думе с.-д. фракция отстаивала необходимость для Думы выйти из рамок мнимого парламентаризма и вступить на путь организации народных масс. Когда появилось известное правительственное сообщение против Думы и большинство ее решило выступить с обращением к народу, фракция поддержала этот шаг. Но попятный ход, сделанный на следующий день, когда к.-д. партия изменила уже принятый текст обращения, побудил фракцию голосовать против нового текста, подав заявление, в котором обращение Думы характеризовалось, как „укор народу и призыв к спокойствию“.

После роспуска Думы с.-д. фракция сыграла активную роль в деле побуждения съехавшихся в Выборге депутатов к изданию известного воззвания. Большинство ее членов было осуждено по делу о воззвании. Вместе с тем с.-д. фракция совместно с трудовой группой выработала воззвания к крестьянству, армии и флоту.

Параллельно с Думской работой, фракция развила и внедумскую деятельность. При содействии центрального комитета партии с средины мая стали организовываться периодические совещания делегатов от рабочих отдельных заводов и от профессиональных союзов, на которых фракцией делались доклады об ее деятельности и обсуждалась тактика фракции. Всех совещаний было шесть: на 1-м из них участвовало 100, на последнем 270 делегатов. В результате этих совещаний на многих заводах образовались постоянные заводские комитеты из выборных от всех рабочих. В связи с совещаниями устраивались с участием депутатов митинги. Депутаты Диденко, Выровой, Рамишвили и особенно Михайличенко ездили также в провинцию и там выступали на массовых собраниях.

Оживление рабочего движения, связанное с общим народным возбуждением, которое породил созыв Думы, снова создало почву для широкой деятельности с.-д. партии и роста ее организации. К средине мая в Москве организация комитета охватывала 3.260 рабочих, организация не слившейся еще с ним меньшевистской группы—2.060 рабочих. Соответственные размеры принимали с.-д. организации в других центрах. Всевозможные конференции, митинги, дискуссионные собрания поддерживали кипучую жизнь в деле подготовки празднования 1 мая 1906 года и это празднование сошло с невиданным еще в России блеском во всех городах страны. Разлившееся массовое экономическое движение было использовано для усиленного строительства профессиональных союзов. В то же время возродилась партийная ежедневная печать. В Петербурге „Невская Газета" (меньшевистская, заменившаяся затем „Курьером" и „Голосом Труда") и большевистские „Волна" (после „Вперед" и „Эхо") и руководимый частной группой большевиков „Призыв"; в Москве „Светоч", в Полтаве „Колокол" и др.

Государственная Дума стояла в центре внимания народа. Но при выявлении тактики с.-д. партии по отношению к Думе сразу же официально объявленное в Стокгольме единство партии пошатнулось и, чем далее, тем расшатывалось более.

27 апреля — день открытия Г. Думы—силой событий стал национальным праздником, объединившим „общество" и „народ". Меньшевистская „Невская Газета" приняла этот факт за данное и призывала рабочих придать празднику характер

демократической политической манифестации. „Волна“ (см. № 3), напротив, объявила день открытия Думы праздником „контрреволюционной буржуазии“ и призывала рабочих протестовать против закрытия в этот день заводов капиталистами и требовать уплаты заработка за этот день; аргументировалась эта петиция необходимостью подчеркнуть правильность „бойкота“ выборов пролетариатом. Кое-где такие протесты раздавались из среды рабочих масс.

Все внимание „большевиков“ по отношению к Думе было поглощено расслоением ее большинства на кадетское и крестьянское крылья; антагонизм между ними признавался единственным источником тех импульсов, которые деятельность Думы могла дать народному движению; соответственно этому, вся тактика социал-демократии должна была быть направлена на „отрывание трудовиков от к.-д.“ и связывание первых с движением пролетариата в процессе борьбы против „соглашательства“ к.-д. части Думы.

Этой позиции, отвергнутой Стокгольмским съездом, Центр. Ком. партии и „Нев. Газета“ и ее преемники противопоставляли организацию народных масс вокруг Думы, как целого, использование ее конфликтов с бюрократией и давление на нее в целях превращения ее в непосредственное орудие народного движения и в фактор, втягивающий в это движение новые массы. Борьба с либеральным оппортунизмом должна была подчиняться этой цели.

Однако, на первых порах, именно меньшевики, непосредственно направлявшие деятельность рабочих депутатов, должны были резко столкнуться с оппортунистической тенденцией Думского большинства. Отказ последнего включить в свой адрес политические требования демократии положил начало кампании газетной и митинговой, в которой социал-демократия организовывала протест рабочих и демократических масс против этого и аналогичных шагов Думы. Но очень скоро поднятая агитацией меньшевиков волна стала грозить захлестнуть их собственные тактические планы. Созываемые ими в Петербурге митинги, благодаря участию влиятельной большевистской фракции, превратились в место односторонней борьбы с кадетами и с самой Думой, раздувания утихавших было бойкотистских настроений и пропаганды движения вперед, мимо и против Думы, к повторению декабрьского опыта. Возможность такого уклонения давалась, между прочим, политикой правительства,

которое с очевидным умыслом предоставляло относительную свободу левым собирать подобного рода митинги, в то же время попрежнему преследуя собрания, посвященные делу политической и профессиональной организации и подчас запрещая митинги, устраиваемые кадетскими членами Думы. „Невская Газета“ вскоре же заметила опасность и указала рабочим на необходимость ввести критику Думского большинства и протесты против его половинчатой политики в рамки поддержки Думы в ее борьбе с реакцией. Тем не менее, на устраивавшихся в Петербурге митингах продолжало господствовать резкое анти-думское настроение: к.-д. депутатов, являвшихся на эти митинги, часто не хотели выслушивать, и один из районных с.-д. комитетов счел даже долгом опубликовать резолюцию, приглашавшую рабочих давать высказываться всем сторонам. В № 4 „Курьера“ Г. В. Плеханов обратился к рабочим с открытым письмом, в котором предостерегал против громадной политической опасности, грозящей общественному движению от необдуманной тактики крайней левой; призывая использовать Думу, как орудие воздействия на массы, он убеждал не усиливать позиции реакции необдуманными нападками на либеральную оппозицию.

„Большевистская“ пресса („Волна“) ответила Плеханову: рабочие не могут поддерживать кадетскую Думу, и усилила тон своей агитации против Думского большинства. Еще раньше „Волна“ подвергла критике воздержание рабочих депутатов при голосовании Думского адреса, настаивая на необходимости голосования против. Когда же появилось воззвание 14 рабочих депутатов к пролетариату о поддержке Думы в ее конфликте с министерством И. Л. Горемыкина, „Волна“ противопоставила его призыву поддержки Думского большинства лозунг поддержки его левого крыла в процессе отделения последнего от кадет.

Между тем, Центральный Комитет опубликовал резолюцию, в которой приглашал партию мобилизовать рабочие массы для поддержки Думы в ее конфликте с бюрократией и, в частности, в ее требовании ответственного министерства, как первого этапа на пути к разоружению реакции. Эта резолюция, логически вытекавшая из всей позиции, занятой Стокгольмским съездом, разнуздала острую фракционную борьбу. „Волна“ и другие большевистские органы резко отвергли данный Ц. К-том лозунг; в нем они усматривали отказ от лозунга Учредительного

Собрания: по существу он шел, конечно, в разрез с побежденным на съезде взглядом большевиков на необходимость для социалистов вести с либералами немедленную борьбу за власть. Борьба на этой почве фактически вновь разорвала организационное единство. В центре большевистской фракции стал Петербургский комитет, опиравшийся на трех членов Центр. Комитета. Резолюция Петербургского комитета отвергла поддержку требования ответственного министерства, и на собраниях организованных рабочих и массовых митингах большевистские ораторы призывали проваливать резолюцию Ц. К. Последний пытался водворить порядок в организации, требуя подчинения недовольных руководящему учреждению в вопросах практической борьбы на основе свободной критики в рамках организации. Петербургский комитет оспаривал эти рамки свободы критики, требуя права выступать против предложений Ц. К. также и на массовых рабочих собраниях. Отдельные части петербургской организации восстали против комитета, требуя его отставки. Борьба перенеслась в провинцию, где, однако, не приняла таких размеров, как в столице.

Эта борьба в то же время шла по другой линии. Большевистская фракция не хотела мириться с фактической ликвидацией бойкота Думы. Близкая ей польская социал-демократия писала в своем органе („Червонный Штандарт“): „Надо бойкотировать Думу извнутри, т.-е. ставить ей требования самороспущения для замены Учредительным Собранием“. „Волна“ подвергла критике решения Стокгольмского съезда, представляя его большинство делом случая („половина партии сидит в тюрьме“), доказывая неполноценность голосов Кавказа, решивших вопрос большинства на съезде (кавказские делегаты—представители мелко-буржуазных масс непромышленного района), и настаивая на том, что реальное большинство в партии с включением в нее окраинных с.-д. организаций, остается бойкотистским. Как только Дума открыла свои заседания, Петербургский комитет принял резолюцию, гласившую, что пролетариат, бойкотировавший выборы, не может признавать своими представителями левых депутатов Думы. Резолюция прошла 15 голосами против 15 же и означала выражение недоверия не только трудовой группе, но и рабочим депутатам; вернее, она имела в виду, прежде всего, этих последних, ибо предстоявшее образование с.-д. группы в Думе шло коренным образом в разрез с тактическими планами развития событий „мимо и против

Думы“, которым осталась верна большевистская фракция. В № 8 „Волны“ В. Базаров доказывает, что в интересах даже использования Думы выгоднее, чтобы в ней не было с.-д. представительства. Ибо последнему, чтобы не разойтись с революционной тактикой пролетариата, пришлось бы предъявить требование созыва Учредительного Собрания и, получив отказ, выйти из Думы, тогда, как политически неоформленная левая может продолжать играть роль агитационного центра по отношению к избравшим ее массам и, в качестве такового, подрывая извнутри Думу в ее попытках соглашения. В № 26 „Призыва“ было заявлено, что, в виду бойкота выборов социал-демократической партией, никто в Думе не может говорить от имени социал-демократии; если кто-нибудь из депутатов это сделает, его вправе будут считать шпионом или самозванцем. Когда же произошли выборы в Тифлисе при официальном, с разрешения съезда, участии социал-демократии, „Волна“ (№ 17) писала: „Не будем особенно обольщаться значением тифлисской победы“ и доказывала, что эта победа, достигнутая среди мелкобуржуазных городских избирателей, является лишь исключением, подтверждающим правильность бойкота.

При таких условиях, естественно, что большевики не пожелали пойти навстречу рабочей группе—а впоследствии с.-д. думской фракции — в ее попытке организационно связаться с петербургскими рабочими. Более того, в ответ на резолюции рабочих собраний, постановлявших установить такую связь с рабочей группой, Петербургский комитет стал проводить резолюции об установлении такой связи с трудовой группой. Подобное решение являлось, конечно, прямым нарушением постановлений Стокгольмского съезда и направлено было к умалению политического значения социал-демократии в интересах трудовой группы. Центральный Комитет счел необходимым собственными усилиями устранить перегородки, мешавшие сближению между бойкотистски настроенными рабочими и Думской фракцией. и, помимо Петербургского комитета, организовал собрания заводских делегатов, на которых выступали рабочие депутаты Думы. Так как эти собрания имели успех и послужили делу организации рабочих в широких размерах, то Петербургский комитет оказался вынужденным изменить свою позицию и постановил „взять в свои руки“ организованное Центральным Комитетом дело (после 4-го общего собрания заводских делегатов и рабочих депутатов).

Между тем, постановления Стокгольмского съезда об объединении с национально-окраинными организациями проводились в жизнь. Латышская социал-демократия, „Бунд“ и с.-д. Польши формально вступили в Р. С.-Д. Р. П., тем самым усиливая ее бойкотистское крыло (только „Бунд“ к этому времени более или менее заметно порывал с бойкотизмом). В виду этого, большевистская фракция стала еще решительнее нападать на тактику Центрального Комитета, доказывая, что он выражает собой лишь меньшинство партии, и требуя скорейшего созыва экстренного съезда партии. Это требование, в свою очередь, еще более обострило трения внутри партии и расшатало провозглашенное в Стокгольме единство.

При таких обстоятельствах наступил роспуск 1-й Государственной Думы. Руководимая Центральным Комитетом с.-д. фракция приняла участие в Выборгском совещании, на котором отстаивала более решительные меры, предлагая Думе не признать себя распущенной. Подписав Выборгское воззвание, она, вместе с трудовой группой, подписала воззвание к крестьянам и к армии. Подчеркивая интегральные политические лозунги партии, Центральный Комитет и фракция пытались их связать с требованием скорейшего созыва новой Думы. Это опять вызвало против них возмущение большевистской фракции, считавшей невозможным в какой бы то ни было форме призывать к поддержке Думы.

Вспыхнувшее в Свеаборге и Кронштадте военное восстание, во главе которого стояли с.-д. офицеры (Коханский, Емельянов) и сильнейшая (в Свеаборге) солдатская с.-д. организация, заставило партию, вопреки ее прежним призывам о бережении сил для будущих выступлений, попытаться поддержать начавшееся движение всеобщей забастовкой. Последняя совершенно не удалась и вызвала повсеместные нарекания против меньшевистского Центрального Комитета.

Наступившее обострение правительственной реакции, приведшее к периоду военно-полевых судов, вынудило Центральный Комитет, который, в согласии с Выборгским воззванием, призывал сначала организации подготовлять „рекрутскую забастовку“, отказаться от этого средства борьбы и рекомендовать партии воздержаться от активных выступлений [1]).

[1]) Поддержку Центральным Комитетом этого лозунга Выборгского воззвания критиковал Г. В. Плеханов с точки зрения недействительности подобного средства борьбы.

Роспуск 1-й Думы бойкотистской частью партии был воспринят, как начало конца периода „конституционных иллюзий“. Политическое фиаско кадетской партии было ею понято, как устранение буржуазной оппозиции с арены, на которой должна была разыграться борьба за власть между крайней левой и правительством. В этом именно духе была написана брошюра Н. Ленина „Роспуск Думы и задачи пролетариата“. В ней с наибольшей резкостью выразилась присущая большевистской фракции тенденция ввести борьбу за демократические требования в рамки политического *заговора*. Автор предостерегал партию от попыток немедленно использовать народное недовольство роспуском Думы, предлагая назначить восстание на время по окончании полевых работ, когда, по его соображениям, крестьянство должно будет возобновить аграрно-захватное движение, и подготовляться к этому общему выступлению путем организации в массовых размерах „пятерок“—небольших вооруженных дружин, которые явятся руководящими группами во время выступления.

Тенденции, нашедшие свое выражение в этом плане Н. Ленина, были очень сильно распространены в большевистской фракции и социал-демократии Латышского края. Рядом с общим уклоном мысли в сторону бланкистско-заговорщических приемов борьбы, они питались наличием в рядах партии многочисленных элементов, выбитых из колеи нормального существования участием в декабрьских восстаниях, находившихся на положении травимых зверей („лесные братья“ в Прибалтийском крае и других местах, дезертиры-солдаты и матросы) и, естественно, склонявшихся к продолжению и усилению той боевой деятельности, которая их воспитала. Уже с начала 1906 года эти элементы, заполнив собой боевые организации партийных комитетов, вызывают беспокойство последних своим стремлением вывести эти организации из положения служебных и бездействующих в нормальное время органов, стать самостоятельными организациями революционного действия и проявлять свою активность в „партизанских актах“ террористического и экспроприаторского характера. В организациях „Бунда“, польской социал-демократии и русского Юга возникавшие на этой почве конфликты постепенно привели к полному распущению комитетами боевых организаций. Их члены, поскольку не организовывались заново на стороне, в качестве самостоятельных анархистских групп, стягивались в боевые и военные органи-

зации большевистских комитетов, оказывая на них давление в сторону усиления бланкистского характера их деятельности. В течение времени, последовавшего за роспуском 1-й Думы, когда во всей стране, как ответ на военно-полевой режим, разразилась эпидемия анархизма, этот „боевизм" свивший себе гнездо в партии, причинил не мало хлопот Центральному Комитету, пытавшемуся проводить в жизнь решение Стокгольмского съезда, направленное против партизанских действий и революционных экспроприаций. „Боевики" сгруппировались около, так называемого, „военно-технического" бюро, организованного самим Ц. К. для координации действий боевых и военных организаций, но попавшего в руки большевиков. Вопреки запрещению Ц. К., это бюро организовало всероссийскую конференцию военных и боевых организаций, дабы создать постоянный направляющий центр для активных действий. Ц. К. объявил эту конференцию непартийной. В то же время нелегальный орган Петербургского, Московского и Уральских комитетов — „Пролетарий" — открыто защищал партизанские действия, как школу для подготовки боевых элементов к активным выступлениям, а Центральный Комитет Латышской социал-демократии, под давлением крайних совершенно анархистски настроенных элементов пытался регулировать совершаемые при участии членов партии экспроприации, разрешая экспроприацию не только казенных сумм, но частью и частных лиц. Ц. К. объявил об отмене соответствующего решения Латышского Центрального Комитета и пытался произвести расследование об экспроприациях, совершенных членами партии на Урале. Но и на Урале, как и на Кавказе, и в центральном районе, где с эксцессами боевых дружин пытались бороться местные меньшевики, эта борьба оказывалась малоуспешной, благодаря попустительству действиям этих групп со стороны большевистской фракции, продолжавшей видеть в них существенную и необходимую часть партийной организации и главную опору в деле подготовки к активным выступлениям.

В то время, как на фоне воцарившегося в стране белого террора, разгрома рабочих организаций и неизвестности относительно ближайших политических перспектив, на одном крыле партии происходила мобилизация заговорщических и анархистских элементов, на другом ее фланге вновь с резкой силой обнаружилась та тенденция к коренному организацион-

ному реформированию партии, которая проявлялась и в „меньшевизме“ до октября 1905 года. В виду очевидного господства в рядах партии бланкистских воззрений, меньшевики вновь утрачивали надежду на возможность в рамках партийной организации добиться торжества марксистской социал-демократической тактики. Усматривая причину этого во все еще подпольном характере партийной организации и преобладании интеллигенции в ее руководящих органах, „меньшевики“ снова выдвинули идею *рабочего съезда*, который бы положил начало открытой пролетарской организации нового типа. Руководивший этой кампанией за рабочий съезд П. Б. Аксельрод и поддерживавший его Г. В. Плеханов предлагали самой с.-д. партии взять в свои руки агитацию за созыв рабочего съезда; в их представлениях этот последний, являясь делом рук с.-д. партии, не уничтожил бы, но создал бы для ее деятельности широкую базу и привел бы к ее организационному оздоровлению, содействуя ее „пролетаризации“, высвобождению от господствующих в партии мелко-буржуазных интеллигентских элементов. Другие сторонники идеи рабочего съезда шли дальше и, предвидя энергичное сопротивление партии новому начинанию, заранее провозглашали формальный разрыв новой классовой организации с Р. С.-Д. Р. П. В брошюре о рабочем съезде Ю. Ларин предлагал поставить задачей съезда образование новой „широкой рабочей партии“, которая объединила бы социал-демократию, социалистов-революционеров и стоящие вне подпольных организаций передовые элементы пролетариата. Среди последних, как и среди рабочих-меньшевиков, входивших в партийные организации, пропаганда рабочего съезда встретила живое сочувствие. В большевистских кругах, напротив, она была воспринята, как прямая угроза партии и вызвала с их стороны энергичную контр-агитацию. Аксельрод и меньшевики обвинялись в стремлении взорвать партию и променять ее на беспартийное, беспрограммное и анти-революционное объединение рабочих. Борьба с „рабочесъездовцами“, вызвав ревнивое отношение ко всякой партийной неоформленности в пределах рабочего движения, побудила большевиков, еще на Стокгольмском съезде, голосовавших за непартийность профессиональных союзов, поднять вопрос об их подчинении партии.

Назначение правительством выборов во II Думу отодвинуло на время эти вопросы и вновь заполнило партийную жизнь проблемами избирательной и парламентской борьбы.

ГЛАВА XI.

Выборы во II-ую Думу и деятельность с.-д. фракции в ней.— Лондонский съезд.

Новая избирательная кампания застала социал-демократию более объединенной, чем в начале года, в вопросе об участии в выборах. Только в рядах польской социал-демократии господствовало еще „бойкотистское" настроение, но она не сочла возможным выступить против участия в выборах, в виду своей политической солидарности с большевиками, решившими проводить свою тактическую линию на почве участия в выборах.

Учитывая происшедшее в стране, вслед за роспуском I Думы и деятельностью министерства Столыпина, левение масс избирателей, большевики стремились к тому, чтобы в ходе выборов нанести возможно более чувствительный удар к.-д. партии, дабы в ее лице разбить „конституционные иллюзии" и „политику соглашательства". В виду этого, они склонялись к возможно тесному избирательному сближению с трудовиками и народническими группами, решившими принять участие в выборах. Однако, среди близких большевикам польских социал-демократов идея такого „левого блока" не пользовалась симпатией, и они избирательную тактику, главным острием направленную одинаково против реакционной и либеральной частей имущих классов, стремились базировать на отказе социал-демократии (в первой стадии выборов) от всяких соглашений.

„Меньшевики" и примыкавшие к ним элементы, исходя из того же принципа политической самостоятельности партии на выборах, считали необходимым, во всяком случае, решительную поддержку либерализма там, где объективно выбор предстоит между ним и реакцией, и постольку не отказываться от технических избирательных соглашений даже и на первой стадии выборов (в городской курии с буржуазными партиями там, где раздробление оппозиционных голосов, при отсутствии по избирательному закону 11 декабря перебаллотировок, грозит победой реакционеров). Произведенные в период „междудумья" Сенатом „разъяснения" избирательных прав демократических избирателей побуждали очень высоко

ценить размеры этой „черносотенной опасности". Полемика с „большевиками" и сконцентрировалась именно на вопросе о размерах этой опасности и о допустимости—в видах ее устранения — избирательных соглашений об общих списках на первой стадии выборов.

Попытка Г. В. Плеханова пойти дальше и мотивировать необходимость таких соглашений возможностью столковаться с либеральной буржуазией о проведении общего политического лозунга—„полновластной Думы"—сочувствия не встретила, а ответ кадетских писателей, заявивших о неприемлемости для них принципа полновластия Думы, устранил этот вопрос с очереди.

Состоявшаяся в Финляндии (Таммерфорс) общепартийная конференция в составе 32 делегатов из всех районов России приняла точку зрения „меньшевиков" и постановила, как общее правило, выставление самостоятельных партийных кандидатур в уполномоченные и выборщики по всем куриям; в рабочей курии избирательные соглашения допускались лишь с беспартийными организациями, стоящими на классовой точке зрения. В остальных куриях соглашения в общих списках с прогрессивными партиями—без общей платформы—допускались в случае наличия черносотенной опасности, при чем, по предложению „Бунда", постановлено, что там, где по соотношению сил, эта опасность может быть устранена соглашением с одними лишь группами левее к.-д., последние в соглашение не должны быть вовлекаемы. На губернских и городских собраниях, при избрании депутатов, допускались соглашения о распределении мест. Та же конференция выразила отрицательное отношение к идее рабочего съезда, признав последний ненужным и опасным и запретив членам партии участие к организационной его подготовке. Это решение собрало вокруг поднявших вопрос большевиков представителей всех окраинно-национальных организаций (кроме кавказской). В то же время конференция установила на лето 1907 года созыв партийного съезда.

Несмотря на урезку избирательных прав демократии и тяжелые внешние условия, избирательная кампания социал-демократии развернулась весьма широко по всей России, особенно в Малороссии и на Кавказе, в Заволжье, Уральском районе и Сибири. В общем и целом, за редкими исключениями она велась в духе решений ноябрьской конференции: на Юге

и Северо-Западе, при многочисленности и организованности черносотенных элементов, соглашения с несоциалистическими партиями были очень часты, в других районах, особенно на Кавказе и в Сибири, общим правилом было выставление социал-демократией отдельного списка кандидатов в выборщики. Значительную роль в избирательной кампании играли профессиональные союзы, поддерживающие партийные кандидатуры. Центральный Комитет издал свыше миллиона избирательных „листовок“ обращенных к разным слоям трудящегося населения и посвященных разным вопросам с.-д. избирательной платформы.

Результаты кампании превысили самые оптимистические ожидания социал-демократов.

Грандиозную победу они одержали на Кавказе, где завоевали 10 мандатов—около $^1/_3$ всех—выступая всюду одни против всех остальных партий. При этом им достались все 3 мандата от Тифлисской губернии (А. Джапаридзе, Кациашвили и Джугели) и все 3 от Кутаисской (И. Церетели, Ломтатидзе и Махарадзе); кроме того, представительство от Батумской области (Канделаки) и Тифлиса (Зурабов) и 2 мандата от Кубанской области (Герус и Митров).

В рабочей курии социал-демократы повсюду завоевали коллегии выборщиков (не менее 80% всего числа). В городской курии значительное количество с.-д. выборщиков прошло в волжских и уральских губерниях, азиатских владениях, некоторых пунктах северо-западного и промышленного районов, и преобладающее большинство на Кавказе. В крестьянской курии с.-д. победили в Грузии, многих местах Малороссии и некоторых северных уездах (Тверской, Новгородской и др. губерний).

В Петербурге партия, в блоке с народническими группами, собрала в городской курии около $^1/_4$ голосов и была побеждена кадетами, которые на городском собрании выборщиков уделили одно место в Думу кандидату рабочих; в качестве такового прошел литератор Г. Алексинский. По Петербургской губернии прошел рабочий И. Петров. В Эстляндской губернии 2 из 3-х депутатских мест достались с.-д. (Пярн и Муртен), представительство гор. Риги завоевано с.-д. партией для Озоля, в Новгородской губ. „разъяснение“ в последний момент группы выборщиков лишило социал-демократию 2 или 3 обеспеченных мандатов; прошел в Думу только от крестьянской курии с.-д.

народный учитель Измайлов. В Северо-Западном крае целиком завоевала 5 мест по Ковенской губернии Литовская социал-демократия; ее депутаты (д-р Гудович, адвокат Сташинский, крестьяне Купстас, Повилюс и Кубелис) примкнули в Думе к с.-д. фракции. В центральном районе социал-демократы проходили в Думу благодаря тому, что прогрессивное большинство губернских собраний уделяло место представителю рабочей курии. Так прошли рабочие Вагжанов (Тверской губ.), Баташов (Тамбовская), Федоров (Рязанская), Романов (Нижегородская), Жиделев (Владимирская), Калинин (Костромская). В Московской губернии преобладание в губернском собрании левых обеспечило с.-д. два места (из 6), доставшиеся рабочим Мареву и Губареву. В гор. Москве с.-д. собрали против к.-д. немного голосов. Лишь с помощью экстренных мер давления администрации удалось избежать завоевания социал-демократическими крестьянскими и городскими выборщиками большинства мест по Подольской и Киевской губерниям. В последней все же прошло 5 социал-демократов (из 15): крестьянин Сахно, рабочие Вовчинский и Гумсико, учитель Федоров, как кандидат украинской с.-д. партии, и влиятельный деятель „Спілки", Кириенко. В Черниговской губ. избран рабочий Приходько, в Харьковской—рабочий Рыбальченко, в Курской—рабочий Белановский, в Таврической—рабочий Фомичев; в Донецком бассейне активное участие пролетариата в избирательной борьбе доставило социал-демократии 3 мандата (рабочие Белоусов и Нагих по Екатеринославской губ. и Нестеров—по области Войска Донского).

В поволжских губерниях с.-д. выборщики, в союзе с трудовиками и народниками, сильно оттеснили к.-д. партию, имевшую часть мандатов от этих губерний в I Думе. Благодаря этому, с.-д. завоевали 4 мандата в Саратовской губ. (учителя Анисимов, Серов, Аникин и рабочий Лопаткин), 2—в Симбирской (Татаринов и Кузнецов), 2—в Самарской (рабочие Комар и Рубан), 1—в Пензенской (рабочий Степанов). В Уральском районе точно также союз с крестьянскими выборщиками дал с.-д. возможность завоевать 7 мест (врач Бодров, писатель С. Салтыков и рабочий Вахрушев—в Вятской, рабочие Чащин и Шпагин и конторщик Петров—в Пермской, рабочий Серебряков—в Уфимской губерниях).

Наконец, большинство всех мандатов в Восточной Сибири, средне-азиатских владениях и степном ген.-губернаторстве достались социал-демократии. Она завоевала города Иркутск (д-р

Мандельберг) и Ташкент (бывший вице-губернатор Наливкин), губернии: Енисейскую (рабочий Юдин), области: Закаспийскую (рабочий Миронов), Самаркандскую (д-р Афрамович), Акмолинскую (д-р Виноградов), Тургайскую (землемер Голованов) и Уральскую (Козьмодемьянский). В других пунктах Восточной Сибири кандидаты с.-д. были недалеки от победы.

Всего было избрано 64 депутата социал-демократа, из которых 53 составили с.-д. Думскую фракцию, а 11—примыкали к ней, не вступая формально в ее состав, в качестве избранных независимо от партийных организаций.

Выборная кампания ознаменовалась острым столкновением между двумя частями партии в Петербурге. Согласно решения партийной конференции, организация каждого избирательного округа должна была решать для себя автономно вопрос о применении общих директив относительно избирательной тактики. Между тем петербургская организация охватывала как избирательный округ Петербурга, так и округ Петербургской и отчасти соседних (Новгородской, Псковской) губерний. В пределах города, в районах его, некоторое преобладание имели „меньшевики"; напротив, в „окружной" организации, охватывавшей уездные районы, значительное преобладание принадлежало другой фракции. В то время, как меньшевики, признавая, что на выборах по городской курии столицы грозит „черносотенная опасность", настаивали на необходимости попытки соглашения со всеми партиями оппозиции об общем списке выборщиков на основе распределения между ними шести столичных мандатов,—большевистский Петербургский комитет подвергал эту опасность сомнению и, во всяком случае, настаивал на беспощадной борьбе с к.-д. партией и отказе от всяких соглашений с нею. На Петербургской конференции, долженствовавшей выработать тактику, Центральный Комитет потребовал, чтобы конференция разделилась на две части, соответственно избирательным округам, и чтобы каждая часть решила спорный вопрос для себя. Конференция голосами „окружной" организации решила не подчиняться требованию Ц. К., что вызвало уход представителей последнего и 31 делегата петербургских районов, представлявших 1.500 организованных рабочих. Оставшаяся часть конференции постановила не вступать ни в какие переговоры с к.-д. и заключить для выборов в городской курии столицы „левый блок" с социалистами-революционерами и трудовиками. На практике, однако, блок

пришлось, по требованию этих групп, расширить включением в него партии народных социалистов; к нему же примкнула беспартийная группа ревизионистов, имевших своим органом „Товарищ“ „Меньшевики“ отстранились от активного участия в выборной кампании. На выборах левый блок провел своих кандидатов лишь в одном Выборгском участке. Конфликт в Петербурге почти расколол местную организацию, вызвал резкие протесты местного комитета против Центрального и создал обширную полемическую литературу.

Этот избирательный раскол, вместе с сближением на выборах по городской курии между „большевиками“ и „социалистами-революционерами“, создал для последних благоприятную почву в рабочей курии Петербурга. На выборах в этой курии на крупнейших заводах кандидаты с.-р. победили кандидатов с.-д. и лишь отсутствие пропорциональности в числе уполномоченных от крупных и мелких заводов дало возможность социал-демократии все же провести свой список в выборщики.

К моменту открытия II Гос. Думы социал-демократия снова могла обзавестись ежедневными органами печати: „Русской Жизнью“ (меньшевистской, ее потом сменили „Народная Дума“ и „Народная Газета“) и „Новым Путем“ (большевистским; по его закрытии выходила „Истина“ и „Наше Эхо“). В Москве в апреле 1907 года стало выходить ежедневное „Дело Жизни“ (меньшев.), в Екатеринославе выходил „Наш Путь“, в Вильне (по-еврейски) „Volkszeitung“ Кроме того, издавались еженедельники: „Наш Мир“, „На очереди“, „Привет“ (в Петербурге), „Наше Дело“, „Наша Доля“—(в Москве) меньшевистские; „Простые Речи“ (большевистские, в Петербурге) и др.

Думская фракция в значительном своем большинстве, руководимом Церетели, Джапаридзе, Мандельбергом, Озолем и др., стояла на меньшевистской точке зрения и, вступая в Думу, ставила себе целью сочетать отстаивание самостоятельных классовых интересов пролетариата и задачи мобилизации передовой демократии с защитой самой Думы, как целого, что предполагало известную согласованность действий с буржуазно-либеральным центром Думы. „Русская Жизнь“ и другие органы меньшевиков, отвергая оппортунистический лозунг „бережения“ Думы во что бы то ни стало, подчеркивали отрицательное отношение к тактике „взрывания извнутри“ Думы и усматривали важнейшую задачу участия с.-д. в Думе в такой ее работе

в ней, которая содействовала бы собиранию распыленных масс пролетариата и демократии, и в постоянном воздействии на Думское большинство в целях толкания Думы к борьбе за власть и в организации вокруг нее народных масс. Меньшинство фракции, сгруппировавшееся вокруг Г. Алексинского и составившееся преимущественно из делегатов центрального района и части делегатов Поволжья и Урала, попрежнему основную задачу Думской работы видело в углублении пропасти между самой Думой в лице руководящей партии ее центра (к.-д.) и в тесном сближении на этой почве социал-демократии с крестьянскими партиями. С первых же шагов деятельности Думы различие этих позиций стало сказываться расхождениями по вопросам тактики.

Меньшевистские организации Петербурга и провинции повели агитацию за ознаменование дня открытия II-ой Думы (20-го февраля) однодневной политической забастовкой. Против этой агитации восстал Петербургский комитет, видя в ней укрепление связи между народными массами и Думой, как целым, а, следовательно, и его буржуазными элементами. Тем не менее, забастовка состоялась и приняла значительные размеры.

В вопросе о выборах президиума Думы фракция решила поддерживать наиболее левый его состав, отказываясь с своей стороны от участия в президиуме, как несовместимого — благодаря его функциям представительства — с демократическими принципами партии. В виду отказа народнических партий по тем же соображениям замещать пост председателя, фракция согласилась поддерживать общих кандидатов оппозиции с к.-д. председателем во главе. Она приняла для выработки этого соглашения участие в общем совещании оппозиционных фракций, на котором потребовала и добилась устранения из числа кандидатов в товарищи председателя к.-д. депутата Тесленко. Против последнего протестовали московские рабочие в виду того, что московские к.-д., проведшие в Думу Тесленко, отказались отдать один из четырех московских мандатов представителю рабочей курии. В числе помощников секретаря Думы был избран с.-д. депутат С. Н. Салтыков.

Эти первые шаги фракции вызвали конфликты, как внутри, так и вне ее. Большевики именно на выборе президиума стремились дать первый бой к.-д. партии и требовали, чтобы Головину был противопоставлен кандидат левых. Однако, ни

одна из народнических партий не соглашалась выставить кандидата, выставление же кандидатов социал-демократией сами большевики считали недопустимым. Более острые трения вызвал самый вопрос об участии в совещании оппозиционных партий. Это участие, по постановлению фракции, носило чисто-информационный характер, но большевики отвергали всякую мысль о совместном обсуждении думской тактики с представителями к.-д. партии. Поэтому, деп. Алексинский и еще 11 депутатов, в особой декларации, заявили, что лично ни в коем случае на общие собрания оппозиции не явятся. Газета „Новый Луч" назвала решение фракции решением „кадетообразных марксистов" и „верных рабов либералов". Ожесточенная полемика перенеслась на рабочие собрания, на которых большевики всячески дискредитировали большинство фракции, ее лидеров Джапаридзе и Церетели и Центральный Комитет, в согласии с которым фракция действовала. Еще более разгорелись страсти, когда узнали, что в общем собрании оппозиции участвует и польское коло, ведшее во II-ой Думе резко оппозиционную линию, но в самой Польше игравшее бесстыдно-реакционную роль „оплота социального порядка" и организовывавшего против социалистов погромную кампанию. Польская социал-демократия присоединилась, поэтому, к большевикам в нападках на деятельность с.-д. фракции.

Отвергая общие собрания оппозиции, большевики требовали более тесного сближения фракции с народническими группами, допуская даже совместное вынесение обязательных для всех 4 групп решений. Комитет объединенных левых должен был, по их мнению, стать общенародным революционным центром. Фракция отвергла эту идею „левого блока", резко противопоставленного к.-д. центру и самой Думе, как учреждению.

При обсуждении вопроса об отношении Думы к правительственной декларации фракция решительно отвергла кадетский план уклонения от прений, принятый народническими партиями. И. Церетели произнес в Думе одну из лучших своих речей, произведшую сильное впечатление и в Таврическом дворце и в стране. Его выступление „сорвало" оппортунистический план умеренной и народнической оппозиции, и она приняла участие в прениях. Эта самостоятельная политика с.-д. фракции, расстроившая план избегать с самого начала конфликтов между Думой и контр-революционными сферами, подверглась порицанию либеральной и народнической печати.

Лидер социалистов-революционеров В. Чернов обвинял социал-демократическую фракцию в стремлении отделиться от всей оппозиции во что бы то ни стало.

При обсуждении в Думе вопросов о продовольственной помощи и помощи безработным, с.-д. фракция отстаивала такую постановку той и другой, которая способствовала бы непосредственному общению Думы с соответствующими слоями населения и развивала бы организованную самодеятельность последних. На этой именно почве разыгрались в Думе первые конфликты между социал-демократией и думской умеренной оппозицией, положившие начало утрате к.-д. партией руководящего положения в Думе и превращению с.-д. фракции в центр, к которому все больше тяготели все демократические элементы оппозиции. В то время, как к.-д. партия, поддерживаемая правой стороной Думы, избегала конфликтов с бюрократией в вопросе о компетенции Думы и принимала, забегая даже вперед, самое ограничительное толкование прав Госуд. Думы, даваемые бюрократией, с.-д. фракция требовала использования писанных прав Думы в самом широком, допускаемом буквой закона, толковании.

При обсуждении бюджета с.-д. фракция потребовала отклонения его в целом, без перехода к постатейному чтению, мотивируя свое требование тем, что представленный бюрократией бюджет есть бюджет крепостнического государства и, как таковой, должен принципиально отвергаться не одной лишь социальной, но и буржуазной демократией. Одни только социалисты-революционеры встали на ту же точку зрения и голосовали за отклонение бюджета в целом; трудовики согласились с кадетами, требовавшими принятия перехода к рассмотрению отдельных смет. Внутри же фракции большевистское ее крыло усмотрело оппортунизм и измену принципам социализма в том, что предложенная Думе фракцией резолюция об отклонении перехода к постатейному чтению не выражала социалистического взгляда на невозможность голосовать всякий бюджет в классовом государстве. На эту критику фракция отвечала указанием на необходимость для русской социал-демократии не только противопоставлять свою классовую позицию позиции буржуазных партий (что в данном случае достигалось декларацией фракции, при голосовании излагавшей основания, по которым с.-д. отвергает всякий бюджет), но и формулировать

общую позицию непримиримой борьбы всей демократии со старым режимом.

По аграрному вопросу фракция внесла в противовес проектам народнических групп проект основных положений аграрной реформы, развивавшей программу, принятую на Стокгольмском съезде.

Помимо участия в бюджетных прениях и текущей запросной деятельности, с.-д. фракция развила значительную организационную работу, образовав из своей среды ряд секций и комиссий, организовавших непосредственные сношения между фракцией и различными районами страны и различными слоями населения. Постепенно во фракцию, как это было и в 1-ой Думе, стали ежедневно приходить десятки обращений, наказов и запросов со всех концов России.

Как Думская, так и внедумская деятельность фракции сильно тормозилась внутренними раздорами в ней и систематической кампанией против нее со стороны Петерб. комитета партии. Как те отдельные ее шаги в Думе, о которых было упомянуто выше, так и мелочи ее организационной работы служили поводами для выступления большевиков на рабочих собраниях с резкими нападками и требованиями изменить весь характер ее деятельности. В данном случае фракция являлась жертвой той „избирательной кампании“ на партийный съезд, которая происходила в это время и в которой оставшиеся в Стокгольме в меньшинстве большевики стремились завоевать себе большинство, для чего всячески обостряли всякие частные несогласия в тактике. Между тем, Думская деятельность фракции все более беспокоила правительство и реакционные круги, по мере того, как в стране нарастало возбуждение и сама фракция становилась политическим центром меньшей половины Думы, способной при данном соотношении партийных сил парализовать попытки низвести Думу к роли послушного придатка к правительству. При обсуждении законопроекта о военном контингенте правительство воспользовалось антимилитаристской речью с.-д. депутата Зурабова, чтобы добиться от Думы репрессивной меры против оратора. Угрозы роспуском Думы становились все более определенными. С.-д. фракция, единственная имевшая за собой в данный момент сколько-нибудь организованные и проявлявшие еще склонность к борьбе массы и приобретавшая среди дезорганизованных и дезориентированных партий моральное

влияние на не пролетарские слои, казалась единственной силой, способной организовать отпор переворотным планам реакции. Вопрос об ее устранении стал в порядке дня контрреволюционеров. Как выяснилось значительно позднее, навстречу стремлениям совета объединенного дворянства и министерства Столыпина пошла полицейская провокация. При ее помощи было создано дело о „военном заговоре“, давшее формальную возможность предъявить Думе требование о выдаче всей фракции и аресте 12 ее членов.

С.-д. фракция хорошо сознавала, что объективные условия не благоприятствуют решительной борьбе между демократией и реакцией и что ей не следует форсировать событий. Стремясь использовать трибуну для содействия организации масс и для парализования анти-демократических тенденций буржуазной оппозиции, грозивших усилить морально позицию правительства, фракция упорно сопротивлялась воздействиям извне со стороны элементов, пытавшихся увлечь ее на путь более агрессивной, в данный момент несвоевременной борьбы, которая могла бы лишь облегчить проведение задумывавшихся справа переворотных планов. Чтобы укрепить свою позицию перед этими элементами, многие члены фракции, во главе с Джапаридзе и Церетели, лично отправились на партийный съезд и там, несмотря на преобладание большевистски-настроенных групп, им удалось отстоять свое право продолжать прежнюю Думскую тактику. Однако, дни ее уже были сочтены. Церетели и Джапаридзе едва успели вернуться, как, имея за собою подготовленное „дело о заговоре“, кабинет Столыпина предъявил Думе требование о выдаче с.-д. фракции. Последняя встретила удар с достоинством и решительностью, завоевавшими ей глубокое уважение всего прогрессивного общества. Перед лицом малодушного отступничества буржуазной оппозиции, она энергично добивалась того, чтобы очевидный роспуск Думы и государственный переворот Дума встретила, как борющаяся сторона. Это ей не удалось: благодаря поведению к.-д. партии, Дума не сошла с пути пассивного ожидания занесенного над ней удара. Согласно решения с.-д. фракции, большинство ее членов дало себя арестовать. Из тюрьмы они обратились к народу с воззваниями, разъяснявшими политический смысл переворота и призывавшими к продолжению борьбы. Представ перед Верховным уголовным судом, члены с.-д. фракции предъявили требование

о разборе дела при открытых дверях и, по отклонении этого требования, отказались принимать участие в суде. За исключением нескольких человек, все члены фракции были приговорены: одни к ссылке на поселение, другие к каторжным работам на 4 и 5 лет. В день открытия суда над с.-д. фракцией петербургскими рабочими была проведена однодневная забастовка [1]).

Покончив с избирательной кампанией во II-ую Думу, партийные организации взялись за подготовку к предстоящему очередному съезду. Эта подготовка велась с чрезвычайной энергией и потребовала много работы, ибо создавшиеся условия позволяли партийным организациям значительно расширить кадры примыкающих к ним (более или менее прочно) рабочих, и предварительное обсуждение этими массами вопросов, подлежавших решению на съезде, предварительный созыв конференций местных и областных для выбора делегатов, должны были происходить в атмосфере ожесточенной фракционной борьбы, в которой каждый лишний мандат той и другой фракциями отвоевывались с бою. Единство, провозглашенное в 1906 г. в Стокгольме, не выдержало испытания жизни и все вопросы партийной работы осложнились борьбой фракции, оставшейся в Стокгольме в меньшинстве, за завоевание партийной власти, ее стараниями дискредитировать политику партийных центров (Центр. Комитета и Думской фракции). При таких условиях, и примкнувшие в 1906 г. к Р. с.-д. р. п. национально-окраинные организации не могли раствориться политически в объединенной партии, а продолжали оставаться особыми, сплоченными внутренней дисциплиной. партийными организмами.

Поэтому, собравшийся в мае 1907 года съезд представил собой картину собрания пяти отдельных делегаций (большевистская, меньшевистская, делегация „Бунда", польская и латышская), среди которых терялись несколько „нефракционных" делегатов с Троцким во главе.

Съезд должен был состояться в Копенгагене, но, по приезде делегатов в этот город, они были извещены местным правительством о высылке, и съезд пришлось перенести в Лондон, где он и состоялся, продолжаясь более 3 недель.

---

[1]) Депутаты Джапаридзе, Джугели и Ломтатидзе умерли в тюрьме; остальные из осужденных на каторгу, кончив срок ее, перешли на поселение и освобождены лишь февральской революцией.

По уставу съезда, право на посылку одного делегата с решающим голосом имели каждые 300—500 организованных рабочих. Организации, имевшие до 800 членов, посылали 2 представителей—от большинства и меньшинства. От организаций, имевших свыше 800 членов, посылался 1 делегат на каждые 500 организованных.

Благодаря отсутствию твердых норм для определения признаков действительной принадлежности к партии (невозможность регистрации и регулярности членских взносов), стало возможным быстрое — кратковременное — нарастание числа „организованных" в период подготовки съезда: получалось нечто подобное тому, что в странах с еще слабо развитой профессиональной организацией наблюдается в профессиональных союзах перед началом крупной забастовки. Таким образом, на съезд прибыло 305 делегатов с решающими голосами и несколько десятков с совещательными, формально представлявшие около 149 тысяч организованных рабочих [1]).

Из этих 180 делегатов приходилось на основное ядро Р. с.-д. р. п., 55—на „Бунд", 40—на польскую с.-д. и 26 на латышскую.

„Русская" часть делегации была резко разделена на две почти равные части: 91 делегат-большевик и 89—меньшевиков. Делегация первых состояла из 20 представителей Урала, около 40 из центрального промышленного района, 9 из Петербурга, нескольких с Волги и отдельных делегатов из других местностей (Баку, Эривань, Минск, Луганск и т. д.). Ядро делегации меньшевиков составляли представители организаций „Спилки", Донецкого бассейна и Кавказа, кроме того 5 делегатов меньшинства от Петербурга, делегаты Ревеля, Вильны, Двинска, Смоленска, Тулы, Калуги, Твери, Сормова, Саратова, Астрахани, Одессы, Киева, некоторых пунктов Сибири и Средней Азии.

Делегация „Бунда" стремилась занимать положение нейтрального центра во фракционной борьбе и парализовать центробежные тенденции в партии. Однако, в большинстве случаев, ей приходилось голосовать по вопросам тактики с „меньшевиками", лишь несколько членов ее симпатизировали противоположному лагерю. Обратным было отношение между сочувствую-

[1]) Из них по 25 тысяч приходилось на польск. с.-д. и Бунд, 13 тысяч на латышск. с. д., 84 тысячи на собственно русскую часть партии.

щими обоим лагерям в латышской делегации: лишь несколько членов ее отстаивали „меньшевистскую" позицию; сильнее было „большевистское" крыло, а остальные части делегации колебались между двумя лагерями, часто играя роль фактора, от которого зависел исход голосований съезда. Наконец, делегация польских с.-д. выступала почти по всем вопросам, как союзница большевиков.

В итоге такого распределения сил большевики имели за собой на съезде небольшое и крайне неустойчивое большинство, которое в иные моменты превращалось, благодаря колебаниям нескольких членов, в меньшинство. Благодаря этому, несмотря на крайнее напряжение фракционной борьбы, одержанная большевистской фракцией победа не была полной и не сопровождалась актами, которые могли бы привести к формальному организационному расколу.

Так, при обсуждении самого порядка дня съезда, несмотря на энергичные усилия „большевиков", был исключен центральный, с их точки зрения, вопрос „об оценке современного момента". Делегаты „меньшевиков" и Бунда доказывали, что обсуждение подобного вопроса означало бы резкое противопоставление двух непримиримых идеологий, сложившихся внутри социал-демократии, и что принятие официального партийного решения по такому общему вопросу означало бы доведение до крайней остроты фракционной борьбы. Еще более сильным ударом для себя сочли большевики отклонение требования о включении в порядок дня вопроса о „подготовке к вооруженному восстанию". Представители „меньшевиков" заявили о „принципиальной недопустимости" обсуждения на съезде массовой партии, происходящем публично, вопроса, самая постановка которого означает возведение политической партии на уровень заговорщического тайного общества. Большинством 137 голосов против 89 при воздержании части „большевиков" вопрос был снят с очереди. Этим голосованием констатировался значительный шаг, сделанный партией с 1905 года в деле ослабления заговорщических тенденций.

Главные дебаты на съезде развернулись вокруг отчетов Центр. Комитета и Думской фракции и вопросов о Госуд. Думе и об отношении к буржуазным партиям. Большевики подвергли, при поддержке польской с.-д., суровой критике деятельность обоих центров. И Центр. Комитету, и Думской фракции вменялось в вину недостаточное подчеркивание рево-

люционного характера партии, стремление не вырывать глубокой пропасти между пролетариатом и либеральной буржуазией; голосование с.-д. в Думе за избрание Головина в председатели и участие их в общем совещании с буржуазной оппозицией были главными пунктами обвинения Думской фракции. Однако, ни Ц. К-ту, ни фракции большинство съезда недоверие выразить не решилось, напротив, признало в своей резолюции, что Думская фракция, в общем и целом, стояла на страже интересов пролетариата и революции. Не удалось большевикам также провести решение об ограничении автономии фракции путем предоставления Центр. Комитету права *назначать* стоявший во главе ее комитет.

Дебаты об отношении к буржуазным партиям сосредоточились на оценке объективной роли буржуазного либерализма в общественном развитии России. Принятая съездом резолюция провозглашает полную контр-революционность „партий либерально-монархической буржуазии", и объясняет „силой традиции и прямым обманом" тяготение к ним части демократической городской и сельской мелкой буржуазии, и требует разоблачения „конституционных иллюзий" и „беспощадной борьбы" против „гегемонии (к.-д.) над демократической мелкой буржуазией. Отношение к народническим партиям определяется „псевдо-социалистическим" характером их идеологии, который партия должна вскрывать, и революционно-демократическими тенденциями их политической деятельности, которые она должна поддерживать. Поправка меньшевиков о необходимости разъяснять массам утопический характер народнической аграрной программы и авантюристский характер бунтарско-террористической тактики была отвергнута.

Дебаты о Госуд. Думе повторили по существу прошлогодние дебаты в Стокгольме. Принятая съездом резолюция требует выяснения народу непригодности Думы, как средства осуществить демократические требования пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянства; выдвигания на первый план „критической, пропагандистской, агитационной и организационной деятельности" с.-д. фракции в Думе; борьбы не только с реакцией, но и с либерализмом; отклоняет требование „подчинения исполнительной власти данной Думе".

Бурные дебаты вызвал вопрос о „рабочем съезде и широких рабочих организациях". Агитация за рабочий съезд была осуждена большинством съезда, как ведущая к „замене социал-

демократии беспартийными. рабочими организациями длительного характера".

По вопросу о „партизанских действиях" вынесена против голосов большинства большевиков резолюция об энергичной борьбе с партизанскими выступлениями и экспроприациями и о воспрещении членам партии какого бы то ни было участия в них. Всякие специальные боевые дружины признаны вредными, как содействующие развитию „партизанства" и распущены съездом.

Без дебатов большинством съезда была принята резолюция, рекомендующая добиваться „признания профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установление организационной связи с ней". Меньшевистская делегация протестовала против принятия в спешном порядке такой резолюции, которая должна была дезорганизовать профессиональное движение внесением раздоров с другими социалистическими партиями. Против решения съезда поднялись протесты руководящих органов профессиональных союзов. После Штутгартского междунар. конгресса (в 1907 г.), где обсуждался вопрос о взаимоотношении между партией и союзами, лондонская резолюция стала толковаться в согласии с штутгартской и применяться на практике с большими смягчениями.

Работы съезда кончились избранием Центрального Комитета, при чем опять колебания в рядах латышской делегации сделали невозможным избрание прочного „большевистского" большинства в этом учреждении (выбрано в его состав 5 большевиков, 4 меньшевика, 2 члена польск. с.-д., 2—Бунда и 2—латышск. с.-д.) [1].

Немедленно вслед за окончанием работ съезда, последовали события, связанные с актом 3 июня. Началась новая полоса усиленных репрессий, новый разгром открытых и нелегальных организаций. Политическая пресса партии была уничтожена. В течение 1907 г. Центральному Комитету удалось еще созвать две партийные конференции. Одна из них должна была решить вопрос об участии в выборах в третью Думу. Акт 3 июня вызвал острый рецидив бойкотистских настроений. Вслед за

[1]) Г. Гольденберг, Н. Ленин, Н. Рожков, Г. Зиновьев, В. Дубровинский, А. Мартынов, Н. Жорданиа, Б. Гольдман, Ной Рамишвили, Тышко, Варский, Р. Абрамович, М. Либер, Розин и „Герман". Состав этот в дальнейшем в течение 1907—1910 г.г. менялся, вследствие арестов и замещения арестованных кандидатами намеченными каждой фракцией на съезде.

социалистами-революционерами и народными социалистами, „бойкотизм“ охватил и большевиков и польскую социал-демократию. За исключением Н. Ленина и Н. Рожкова, все видные представители большевистской фракции (А. Богданов, Ю. Каменев, А. Луначарский, С. Вольский и др.) высказались за бойкот Думы. Точки зрения обоих течений были выражены в брошюре, заключавшей статьи Ленина и Каменева. На партийной конференции все делегаты—большевики и польские с.-д.—присоединились ко второй точке зрения; Ленин примкнул к меньшевикам и бундовцам, голоса которых решили обязательность участия в выборах.

На выборах в III Думу, несмотря на все репрессии, с.-д. удалось провести 16 депутатов партийных или примыкающих к партии (Предкальна от Риги, Гегечкори и Н. Чхеидзе—с Закавказья, И. Покровского—из Кубанской области, Гайдарова—из Дагестанской области, Н. Егорова—из Пермской губ., Мерзлякова и Путятина—из Вятской губ., Косоротова—из Уфимской, Войлошникова,—из Амурской области, Белоусова—из Иркутской губ. и от рабочих курий: Полетаева—Петербургской, Захарова—Московской, Воронина—Владимирской, Суркова—Костромской, Шурканова—Харьковской и Кузнецова—Екатеринославской губерний). Однако, за исключением Косоротова из Думы после его осуждения за политическую агитацию и за выходом 4 других депутатов из фракции в разное время, они сократились до 11-ти.

Послесловие к 2-му изданию.

„История Российской Социал-Демократической Партии“ была задумана в двух частях: первою частью должна была служить переработка старых работ Л. Мартова—книги „Пролетарская борьба в России“, первоначально вышедшей в начале девятисотых годов, и обширной статьи в известном коллективном труде „Общественное движение в России в начале XX столетия“; вторая часть должна была быть написана заново В. Ежовым, но дальше первых глав работа не пошла в силу условий, ставящих под сомнение возможность ее издания.

Первая часть, ныне переиздаваемая, подготовлялась к печати в самом конце 1917 и начале 1918 годов, когда еще не были приведены в порядок все те громадные документальные богатства, какие содержат многочисленные архивы всяких царских учреждений по борьбе с „крамолой“, когда еще не было приступлено к их систематической разработке, когда, наконец, еще не появилось в печати воспоминаний многих видных участников социал-демократического движения. Всеми этими материалами автору не пришлось воспользоваться, его работа основана, главным образом, на нелегальной литературе, какую можно было использовать за границей, и на обширных личных воспоминаниях.

Пребывание автора за границей не позволило ему пересмотреть для настоящего второго издания свою работу и использовать весь накопившийся за последние пять лет материал, не говоря уже об использовании архивов, приведенных за это время в порядок, и легко доступных ныне для научных работников. К тому же такой пересмотр означал бы новую переработку книги. Но поскольку „История“ не претендует быть „ученым“ исследованием, а ставит себе задачей дать доступный, сжатый очерк развития идей, тактики и практической деятель-

ности российской социал-демократии, постольку и не представлялось необходимости в такой новой переработке. И это тем более, что ставшие известными новые материалы почти не требуют изменений в изложении фактов и развития идей. Тщательный просмотр книги позволил установить лишь две—три фактические неточности или пробелы, которые и указываются ниже.

Первая социал-демократическая группа, о которой упоминается на странице 13, возникла зимою 1883—84 г. и состояла, главным образом, из учащихся высших учебных заведений, работавших среди молодежи и рабочих под руководством преимущественно бывших чернопередельцев. Основное ядро ее составляли бывшие народники-чернопередельцы П. А. Латышев (предполагаемый автор программы группы) и В. Е. Благославов, затем студенты университета Дм. Благоев, В. Г. Харитонов. Н. А. Бородин, студенты-технологи П. П. Шатько, Ап. А. Герасимов и П. П. Арщаулов и студент-лесник В. А. Кугушев.

В 1884 году группа имела около 15 рабочих кружков. в которых велась пропаганда, организовала типографию, выпустившую два номера „газеты партии русских социал-демократов" „Рабочий" (№ 1 вышел в январе 1885 г.). Газету эту следует считать родоначальницей русской социал-демократической прессы. После ряда арестов (начиная с декабря 1885 г.), группа была ликвидирована полностью в течение 1887 года.

Выработав во второй половине 1884 года свою программу, группа послала ее для отзыва за границу „Группе Освобождения Труда", которая резко ее раскритиковала, признав недостаточно марксистской, после чего группа отказалась от нее и приняла программу „Группы Освобождения Труда". Программа группы, найденная в архиве департамента полиции Б. И. Николаевским, действительно, представляет собой смесь научного социализма с лавризмом и лассальянством.

Для характеристики взглядов группы приводим следующие выдержки из программы:

„Русское государство, с отменой крепостного права, вступило на тот же путь экономической конкуренции, как и Западная Европа. Капитализм у нас уже зародился и растет.

„Но, благодаря тому, что Россия вступила на этот путь значительно позже, чем западные государства, ей трудно с ними конкурировать в борьбе за внешний рынок, а внутренний рынок весьма ограничен, благодаря бедности населения.

Развитие капитализма встречает затруднений более, чем где-либо; процесс обобществления труда пойдет у нас путем еще более медленным, еще более мучительным, чем на западе. Отношения классов у нас определились слабее, интересы не отлились в формы достаточно определенные, крестьянское население разбросано на огромном протяжении и трудно доступно для организации, поэтому государственное вмешательство у нас является еще более необходимым для облегчения процесса формирования нового общественного строя.

„Рассчитывать на единичный переворот, который бы сразу привел к переходу земли и орудий труда в руки народа, нет никаких оснований.

„Единственно возможный путь заключается в постепенной демократизации и переходе экономического и политического влияния из рук привилегированных классов в руки народа, что возможно лишь при его активном содействии, путем целого ряда народных движений, которые коренным образом перестроят государственную власть и обратят ее в пользу народа, а не кучки привилегированных классов. Сообразно с этим развивается наша программа".

В письме к „Группе Освобождения Труда" авторы программы указывают на то, что главное внимание они обращают „на политическое воспитание городских рабочих с целью добиться, опираясь на них, политического переворота для облегчения социально-революционной деятельности в дальнейшем будущем"... Далее говорится: „Мы стоим на почве действительных назревших требований самих рабочих". В другом месте программы указывается, что „в настоящее время в среде русского народа революционные элементы уже существуют и растут; это безземельный пролетариат. Благодаря прогрессирующему развитию кулачества и капитализма пролетариат будет необходимо расти и умножаться"...

Выясняя свое отношение к террору, бывшему тогда неотъемлемой частью революционных программ, группа высказывается против него, как системы, допуская террор лишь в исключительных случаях.

Как читатель может убедиться из приведенных выдержек, марксистское понимание в этой программе еще очень смутно и расплывчато, авторы еще не освободились вполне от народнических представлений. Эта непродуманность до конца сказывается и в формулировке требований программы, где в пункте 1,

на ряду с национализацией земли, мы встречаем требование „перехода фабрик и заводов в руки ассоциаций“, подчеркивание (п. 3) организации государства на федеративных началах, требование „широкого применения долгосрочного государственного кредита крестьянским обществам и рабочим ассоциациям для приобретения в пользование земли, фабрик и заводов“...

Подробные сведения о группе, программа ее и другие документы опубликованы *Б. Николаевским* в „Былом“, № 13, 1918 г. (июль).

После упоминания группы Благоева Л. Мартов переходит непосредственно к рассказу о рабочих социал-демократических кружках начала девяностых годов. Между тем, начатая Благоевской группой работа не замирала во всю вторую половину восьмидесятых годов; в эти именно годы складывалась та, охватившая все рабочие районы Петербурга, „рабочая организация“, созданная и руководившаяся самими рабочими, из которой вышли крупные рабочие социал-демократы, долгие годы, а некоторые и по сие время, работающие в рабочем движении. О возникновении этой „рабочей организации“ и о социал-демократической работе в Петербурге к конце 80-х и начале 90-х годов весьма ценные сведения сообщают воспоминания Н. Д. Богданова (напечатанные впервые в воронежском журнале „Освобождение Труда“ в 1918 году, а затем в извлечениях, перепечатанных в сборнике Истпарта „От группы Благоева“ к „Союзу Борьбы“), затем воспоминания, помещенные в том же сборнике, рабочих К. М. Норинского и В. А. Шелгунова.

Н. Д. Богданов дает в своих воспоминаниях яркую картину возникновения и работы разрозненных социал-демократических рабочих кружков, которые в начале 1889 года сплотились в единую организацию. Первоначально в ее состав входило около 10 рабочих кружков с общим числом участников от 50 до 80 человек. Первый комитет организации состоял из рабочих: Вас. Буянова, Гавриила Мефодиева, Фед. Афанасьева (убит в 1905 году черносотенцами в Иваново-Вознесенске), Петра Евграфова, Егора Климанова-Афанасьева, Ник. Богданова и представителя от интеллигенции, ведшей пропагандистскую работу, Вас. Сем. Голубева (впоследствии публицист, редактор „Товарища“, умер). Кроме Голубева, занимались в кружках Вл. Переверзин, Гавр. Мих. Родзевич,

М. И. Бруснев (в 1891 г. переехавший в Москву и там вскоре арестованный), братья Красины и другие.

К концу 1891 года число рабочих кружков доходило уже до 40 — 50, при чем все они были связаны между собой по районам и центральной организацией—Комитетом. Кроме упомянутых рабочих, выделились в те годы своим развитием и энергией рабочие Клопов, Крутов, Вл. Прошин, Ив. Ив. Егоров, А. С. Филимонов, Вл. Фомин, Н. Г. Полетаев, М. Яковлев, К. Норинский, В. А. Шелгунов, Фунтиков, Андр. Кузнецов, Вл. Князев, Ник. Ив. Желабин, Вера Карелина, Андр. Фишер (недавно вышли его воспоминания „В Англии и России"), Петр Морозов, Ив. Кейзер, Ив. Вас. Бабушкин и многие другие.

Именно эта рабочая социал-демократическая организация за несколько лет пропагандистской работы подготовила кадры тех рабочих, на которые оперся в своей деятельности первый „Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Когда в начале 90-х годов начались аресты членов организации, последние, будучи в провинциальных городах (Тула, Тверь, Кострома, Екатеринослав), являлись там начинателями социал-демократической работы в рабочем классе.

В том же сборнике „От группы Благоева" напечатана программа московской группы М. И. Бруснева; в числе арестованных по делу этой группы встречаем Вл. Г. Громана, П. М. Кашинского, Л. Б. Красина, В. А. Вановского, рабочих Афанасьева, Г. Мефодиева и других. Программа стоит еще на почве систематического террора (от него долго еще не освободились первые социал-демократические группы), но вместе подчеркивает роль в борьбе за социализм пролетариата; пункт 10 гласит: „Признавая рабочий пролетариат, как экономическую категорию, верховным носителем идей социализма, мы приложим все старания к возможно более широкой постановке пропаганды и агитации среди фабрично-заводских рабочих с целью непосредственного создания элементов будущей рабочей партии"...

Наконец, на рубеже от народничества к марксизму стоял социально-революционный кружок в Харькове, руководителями которого являлись умерший в 1900 году Ювеналий Дмитриевич Мельников, Д. Д. Бекарюков, Вл. Д. Перазич, рабочие Рябоконь, А. Ф. Филипченко и др. О харьковском

кружке подробности сообщаются в статье В. Невского в том же сборнике.

Значительные дополнения к главе III—„Образование Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“ содержатся в недавно вышедших в издании Гржебина в Берлине „Воспоминаниях социал-демократа“ Л. Мартова. В них гораздо подробнее рассказывается о возникновении и деятельности петербургского „Союза Борьбы“ (1895—1896 гг.).

Говоря на странице 28 о первом учредительном съезде партии, Л. Мартов не сообщает данных о подготовительной работе по созыву Съезда, об его инициаторах и пр. В двух статьях Б. Л. Эйдельмана, написанных в 1907 и 1908 гг. и напечатанных недавно в № 1 журнала „Пролетарская Революция“ (изд. Истпарта), с исчерпывающей полнотой рассказывается обо всем этом.

Вопрос о созыве съезда поднимался в Петербурге, Киеве, среди работников Бунда, но главная работа и завершение дела легли на Киев или, выражаясь точнее, на группу „Рабочей Газеты“. Тот факт, что киевляне сумели осуществить то, что замышляли и другие организации, объясняется в немалой степени более спокойной атмосферой Киева, более редкими арестами, что делало возможным накопление у отдельных работников революционного опыта, некоторая узость местной работы, позволявшая уделять больше внимания общероссийским задачам. Уже в 1891—92 году образовалась в Киеве социал-демократическая группа, ведшая пропаганду среди рабочих и молодежи; она явилась продолжательницей первого пионера социал-демократии в Киеве д-ра Абрамовича (умер от сыпного тифа в начале 1922 года в Саратове), который в 1888 году поступил слесарем в железнодорожные мастерские, завел знакомства с рабочими и скоро сорганизовал в кружки до 30 рабочих. Новая социал-демократическая группа имела в своем составе Ник. Абр. Вигдорчика (доктор, известный деятель по социальному страхованию), Як. Макс. Ляховского (один из основателей петербургского „Союза Борьбы“), В. Гр. Крыжановскую, П. Л. Тучапского (умер в Киеве в 1922 г.), С. Вл. Померанец, Л. В. Теслера, Б. Л. Эйдельмана, К. Василенко и др.

Приступив к массовой работе, группа выпустила первую для того периода социал-демократическую газету „Вперед“ (№ 1—январь 1897 г., № 2—28 февраля 1897 г.). Автором

почти всех статей являлся д-р Вигдорчик, равно, как и изданных группой агитационных брошюр „Рабочее дело в России“ и „Как министр заботится о рабочих“. В это же время был поднят вопрос об издании обще-русской газеты и о созыве съезда. Первая попытка созвать съезд, в виду недостаточной подготовки, окончилась неудачно: московский делегат оказался не внушающим доверия со стороны конспиративности, бундовцы не могли приехать, явился лишь делегат от петербургского „Союза Борьбы“ (Б. И. Гольдман-Горев); устроено было 17—18 марта 1897 года совещание, на котором решено было продолжать, но более основательно, подготовку съезда, а также постановлено, что отныне все местные социал-демократические организации должны носить название „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“ с прибавлением названия города (в исполнение этого постановления слившиеся, вскоре после того в одну организацию все киевские социал-демократические группы приняли название „Киевский Союз Борьбы и проч.“).

Вскоре образовалась в Киеве из наиболее опытных работников группа „Рабочей Газеты“ по названию газеты, ею выпускаемой. Группа взялась за работу по подготовке съезда. В ее состав входили упомянутые Вигдорчик, Померанец, Тучапский, Крыжановская, Эйдельман, а также Шен, Этингер, Розенберг, Белоусов. Типография „Рабочей Газеты“ помещалась в квартире С. В. Померанец, работал в ней А. Поляк.

Газете с самого начала решено было придать общерусский характер, воспитывая мысль о необходимости объединения всех социал-демократических организаций в единую централизованную партию. Вышло всего два номера „Рабочей Газеты“: № 1—22 августа 1897 г., № 2—20 декабря 1897 года, третий номер был почти составлен, когда во время массовых арестов по всему югу в марте 1898 г. типография газеты была захвачена в Екатеринославе.

Одновременно с изданием газеты группа „Рабочей Газеты“ приступила к подготовке съезда; Б. Л. Эйдельман составил краткую записку о задачах съезда; был составлен проект устава; материалы эти при объездах организаций оставлялись им для обсуждения и внесения поправок и дополнений.

Приглашать было решено устойчивые местные организации, доказавшие свою солидарность. Были приглашены: Мо-

сковский, Петербургский, Екатеринославский и Киевский „Союзы Борьбы“ и Бунд. Харьковская социал-демократическая группа отказалась от участия в съезде, считая его преждевременным в виду слабости движения и местных организаций. Приглашена была также недавно возникшая Литовская с.-д. партия, не приславшая, однако, своего представителя.

Съезд открылся в Минске 1 марта 1898 года, а не 27 февраля, как указано у Л. Мартова, закончился он 3 марта вечером. Участвовали на нем: от „Рабочей Газеты“—Эйдельман и Вигдорчик, от Петербургского Союза Борьбы—Ст. Ив. Радченко (умер в 1912 г.), от Киевского Союза Борьбы—П. Л. Тучапский (а не Теслер, как указано у Л. Мартова), от Московского—Ал-др Алексеевич Вановский (а не Перазич), от Екатеринославского—Каз. Петрусевич, от Бунда—А. Кремер, Вл. Коссовский и Мутник. Председательствовал Б. Эйдельман; в Центральный Комитет партии были избраны: Эйдельман, Радченко и Кремер. Центральным органом партии утверждена „Рабочая Газета“ с назначением редакции ее центральным комитетом.

В дальнейшем изложении „История“ не требует особых изменений и дополнений.

В. Ежов.

Ноябрь, 1922 г.

ОГЛАВЛЕНIЕ.